

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ,

1884.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

- Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Біографическій очеркъ
(продолженіе) Священ. Т. Бутневича.
Очеркъ исторіи благотворительности въ русской Церкви . А. Вертеловскаго.
Живое слово (продолженіе). Статья Преосвященнаго Амвросія.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Нужна-ли философія? Профессора Московской духовной
академіи В. Кудрявцева.
Осуществимо-ли на землѣ счастье, какъ цѣль существова-
нія рода человѣческаго? (окончаніе) И. Асоченскаго.
Письма философа Сенеки (продолженіе) * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Высочайшій манифестъ.—Опредѣленіе Святейшаго Синода.—Епархіаль-
ныя извѣстія.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—
Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и прав-
ственно-воспитательной частямъ за 1882—83 годъ (окончаніе).—Отъ правленія Купин-
скаго духовнаго училища.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ Вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія Правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ приобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίσται νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Мая 5 дня 1884 года. Г. Харьковъ.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Продолженіе *).

Какъ образованный человекъ своего времени, Иннокентій принесъ обществу не малую пользу и своимъ теплымъ участіемъ въ дѣлѣ надлежащей постановки науки въ ново-учрежденномъ университетѣ Кіевскомъ, который за его труды и избралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Возведенный въ почетные члены университета, Иннокентій внимательно слѣдилъ за университетскою наукою и искренно старался о томъ, чтобы тѣснѣе сблизить дѣятелей университета съ дѣятелями академіи, не замедлившей удѣлить молодому университету часть своихъ научныхъ силъ. Университетъ св. Владиміра былъ открытъ въ Кіевѣ 15-го іюля 1834 года. Первымъ попечителемъ былъ въ немъ Е. О. Фонъ-Брадке. Желая принести посильную пользу ново-учрежденному заведенію, Фонъ-Брадке прежде всего счелъ нужнымъ войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ ректоромъ Кіевской академіи, въ опытности и благоразуміи котораго онъ видѣлъ возможность пріобрѣсти все необходимое для того, чтобы положить твердое основаніе порядку и дисциплинѣ въ ввѣренномъ ему заведеніи. Расчетъ Фонъ-Брадке не обманулъ его.

Иннокентій содѣйствовалъ благоустройству ново-учрежденнаго университета не только своими разумными совѣтами, но и своими рекомендаціями даровитыхъ профессоровъ, которыхъ ради науки онъ отнималъ даже у своей академіи.

Такъ прежде всего, по совѣту Иннокентія, въ Кіевскій университетъ былъ приглашенъ профессоръ Кіевской духовной

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 5.

академіи Иванъ Михайловичъ Скворцовъ на кафедрѣ богословія, церковной исторіи и церковнаго права. Черезъ два года (въ 1836 года) Иннокентій уступилъ Кіевскому университету и другаго своего любимаго сослуживца Ореста Марковича Новицкаго. „Г. Фонъ-Брадке, говоритъ о. Гапоновъ *), часто посѣщалъ покойнаго преосвященнаго. Можно было тотчасъ понять цѣль и намѣреніе этого посѣщенія. Одно изъ таковыхъ посѣщеній было замѣчательно по слѣдующему разговору между попечителемъ университета и покойнымъ преосвященнымъ. „Вы“, сказалъ г. Фонъ-Брадке Иннокентію, „порекомендовали мнѣ законоучителя для университета, вашей академіи профессора, протоіерея И. М. Скворцова, и я вамъ очень благодаренъ“. — „Да“, отвѣчалъ покойный преосвященный, „это у насъ столпъ академіи“. — „Теперь“, продолжалъ г. Фонъ-Брадке, „прошу васъ покорнѣйше дать мнѣ еще наставника для философскаго предмета. Вообразите, какое мое положеніе: въ университетѣ, какъ вамъ извѣстно, открыто столько-то факультетовъ, и есть уже наставники, а для философскаго факультета нѣтъ. Присылали, правда, нѣмецкіе доктора свои сочиненія, желая занять философскую кафедру. Совѣтъ университета разсматривалъ эти сочиненія, и они оказались довольно неудовлетворительными“. — „Это плохо“, отвѣчалъ покойный преосвященный, „видно, надобно оказать вамъ помощь и въ этомъ случаѣ. Извольте, — рекомендую вамъ одного изъ нашихъ бакалавровъ, г. Новицкаго“. „Пожалѣли, правда, мы крѣпко, замѣчаетъ о. Гапоновъ, когда узнали, что Орестъ Марковичъ поступаетъ въ университетъ (онъ читалъ намъ логику), но вмѣстѣ и порадовались, что г. Новицкій сдѣлаетъ честь нашей академіи“. „По назначенію совѣта университета, онъ долженъ былъ приготовить вступительную лекцію и предложить ее публично въ университетской залѣ. Для этого приглашены были: покойный митрополитъ Евгеній, нашъ отецъ ректоръ (т. е. Иннокентій) и вся знать кіевская. О. М. Новицкій блистательно выдержалъ пробу, а мы, студенты, были отъ этого въ восторгѣ“.

Кромѣ Скворцова и Новицкаго въ число профессоровъ университета перешли еще, на нѣкоторое время, Авсенева и по-

*) „Вѣнокъ“ Погодина, стр. 80.

томъ Гогоцкій. Правда, нѣкоторыхъ изъ указанныхъ лицъ Иннокентій не охотно уступалъ университету, онъ старался удержать ихъ при академіи; но долженъ былъ уступить вниманію и къ нуждамъ ихъ семейной жизни, которая въ ту пору гораздо лучше обезпечивалась въ университетѣ, чѣмъ въ академіи. Впрочемъ, Иннокентій самъ радовался успѣхамъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ профессоровъ академіи въ новомъ званіи ихъ,—успѣхамъ, въ которыхъ выражались и успѣхи академической и въ частности философской науки. Нерѣдко кіевскій попечитель Фонъ-Брадке съ нѣсколькими изъ своихъ студентовъ въ праздничные дни бывалъ и въ академической церкви. „Что за цѣль? Развѣ своей церкви нѣтъ?“ недоумѣвали студенты Кіевской академіи. Оказалось-же, что Фонъ-Брадке этимъ приучалъ своихъ студентовъ, какъ вести себя въ церкви. „Видите“, говорилъ онъ имъ, „какъ студенты академіи стоятъ: чинно, благоговѣйно“... Но гораздо большую пользу какъ для академической, такъ и для университетской науки принесла дружба Иннокентія съ первымъ ректоромъ Кіевского университета — Максимовичемъ, рѣдкимъ специалистомъ по исторіи Юго-Западнаго края Россіи. Впрочемъ, кто изъ нихъ больше для кого сдѣлалъ,—рѣшить довольно трудно. Остается пожалѣть только, что въ Кіевѣ дружба этихъ двухъ великихъ людей продолжалась очень недолго: переводъ Иннокентія изъ Кіева многого не далъ докончить въ наукѣ этой благородной дружбѣ... Кромѣ Максимовича, Иннокентій находился въ тѣсныхъ, дружескихъ отношеніяхъ и со многими другими передовыми людьми его времени,—таковы люди науки: Погодинъ, Надеждинъ, Жуковскій, Гоголь, Кирѣевскій, Бодянский, Голубинскій, Невоструевъ, Карповъ, Сахаровъ, Снѣгиревъ, Кочетовъ и др.,—государственные сановники: графы Сперанскій и Блудовъ, князь М. С. Воронцовъ, Д. Г. Бибииковъ, Васильчиковъ и др. Онъ велъ съ ними большую переписку, обмѣнивался мыслями, повѣрялъ свои задушевные думы, планы и проекты, и по его собственному выраженію, „раскрывалъ свои *затты*“. При случаѣ, проѣздомъ чрезъ Кіевъ, эти лучшіе люди того времени всегда посѣщали даровитаго кіевского ректора, осматривали его академію, любовались плодами его гигантскихъ

трудоѡ. И эта дружба, конечно, не оставалась безъ взаимнаго вліянія, обоюдной пользы... Вообще, нужно сказать, что предавшись всецѣло священному дѣлу образованія другихъ, Иннокентій не оставлялъ продолжать и своего собственнаго самообразованія. Онъ интересовался каждою научною новостію, — являлась-ли она въ его собственномъ отечествѣ или вдали отъ него, — за его границами. Приобрѣтать вновь являвшіяся болѣе или менѣе серьезныя книги, штудировать и научно цѣнить ихъ — было его почти страстію. Его бібліотека была весьма драгоцѣнна и обширна уже во время его кіевскаго ректорствованія. Но и этого было мало. Ученому ректору Кіевской академіи хотѣлось быть такимъ-же полновластнымъ хозяиномъ и въ области естественныхъ наукъ, какимъ онъ былъ въ области наукъ богословскихъ, философскихъ и историческихъ. Въ одномъ изъ писемъ къ М. А. Максимовичу въ 1840 году Иннокентій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Посылаю книгу; взгляните, — можно-ли по ней получить правильное понятіе о царствѣ минеральномъ? Если можно, то я куплю. Ибо страхъ какъ хочется познакомиться получше съ камнями и растеніями. А вы будете моимъ учителемъ. Въ такомъ разѣ я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Нельзя-ли даже возымѣть какую-нибудь коллекцію камней, — разумѣется, самыхъ основныхъ; ибо царство каменное должно быть въ основѣ своей просто“. Впослѣдствіи это желаніе было достигнуто вполне. Говорятъ, что Иннокентій имѣлъ самую рѣдкую и въ то же время весьма богатую коллекцію экземпляровъ растительнаго и минеральнаго царства. Любовь къ естественнымъ наукамъ, стремленіе усвоить съ сознаниемъ ихъ послѣднее слово, у Иннокентія были самымъ естественнымъ слѣдствіемъ его любви къ внѣшней природѣ, которую онъ любилъ всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ, какъ великое, безукоризненное твореніе Всемогущаго Создателя, — твореніе, не имѣвшее ничего существенно дурнаго и ясно говорившее о небесномъ величіи своего Творца. Въ этомъ случаѣ взглядъ Иннокентія на внѣшнюю природу не только замѣчательнъ, но и весьма поучителенъ. „Однажды случилось вотъ что, рассказываетъ архимандритъ Іоасафъ. Возвращаясь изъ Гадючаго лога (мѣстность невдали отъ Кіева, въ

которой дѣйствительно водилось много змѣй, по малороссійски *гадюкъ*) въ Пироговку (монастырская дача Иннокентія), мы пошли путемъ, который идетъ чрезъ болото. Идучи по гати, я увидѣлъ нѣсколько черепахъ на купѣ возлѣ орѣховаго куста. Онѣ вышли изъ воды и грѣлись на солнцѣ, выползши изъ своихъ скорлупъ. Преосвященный какъ-то не замѣтилъ ихъ, прошелъ мимо. Я-же, идя позади его, лишь увидѣлъ черепахъ въ ихъ обнаженномъ видѣ, съ ихъ длинными головами и жалами, вскричалъ почти невольно: „Ахъ, какія гадкія твари!“—Преосвященный вдругъ оборотился ко мнѣ и спросилъ: „Что тамъ такое? Какія это твари?“—„Черепахи“, отвѣчалъ я, „вонъ, посмотрите, сколько ихъ“. Онъ остановился, посмотрѣлъ на нихъ, потомъ, обратясь ко мнѣ и, принявъ какой-то серьезный видъ, спросилъ: „Да ты гдѣ учился?“ Что за странный вопросъ, подумалъ я. „Въ академіи“, говорю я.—„Хорошъ-же ты академикъ! Да развѣ у Бога, всепремудраго и всесовершеннаго существа, есть какія-либо гадкія твари?“ Ну, думаю себѣ, попался-же я! А то все было между нами хорошо. „Каждая тварь“, продолжалъ онъ, „выражаетъ собою мысль Божію. А мысль Божія совершенна, полна, слѣдовательно, и каждая изъ тварей, по своему виду и роду, заключаетъ въ себѣ все совершенство и всю полноту. Правда, мы называемъ нѣкоторыхъ изъ тварей гадкими такъ, по привычкѣ. Но это очень глупо. Вникни, разсмотри организмъ этихъ, повидимому, гадкихъ тварей, и ты удивишься чудному ихъ устройству. Даже можно сказать, чѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ едва замѣтнѣе для глазъ нашихъ что-либо изъ рода пресмыкающихся или насѣкомыхъ, тѣмъ болѣе оно имѣетъ въ себѣ совершенствъ. Мы мало знаемъ природу, оттого такъ поверхностно и судимъ о ней. Нѣтъ, когда говорится: „Дивенъ Ты, Господи, и дивны дѣла Твоя“, такъ это потому именно сказано, что всякая тварь въ своемъ родѣ совершенство, что каждая изъ нихъ находится въ тѣсной связи съ прочими тварями, и создана для извѣстной, необходимой цѣли. Вотъ какъ надо смотрѣть на природу и на все, что есть въ ней!“

Внѣшняя природа и ея явленія для Иннокентія были одни изъ ближайшихъ и достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей Божест-

веннаго величія и всемогущества, какъ указалъ на природу и апостоль языкъ. Для Иннокентія все въ природѣ напоминало о Богѣ, все говорило ему, что она есть только другая библія, а не дѣло простаго случая. Этотъ взглядъ на внѣшнюю природу ясно проводится Иннокентіемъ и во всѣхъ его проповѣдяхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ жизнь внѣшней природы и ея явленія. „Чей это гласъ, братіе, гремитъ съ неба во время грома?“ спрашивалъ нѣкогда Иннокентій въ своемъ второмъ словѣ о лѣтѣ. „Откуда берется этотъ ужасный огонь, предъ коимъ всѣ наши огни такъ слабы и малосильны? Естественныиспытатели изъясняютъ это явленіе въ природѣ силою, такъ называемою, электрическою. Не будемъ мѣшать ихъ полезнымъ наблюденіямъ надъ сею силою. Спросимъ только, что это за сила? Отвѣта на сей вопросъ не можетъ дать ни одинъ мудрецъ. Сила, обнаруживающаяся тѣмъ или другимъ, производящая то и то; а что она сама въ себѣ—сего никто не знаетъ. Уже-ли нѣтъ значенія и смысла въ этой силѣ? Уже-ли нѣтъ существа, коему принадлежитъ она? Если громъ не гремитъ безъ руки, приводящей его въ движеніе на нашихъ бѣдныхъ театрахъ; то безъ сомнѣнія есть десница, которая заставляетъ трепетать небо и землю въ пространной атмосферѣ природы! Чья эта десница? Не видѣлъ-ли кто ее когда-либо? Видѣлъ кто?—Св. Давидъ. Скажи-же намъ, боговдохновенный мудрецъ и пророкъ Израилевъ, что это за сила электрическая, которую мы думаемъ выяснить, но коей никто изъ насъ не понимаетъ нимало?—Не знаю я вашихъ ученыхъ открытій, отвѣчаетъ псалмопѣвецъ, а скажу то, что видѣлъ и слышалъ во время грома. И я видѣлъ силу, но силу Іеговы; и я слышалъ гласъ, но гласъ Божій, гласъ Господень на водахъ, гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господень въ великолѣпіи; гласъ Господа, сокрушающаго кедры, гласъ Господа, пресѣкающаго пламень огня, гласъ Господа, страсающаго пустыни, гласъ Господа, страсающій елени (Пс. 28, 3, 9). Видите, какъ ухо пророка послѣдовало всюду за громомъ и вездѣ слышало токмо гласъ Божій! Но пророческія-ли только ушеса способны къ сему? Посмотрите на самаго послѣдняго простолюдина, застигнутаго грозою на нивѣ, имъ обрабатываемой: при блескѣ молніи онъ съ

благоговѣніемъ обнажаетъ главу и знаменуетъ себя крестомъ. Что это, какъ не слѣдствіе того, что онъ слышитъ гласъ Божій? И почему слышитъ? Потому что лжеименное познаніе и бездушная нечувствительность градовъ не успѣла заглушить въ немъ чувство природы, которая всегда тотчасъ узнаетъ близость къ себѣ Творца. И въ однихъ-ли людяхъ узнаетъ? Нѣтъ, — въ самыхъ неразумныхъ животныхъ. Перенеситесь мыслию въ знойныя страны земель равноденственныхъ, гдѣ жизнь и растительность въ самой высшей степени, но гдѣ въ высшей степени свирѣпствуютъ и ураганы съ громами и молніею, и станьте у входа въ эту (?) пещеру. Въ обыкновенное время вы увидите тамъ борьбу на смерть между всѣмъ живущимъ; ужасная змія борется съ тигромъ; левъ сражается съ гіевою. Но вотъ, идетъ гроза, и земная брань утихаетъ. Въ пещеру стремится все живое, и большіе и малые звѣри, кои въ обыкновенное время не терпятъ другъ друга. Теперь они всѣ вкупѣ, спокойно лежатъ одинъ подлѣ другаго, и вы сами можете укрыться подъ сводомъ ея. Что примирило всѣхъ, связало лютость и кровожадность? Гласъ Божій, присутствіе Того, чей глаголъ не возвращается тощъ...“ Указавъ затѣмъ, что громъ выражаетъ собою не милость, а праведный гнѣвъ Божій къ грѣшному человечеству, Иннокентій замѣчаетъ: „Посему, всякій разъ, братіе, когда слышу громъ, мнѣ представляется злополучное паденіе нашихъ прародителей; кажется, я слышу гласъ Бога, ходящаго въ раю и вопрошающаго: Адаме, гдѣ еси.“

При такомъ взглядѣ на внѣшнюю природу и ея явленія, у Иннокентія понятна и особенная любовь къ ней, равно какъ понятно и особенное вліяніе ея на Иннокентія. Живость и образность языка, естественность, наглядность и правдивость изложенія, которыми мы увлекаемся въ проповѣдяхъ Иннокентія, не имѣли для себя другаго источника, кромѣ непосредственнаго наблюденія жизни природы. Это ясно сознавалъ и самъ Иннокентій, считая себя вполне обязаннымъ своими лучшими произведеніями именно вліянію внѣшней природы. Во время своего ректорствованія Иннокентій нерѣдко проживалъ на двухъ дачахъ: академической — Борцаговкѣ, находившейся верстахъ въ семи отъ Кіева, и монастырской — Пироговкѣ, отстоящей отъ

Кіева въ десяти верстахъ. Какое вліяніе производило на Иннокентія проживаніе на этихъ дачахъ, можно видѣть изъ собственныхъ его словъ. „Счастливы тѣ, говорилъ онъ о. В. Гапонову, кои имѣютъ случай провести весеннее время среди природы. Оно много добраго внушаетъ. Вотъ я скажу о себѣ: когда я жилъ здѣсь (въ Пироговкѣ) весною года два тому назадъ, у меня родилась мысль написать „Свѣтлую Седмицу“; а живя прежде этого въ Борщаговкѣ тоже весною, придумалъ я составить „Страстную Седмицу“; не говорю уже о томъ, что и мое здоровье въ это время ощутительно поправляется. Я, такъ сказать, съ весны запасуюсь здоровьемъ на цѣлый годъ“.

Особенно любимую дачею Иннокентія въ Кіевѣ была Пироговка. По словамъ современника и очевидца *), эта дача отличалась прекраснѣйшимъ мѣстоположеніемъ и жизненными удобствами: мѣсто ровное, низменное, обрамленное вокругъ небольшимъ дровянымъ лѣсомъ, во главѣ котораго, къ южной сторонѣ, на долину виселся, охвата въ полтора, прекрасный дубъ, въ полномъ смыслѣ развѣсистый. По правую сторону этой дачи тянутся кіевскія горы, покрытыя густымъ лѣсомъ; по лѣвую—стелются лаврскіе, обширные луга, на которыхъ по мѣстамъ росли небольшія ропицы. Вдали—течетъ могучій Днѣпръ съ своими заливами и озерами. При вѣздѣ на эту дачу находился монастырскій дворъ, близъ него—овощный огородъ, за огородомъ—деревянный домъ съ верхнимъ жильемъ или антресолями—для настоятельскаго приѣзда. Передъ домомъ въ полуквадратѣ росло нѣсколько толстыхъ и довольно высокыхъ липъ; за ними открытое ровное мѣсто, на которомъ Иннокентій задумалъ было развести фруктовый садъ, почему и приказалъ засадить его дичками плодовыхъ деревьевъ.

На эту то дачу, какъ мы сказали выше, Иннокентій отправилъ однажды для поправленія здоровья больнаго студента—священника о. Василия Гапонова, впоследствии архимандрита Іоасафа. О. Гапоновъ считалъ себя знатокомъ въ дѣлѣ садоводства. Вскорѣ по приѣздѣ, о. Гапоновъ писалъ Иннокентію, что, осмотрѣвъ всѣ дички, имъ посаженные, онъ нашелъ ихъ годными къ прививкѣ, но что для этого нужно приобрѣсть въ

*) „Вѣнокъ“ Погодина, стр. 91.

Кіевѣ у садоводовъ хорошихъ сортовъ яблонь и грушъ. На другой день, по полученіи этого письма, часу въ двѣнадцатомъ дня, пріѣхалъ самъ Иннокентій. „Ты хочешь заняться садомъ?“ спросилъ онъ, выходя изъ экипажа, о. Гапонова.

— Такъ точно.

— Вотъ-же тебѣ все, что нужно. Скоро-ль ты займешься?

— Хоть сейчасъ, отвѣчалъ Гапоновъ.

— Нѣтъ сперва напьемся чаю. Каково твое здоровье?

— Слава Богу, чувствую себя лучше, отвѣчалъ Гапоновъ.

Напились чаю.

— „Ну, теперь и за работу“, сказалъ Иннокентій. А знаешь ли, я еще никогда не видалъ, какъ прививаются деревья?

Такая откровенность со стороны пресвященнаго, говоритъ о. Гапоновъ, меня чрезвычайно какъ заинтересовала. Вотъ, подумалъ я, настала и моя очередь быть наставникомъ. Посмотримъ, какъ-то будетъ переимчивъ этотъ *ученикъ*.

Принялись за работу. Прививалъ я, обыкновенно, говоритъ о. Гапоновъ, въ расколъ. Такъ наприм., сперва приготовишь черенокъ, заостривъ его клинышкомъ съ толстаго конца, срѣжешь дичокъ ровно, чисто, потомъ расколешь его посреди, присадишь туда черенокъ; наконецъ, обвяжешь чистою тряпочною расколъ дичка, а срѣзь черенка залѣпишь воскомъ, чтобы не вредила сырость...

Иннокентій смотрѣлъ на все это съ особеннымъ вниманіемъ, и когда надъ первымъ дичкомъ работа была окончена, онъ спросилъ какъ-бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ:

— Только-то?

— Только, отвѣчалъ о. Гапоновъ.

Любопытство невольно завлекло его еще дальше.

— И примется, и выростеть, и будутъ плоды такой точно породы, отъ какой взять этотъ черенокъ?—любопытствовалъ онъ.

— Такъ точно, отвѣчалъ Гапоновъ.

— Дивно! И какъ все это просто! Привѣй еще, сказалъ Иннокентій.

О. Гапоновъ привилъ еще нѣсколько дичковъ. Иннокентій все смотрѣлъ и замѣчалъ.

— Ну, теперь, давай, привью и я, сказалъ онъ.

Первый опытъ вышелъ однако-же у него неудаченъ.

— Эхъ, плохо, сказалъ онъ, что-то руки дрожать.

Второй опытъ удался,—и нужно было видѣть, какъ радъ былъ Иннокентій этой удачѣ!.. Привилъ онъ дичковъ около десятка.

— Ну теперь довольно. Постой я ихъ отмѣчу, какъ собственные мои труды, сказалъ Иннокентій. И воткнулъ возлѣ каждаго изъ нихъ палочки.

— А скоро-ль черенки примутся?—любопытствовалъ Иннокентій.

— Недѣли черезъ двѣ, много—три, отвѣчалъ Гапоновъ.

— Будемъ ждать. А какъ они высоко выростутъ за лѣто? продолжалъ спрашивать Иннокентій.

— Смотря по дичку, отвѣчалъ Гапоновъ,—въ аршинъ и болѣе.

— А скоро-ль будутъ приносить плоды?

— На четвертый годъ.

Дня черезъ три Иннокентій снова пріѣхалъ въ Пироговку.

— Ну, что дички? спросилъ онъ Гапонова.

— Привиты всѣ, отвѣчалъ тотъ.

— А сколько ихъ?

— Штукъ до двухъ сотъ.

Любопытство Иннокентія усиливалось съ каждымъ днемъ. Чуть-ли не каждый день онъ допрашивалъ Гапонова, скоро-ли будутъ отпрыски или побѣги? Наконецъ, дождались: у черенковъ показались отпрыски. О. Гапоновъ увѣдомилъ объ этомъ Иннокентія, который въ тотъ-же день и пріѣхалъ на хуторъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ онъ о. Гапонову, посмотримъ и—первѣе всего мои прививки.

Какъ-же онъ обрадовался, замѣчаетъ о. Гапоновъ, когда увидѣлъ на своихъ прививкахъ образовавшіеся уже отростки съ свѣжими, прекрасными листочками!..

Это обстоятельство само по себѣ, конечно, еще не имѣетъ особенной важности. Оно свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ Иннокентій интересовался жизнью природы, какъ онъ хотѣлъ изучить и понять ее и—ничего болѣе. Но для насъ важенъ тотъ

результатъ или, лучше сказать, урокъ, который былъ вынесенъ отсюда Иннокентіемъ, всегда заключающимъ отъ видимой природы и ея явленій къ ея невидимому Творцу. Осмотрѣвъ со вниманіемъ всѣ прививки, Иннокентій затѣмъ нѣсколько остановился, молчалъ и думалъ, какъ-бы углубляясь во что-то, и наконецъ сказалъ: „удивительно, какъ природа въ этомъ явленіи разительно изображаетъ догматъ нашего возрожденія! Дикій корень, какъ и нашъ первородный грѣхъ... Къ дикому произрастенію прививается добрая маслина, и соки дикаго-же корня должны сообщаться съ жизнью этой доброй маслины, дабы она возросла и дала плодъ въ свое время. Такъ и съ нами: человѣкъ все тотъ-же остается; но чрезъ таинство крещенія ему сообщается благодать Святаго Духа, и онъ тогда становится новою тварью; изъ младенца во Христѣ возрастаетъ потомъ, при естественныхъ и благодатныхъ средствахъ, въ мѣру возраста Христова для того, чтобы приносить плодъ во святую.“ Вотъ какой урокъ вынесъ Иннокентій изъ своихъ первыхъ занятій по садоводству.

Говорятъ, что въ Кіевѣ во время своего ректорствованія Иннокентій высказывалъ иногда мысль—отказаться отъ своего блестящаго будущаго, послѣдовать примѣру древнихъ отшельниковъ, въ собственномъ смыслѣ отрѣшиться отъ сего міра, и поселиться въ какой-либо пещерѣ, если не въ Палестинѣ, то по крайней мѣрѣ въ лѣсахъ кіевскихъ. При впечатлительности воображенія и вдохновенности настроенія, при непосредственности и возвышенности самыхъ благородныхъ чувствъ и стремленій, при особенномъ пониманіи природы и любви къ ней, мысль эта у Иннокентія могла явиться всегда, хотя, конечно, отъ этой мысли до полной рѣшимости къ ея осуществленію было слишкомъ далеко. Допуская правдивость этого разсказа, мы даже готовы указать и самое обстоятельство, которое могло быть поводомъ къ появленію такой мысли. Разумѣемъ открытіе Иннокентіемъ близъ монастырской дачи какихъ-то древнихъ пещеръ, на которыя ему пришлось натолкнуться совершенно случайно. Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ обстоятельствѣ самъ Иннокентій студенту-священнику, о. Гапонову. „Каждый разъ какъ пріѣду въ Пироговку“, разсказывалъ Иннокентій,

„особливо весною и лѣтомъ, первымъ и любимымъ моимъ дѣломъ было ходить по этимъ горамъ и лѣсамъ. Теперь эта окрестность почти вся мнѣ извѣстна. И я ходилъ всегда одинъ вотъ съ этимъ товарищемъ (Иннокентій указалъ на свою палку). Мѣста здѣсь вообще хороши. Но одно изъ нихъ особенно обратило на себя мое вниманіе. Оно извѣстно подъ названіемъ *Гадючало лога*, видно, оттого, что въ немъ дѣйствительно водится множество змѣй. Это урочище вдалось какъ-то въ гору широко и кругло, и, такимъ образомъ, въ объемѣ своемъ, представляетъ родъ котловины. Къ спуску горы края этой котловины постепенно суживаются такъ, что все это мѣсто скорѣе походитъ на вѣеръ. Въ вершинѣ лога, съ лѣвой стороны, есть ключи, и вода бѣжитъ сильно; есть и другой ключъ близъ холма, при входѣ въ логъ. Вода въ немъ прекрасная; тутъ колодезь. Мѣсто хорошее, имѣетъ свои выгоды; воды много, строеваго лѣса хотя и нѣтъ, зато молоднякъ: дубъ, кленъ, ясень, липа и пр. растутъ очень хорошо. Я сказалъ, что это мѣсто—урочище хорошее. Нѣтъ, этого мало: оно, сверхъ чаянія, оказалось историческимъ, и вотъ какимъ образомъ. Разъ, — это было весною, — прихожу я къ Гадючему логу, смотрю, близъ колодца разложенъ огонь; по лѣсу бродитъ скоть; пастуховъ, однакожь, не видно. Гдѣ-жь это они? Стою и думаю себѣ; вдругъ услышалъ я говоръ мальчиковъ. Я обратился туда, откуда послышался мнѣ говоръ, и увидѣлъ на холму трехъ мальчиковъ. Я пошелъ къ нимъ; смотрю, ихъ тамъ нѣтъ. Взшелъ на самый холмъ, нѣтъ; обошелъ холмъ вокругъ, смотрѣлъ туда и сюда, все ихъ нѣтъ. Что это за диво? Между тѣмъ, по правую сторону при спускѣ съ холма, я увидѣлъ взрытую землю, подошелъ туда, вижу, какая-то нора. Я тотчасъ догадался, что мальчики здѣсь скрылись. Моя догадка вскорѣ оправдалась: голоса мальчиковъ послышались въ норѣ. Я уклонился нѣсколько въ сторону, чтобы дать время выйти имъ оттуда. (Впослѣдствіи оказалось, что они, увидѣвъ меня, испугались, да со страха и скрылись въ нору). Дѣйствительно, одинъ изъ мальчиковъ выползъ изъ норы. Я постарался приласкать его, далъ ему монету и спросилъ, гдѣ-же прочіе его товарищи. „Тамъ, въ ямѣ“, отвѣчалъ онъ. „А что-жь это за яма? Глу-

бока-ли она? не лисьи-ли это норы?“ „Нѣ, се, кажутъ, пещеры“. „Пещеры!.. позови-ка своихъ товарищей, скажи имъ, чтобы они меня не боялись: я добрый человѣкъ“. Выползли, наконецъ, и тѣ. Для ободренія ихъ, я и этихъ надѣлилъ деньгами. „Скажите-жъ мнѣ теперь, хлопцы, можно-ли и мнѣ туда слазить?“—„А чомъ не можно? можно!“—„Да вѣдь тамъ темно? Ничего не увидишь?“—„Дакъ що-жъ, що темно, мы возьмемъ съ собою огню, наберемъ сухихъ трисочокъ, засвѣтимъ и пойдемъ. Мы все такъ робимъ!“—„Ну, сдѣлайте-жъ это сейчасъ“. Они тотчасъ побѣжали, собирали сухихъ щепокъ, гдѣ-то нашли нѣсколько соломы, принесли и огня. „Да вы, паноче, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, скиньте съ себе одежду; вона така хороша, якъ небудъ замараєте?“ Въ самомъ дѣлѣ, я послушался и скинулъ съ себя рясу.—„Господи, благослови!“ спустились ползкомъ въ нору, зажгли огонь. Одинъ изъ мальчиковъ пошелъ впередъ, я за нимъ, двое за мною. Какъ-же я удивился! Лишь прошли мы шаговъ нѣсколько, я увидѣлъ, что это въ самомъ дѣлѣ пещеры, точно такія, какъ и въ Лаврѣ, судя по ихъ улицамъ или проходамъ. Дальше я уже не ходилъ, предоставивъ другому времени заpastись свѣчею и разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ. На другой или на третій день я снова прѣхалъ въ Пироговку, пришелъ сюда, напелъ, по уговору, тѣхъ-же мальчиковъ. Они ожидали меня уже не съ боязнію, а съ радостью. Мы тотчасъ приступили къ дѣлу: опять ползкомъ спустились въ пещеры. (Проходъ въ нихъ отъ времени заваленъ и заросъ кустарникомъ; оставалось одно лишь небольшое отверстіе). Зажгли свѣчи и пошли уже спокойно разсматривать пещеры. Оказалось, что весь холмъ (въ объемѣ своемъ холмъ будетъ сажень около пятнадцати и покрытъ мелкимъ лѣсомъ) изрытъ пещерами; улицы или проходы идутъ извиисто въ разныя стороны и потомъ сходятся къ одному какому-либо мѣсту, напримѣръ, къ церкви или трапезѣ. Я замѣтилъ и другой выходъ изъ пещеръ на другую сторону холма; но онъ совсѣмъ заваленъ землею. Вотъ какую рѣдкость нашелъ я въ Гадючемъ логу! Удивительно, что я никогда не слыхалъ объ этихъ пещерахъ, и мнѣ никто о нихъ не говорилъ. Молчалъ-же и я и никому не сказывалъ о своей находкѣ, приду-

мывая между тѣмъ, какимъ-бы способомъ возстановить эти пещеры. А это могло-бъ быть не иначе, какъ если-бы самое урочище,—что всего лучше,—сдѣлалось собственностію Братскаго монастыря. Подивись-же, какъ это случилось! Не прошло и года, какъ отыскалъ я эти пещеры, выпелъ указъ (въ 1832 году), коимъ повелѣно отводить монастырямъ въ казенныхъ куцахъ строевой и дровяной лѣсъ. Я истинно порадовался, что такъ кстати приспѣла царская милость. Ни мало не медля, я свесся съ кѣмъ слѣдуетъ, указалъ на это урочище, представивъ въ резонъ, что оно близко къ нашей такой-то дачѣ. И вотъ Братскій монастырь владѣетъ теперь этимъ сокровищемъ!...“ Церковь въ этихъ пещерахъ была самыхъ небольшихъ размѣровъ: въ ней могли помѣститься не болѣе пяти человѣкъ: престолъ и жертвенникъ состояли изъ землянаго грунта; трапезная была не много болѣе церкви, кельи малы до чрезвычайности; проходы узкіе и низкіе, совсѣмъ не такіе, какъ въ лаврскихъ пещерахъ. Впрочемъ, въ глазахъ Иннокентія это обстоятельство только увеличивало значеніе его находки. „Тѣ, т. е. лаврскія пещеры, говорилъ онъ *), много измѣнены чрезъ расширеніе и повышеніе, конечно, ради богомольцевъ, а вотъ эти—настоящія, подлинныя, какъ были ископаны святыми отшельниками,—почему знать?—можетъ быть, самими преподобными Антоніемъ и Θεодосіемъ, или, по крайней мѣрѣ, близкими къ нимъ современниками. По узкости переходовъ можно судить, какіе постники были эти отшельники. Они, безъ сомнѣнія, были разнаго роста, большаго и средняго, и потому не иначе должны были ходить здѣсь, какъ изгибаючись, и все это для того, чтобы всячески изнурять свою плоть“.

Впослѣдствіи, Иннокентій не далеко отъ этихъ пещеръ построилъ часовню, въ которой находился колодезь и св. иконы; устроилъ избу для сторожей-лѣсовиковъ, а въ пещерной церкви на престолѣ поставилъ икону Успенія Пресвятыя Богородицы. Мѣстность, на которой находились эти пещеры, имѣла такой превосходный видъ, что Иннокентій никакъ не могъ имъ налюбоваться. „Посмотри, какъ-то говорилъ онъ о. Иоасафу, какіе виды открываются отсюда прямо на востокъ. Вотъ

*) „Вѣнокъ“ Погодина, стр. 99.

Днѣпръ съ его широкими лугами, а тамъ далѣе синѣется боръ... Нельзя не удивляться, продолжалъ онъ, какъ святые отцы умѣли избирать мѣста для своего уединеннаго подвижничества! Вода, лѣсъ, луга,—все, что вамъ угодно, вотъ подъ рукой. А какіе были лѣса, если представимъ и перенесемъ къ тѣмъ временамъ, когда жили эти отшельники! И теперь растутъ кое-гдѣ столѣтніе дубы и липы. Это потомки древнихъ, дремучихъ лѣсовъ. Невольно вспомнишь, что и нашимъ русскимъ подвижникамъ, какъ нѣкогда египетскимъ пустынноикамъ, служила одна и таже природа книгою, въ которой они хотѣли видѣть и читать премудрость Творца всяческихъ, хотѣли и въ продолженіе всей своей жизни никакъ не могли прочесть и одной страницы изъ этой всемірной книги“... *)

Неудивительно, если подъ такими впечатлѣніями у Иннокентія по временамъ и могла являться мысль отказаться отъ своего блестящаго будущаго и управленію епархіею предпочесть келію отшельника.

Въ своей частной жизни Иннокентій былъ очень простъ и невзыскателенъ; кабинетъ его почти всегда находился въ какомъ-то „поэтическомъ безпорядкѣ“, который такъ нерѣдко приходится встрѣчать у философовъ и другихъ ученыхъ людей, стоящихъ выше обыденныхъ условій внѣшней жизни. Но особенно книги причиняли келейнику Иннокентія много препятствій и непріятностей въ приведеніи въ порядокъ квартиры ученаго кіевскаго ректора: на всѣхъ столахъ, окнахъ, стульяхъ, креслахъ, диванахъ—всегда были разбросаны разныя книги. Иннокентій съ книгами былъ неразлученъ: онъ не только ходилъ по комнатамъ и сидѣлъ за столомъ, но даже и засыпалъ всегда съ книгою и на книгахъ. Такой-же „поэтическій“ безпорядокъ господствовалъ у Иннокентія даже и въ денежномъ счетоводствѣ. „Терпѣть онъ не могъ, говорить о Гапоновѣ, счету въ деньгахъ. Служитель его или расходчикъ прійдетъ, бывало, и доложить ему, что вотъ нужны деньги на такіе-то и такіе расходы. Иннокентій выслушаетъ все это преспокойно, потомъ пойдетъ въ спальню (спальня у него была вмѣстѣ и кабинетомъ), возьметъ *суновую чашку* съ серебрян-

*) „Вѣнокъ“ Погодяна, стр. 100.

ными и мѣдными деньгами изъ-подъ постели (вотъ въ чемъ и гдѣ было у него казнохранилище!) и скажетъ: „На, вотъ, бери себѣ, сколько ты можешь взять“. А ассигнаціи у него всегда лежали подъ тюфякомъ, какъ ни попало“... *).

Съ прислугою, какъ и съ монастырскими крестьянами онъ обходился всегда гуманно и человѣколюбиво, что по тому времени было почти непозволительно. Для характеристики его отношенія къ монастырскимъ крестьянамъ или, по тогдашнему словоупотребленію, — „штатнымъ“ — приведемъ слѣдующій фактъ, о которомъ рассказывалъ нѣкогда о. В. Гапонову самъ Иннокентій, не подозрѣвая, конечно, того, что по этому факту, имѣвшему отношеніе лишь къ одному дереву, чрезъ пятьдесятъ ровно лѣтъ будутъ судить объ отношеніи самого рассказчика къ монастырскимъ крестьянамъ. На монастырской дачѣ — Пироговкѣ, какъ мы сказали выше, росъ величественный дубъ, въ полномъ смыслѣ развѣсистый. Глядя на этотъ-то дубъ, Иннокентій и рассказывалъ слѣдующее: „Этимъ дубомъ я всегда любовался. Но жаль было смотрѣть, что вокругъ его росли кустарники и мелкій лѣсъ. Это самое отнимало у него много вида. Разъ осенью пріѣхалъ я въ Пироговку. Смотрю, штатные мои ничего не дѣлаютъ, сидятъ себѣ, сложа руки. „А что-же вы, говорю, ребята, ничего не дѣлаете?“ — „Сегодня, паноча, праздникъ“. — „Какой праздникъ?“ — „Михайлево чудо“. — „Михайлево чудо!!... Хорошо-же, берите-ка, ребята, съ собою топоры и пойдете: я покажу вамъ свое чудо, — коли уже пошло на чудо“. — Вотъ пришли мы сюда — къ этому дубу. „Смотрите, ребята, — говорю имъ, — каковъ дубъ? Вѣдь это, настоящее *царственный* дубъ; да жаль, что возлѣ него растутъ эти кустарники и мелкій лѣсъ. Вырубите-же все это и вычистите вотъ до сихъ поръ, и тогда увидите, какъ это будетъ хорошо“. — „Чи бачете, братци, — стали разговаривать между собою штатные, — що каже нашъ панъ отецъ: се царскій дубъ“. Тутъ одинъ изъ нихъ, болѣе благоразумный, подбоченясь и приложивъ ко лбу указательный палецъ лѣвой руки, сказалъ: „отъ се чудо, такъ чудо. А мы сего и не знали. Давайте-жъ, братцы, зробимо такъ, якъ звеливъ намъ панъ отецъ“. И они въ тотъ-же

*) „Вѣнокъ“ Погодинъ, стр. 83.

день вырубил и вычистил все это мѣсто“ *). Нужно согласиться, что въ то время съ крестьянами *такъ* обращались далеко не всѣ и способъ заставлять крестьянъ работать—практиковался совершенно иной.

Труды Иннокентія во время его кievскаго ректорствованія далеко еще не ограничивались одною Кievскою академіею и управленіемъ Кievо-Братскаго монастыря. Вскорѣ-же послѣ своего пріѣзда въ Кievъ, именно съ 3-го октября 1830 года, Иннокентій, по званію ректора Кievской духовной академіи, обязанъ былъ принять участіе и въ управленіи епархіальными дѣлами, присутствуя въ Кievской духовной консисторіи. Кроме того, ему-же нерѣдко поручались ревизіи среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеній Кievскаго округа. Такъ, въ 1833 году, въ маѣ мѣсяцѣ, по порученію комиссіи духовныхъ училищъ, въ качествѣ ревизора, онъ обзрѣвалъ Кievскую духовную семинарію; точно также, въ маѣ мѣсяцѣ 1836 года, по предписанію той-же самой комиссіи духовныхъ училищъ, онъ отправлялся, въ качествѣ ревизора, для обзрѣнія духовно-учебныхъ заведеній Кievскаго округа, преимущественно-же Волынской, Кипшиневской и Воронежской семинарій.

Впрочемъ, труды Иннокентія никогда не оставались безъ должнаго воздаянія со стороны высшаго духовнаго начальства. За его ревизію Кievской семинаріи ему изъявлена была благодарность; за его отличные труды по академіи и его ученныя заслуги, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, ему лично была присвоена степень архимандрита первокласснаго монастыря и дано право первостоянія предъ всѣми прочими архимандритами первоклассныхъ монастырей, находящихся въ вѣдомствѣ Кievскаго учебнаго округа,—награда до того времени небывалая, неслыханная.

Труды и заслуги Иннокентія не были забыты также и Царскою милостію. Въ 1835 году, проѣздомъ изъ Екатеринославской губерніи, въ Кievъ былъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, покойный Нечаевъ. Въ это время онъ посѣтилъ Кievскую академію и нашелъ ее въ отличномъ устройствѣ и порядкѣ. Онъ

*) „Вѣнокъ“ Погодина, стр. 94.

былъ въ восхищеніи, когда на его вопросы и разспросы были тотчасъ готовы самыя удовлетворительныя отвѣты и умныя рассказы. По прибытіи въ С.-Петербургъ, оберъ-прокуроръ довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія Императора Николая Павловича, что онъ нашель Кіевскую духовную академію въ примѣрно-отличномъ порядкѣ, и ходатайствовалъ о награжденіи ея начальника. Дѣйствительно, 3-го апрѣля 1835 года, за особенную попечительность объ успѣшномъ образованіи воспитанниковъ Кіевской духовной академіи, Иннокентій былъ Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени.

3-го октября 1836 года, по именному Его Императорскаго Величества указу, данному Святѣйшему Правительствующему Синоду, Иннокентію Всемилостивѣйше повелѣно быть викаріемъ Кіевской епархіи, съ саномъ епископа Чигиринскаго, съ управленіемъ Кіевскимъ Злато-Верхо-Михайловскимъ монастыремъ и съ оставленіемъ за нимъ должности ректора Кіевской духовной академіи. Для рукоположенія въ епископскій санъ Иннокентій принужденъ былъ отправиться въ С.-Петербургъ и пробыть тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. 21 ноября, въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, онъ былъ рукоположенъ въ епископа въ Казанскомъ соборѣ. Во время-же этого пребыванія своего въ С.-Петербургѣ Иннокентій былъ избранъ Императорскою Россійскою академіею въ число дѣйствительныхъ ея членовъ и въ одномъ изъ засѣданій (28-го ноября 1836 года) произнесъ тогда свою замѣчательную рѣчь, помѣщенную въ „Трудахъ“ академіи за 1840 годъ. Какъ ни радушно принимали, впрочемъ, Иннокентія въ Петербургѣ, и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, и въ мірѣ чиновниковъ, какія ни дѣлались ему почетныя оваціи и приемы, но Иннокентій все-таки скоро соскучилъ за своимъ Кіевомъ, хотѣлъ какъ можно скорѣе возвратиться въ него, и, дѣйствительно, возвратился къ началу 1837 года.

Что-же? Перемѣнился-ли онъ къ студентамъ хотя сколько-нибудь, когда возведенъ былъ въ святительскій санъ? „Нѣтъ!“ отвѣчаетъ одинъ изъ бывшихъ студентовъ *), „онъ все былъ такой-же въ отношеніи къ намъ, какъ и прежде“.

*) „Вѣнокъ“, 82

Само собою, впрочемъ, понятно, что съ принятіемъ епископскаго сана кругъ дѣятельности, какъ и обязанностей у Иннокентія значительно расширился. При новыхъ, епархіальныхъ своихъ занятіяхъ, онъ уже тяготился своею службою въ академіи, особенно по профессорской кафедрѣ. Вотъ почему, хотя по возвращеніи въ Кіевъ, Иннокентій и оставался еще ректоромъ академіи, но уже въ сентябрѣ 1837 года онъ долженъ былъ сложить съ себя званіе профессора богословскихъ наукъ и даже совсѣмъ переселился изъ академіи въ Кіево-Михайловскій монастырь, отданный теперь ему въ управленіе. Намъ приходилось слышать, что были и другія обстоятельства, заставившія Иннокентія оставить въ академіи богословскую кафедру. Такъ, между прочимъ, указываютъ на Филарета, заступившаго мѣсто митрополита Евгенія. Но едва-ли это указаніе справедливо. Дѣйствительно, взгляды на потребности духовнаго образованія у Филарета были не совсѣмъ таковы, какъ у Евгенія и Иннокентія. Какъ мы сказали выше, Евгеній и Иннокентій придавали въ наукѣ особенное значеніе направленію *историко-систематическому*. Филаретъ, напротивъ, выше всего ставилъ знаніе *строго-догматическое*, какъ и соименный ему святитель московскій. Тѣмъ не менѣе кіевскій митрополитъ Филаретъ очень уважалъ Иннокентія, высоко цѣня науку проповѣдничества, совѣтовался съ нимъ въ дѣлахъ даже епархіальнаго управленія, вмѣстѣ съ нимъ заботился какъ о научныхъ трудахъ академіи, такъ и объ улучшеніи матеріальнаго положенія епархіальнаго духовенства, и вообще ихъ отношенія, повидимому, были весьма искренни. Объ этомъ можно судить отчасти и изъ письма, которое писалъ Иннокентію Филаретъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ, отъ 7-го ноября 1838 года: „Преосвященный владыко! Любезный о Господѣ братъ! Благодареніе Господу Богу, что у насъ въ Кіевѣ все благополучно. Мое здоровье довольно хорошо, только доселѣ страдаю тоскою по святынь кіевской. Списокъ недостающихъ пособій для составленія догматическаго сборника, пожалуйста, доставьте ко мнѣ. А я передамъ графу, который о семъ дѣлѣ очень заботится. Сдѣлайте милость, поскорѣе пришлите конспектъ богословскихъ

наукъ, составленный о. А. Димитріемъ. Въ этомъ здѣсь большой недостатокъ. Я употреблю его въ пользу. По представленію г. Темкина, пришлите ко мнѣ оффиціальное отношеніе съ вашимъ мнѣніемъ. Хотя теперь очень трудно поправить прежнее невниманіе къ нуждамъ кіевскаго духовенства, ибо сумма вся уже назначена, впрочемъ, по частнымъ прошеніямъ можно дѣлать въ Св. Синодѣ представленіе объ окладахъ. А въ большемъ видѣ начинать дѣло о семъ неудобно. Серьезно помышляютъ о назначеніи жалованья всему духовенству російской Церкви. Тогда частные оклады сами собою прекратятся. Якову Космичу еще накрѣпко подтвердите, чтобы постарался обработать лекціи къ новому году или, по крайней мѣрѣ, къ концу настоящаго курса представить. Поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ, есть и пребуду вашего преосвященства усерднѣйшій слуга Филаретъ м. кіевскій. 7 ноябр. 1838. Сорокъ лѣтъ монашества моего окончилось *)).

О такихъ-же точно отношеніяхъ между Филаретомъ и Иннокентіемъ свидѣлствуютъ отчасти и нѣкоторые извѣстные намъ факты. Митрополитъ Филаретъ прибылъ на кіевскую паству 26 іюня 1837 года. Черезъ четыре дня послѣ его прибытія въ Кіевской академіи начались, такъ называвшіеся тогда, *приватные экзамены*. Митрополитъ былъ на этихъ экзаменахъ и остался очень доволенъ ими. Студенты отвѣчали на всѣ его вопросы прекрасно и вполнѣ удовлетворительно, за что онъ лично при всѣхъ благодарилъ Иннокентія, всѣхъ наставниковъ академіи, сказалъ „спасибо“ студентамъ и, наконецъ, отозвался вообще объ академіи такъ: „Я нашелъ вашу академію въ отличномъ видѣ“ (**). 16-го іюля онъ присутствовалъ на публичномъ испытаніи и также остался очень доволенъ.

Въ 1839 году митрополитъ, по порученію Св. Синода, производилъ ревизію въ Кіевской духовной академіи и также остался доволенъ академическими порядками по всѣмъ частямъ управленія. Такъ донесъ онъ и Св. Синоду. И Иннокентію, какъ ректору, 12-го апрѣля того-же года была изъявлена

*) Юбилей Кіевской академіи, стр. 117.

**) „Вѣнокъ“ Погодина, стр. 89.

признательность Святѣйшаго Синода именно „за отличное по всеѣмъ частямъ благоустройство Кіевской академіи, найденное ревизовавшимъ ее преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ“.—Послѣ этого не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Иннокентій оставилъ богословскую кафедру въ академіи не вслѣдствіе какихъ-нибудь личныхъ столкновеній, а исключительно вслѣдствіе усложненія своихъ обязанностей съ принятіемъ епископскаго сана. Наконецъ, что вышеуказанное мнѣніе несправедливо, ясно и изъ того, что Иннокентій ходатайствовалъ объ увольненіи его отъ ученой службы еще за два или за три года до поступленія Филарета на кіевскую митрополию. Еще 17-го сентября 1836 года московскій митрополитъ Филаретъ писалъ ректору Московской духовной академіи, архимандриту Филарету Гумилевскому, слѣдующее по поводу увольненія имъ отъ должности академическаго ректора, архимандрита Поликарпа: „Ректоръ Кіевской академіи (Иннокентій) молуже о. Поликарпа, а уже просилъ увольненія отъ ученой службы“.—Въ это время иногда возлагались на Иннокентія и такія порученности, которыя непосредственно, повидимому, не имѣли отношенія ни къ ректорскому, ни къ епископскому званію его. Такъ, 12-го октября 1837 года, онъ былъ назначенъ, между прочимъ, председателемъ временнаго комитета для раздачи бѣднымъ по Кіеву суммы, пожалованной Государемъ Наслѣдникомъ (т. е. въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ), при посѣщеніи имъ г. Кіева. Тѣмъ не менѣе заботливость Иннокентія, какъ ректора, объ академіи и его ученые и литературные труды не прекращались и въ это время. Онъ также часто пріѣзжалъ въ академію, обходилъ жилища комнаты воспитанниковъ; любилъ долго бесѣдовать съ ними, присутствовалъ на профессорскихъ лекціяхъ и иногда даже самъ давалъ по нѣскольку лекцій о важнѣйшихъ предметахъ христіанскаго богословія. Но главными его занятіями, возложенными на него вмѣстѣ съ академіею, въ это время были: изданіе „Воскреснаго чтенія“ и составленіе „Догматическаго Сборника“.

Новые труды и заботы преосвященнаго Иннокентія привле-

кли на него однако-же и новыя награды. 26 марта 1839 года за служеніе, ознаменованное вообще отличнымъ достоинствомъ и въ особенности пользою въ управленіи духовною академіею, и за назидательное употребленіе дара слова Иннокентій Всемилоостивѣйше былъ сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени. Это, впрочемъ, была уже послѣдняя награда, полученная Иннокентіемъ въ Кіевѣ. Послѣ этого не прошло и году, какъ для Иннокентія пробилъ часъ навсегда распротиться и съ дорогою для него академіею, и съ любимымъ имъ Кіевомъ. 1 марта 1841 года именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, Иннокентію Всемилоостивѣйше повелѣно быть епископомъ Вологодской епархіи.

IV.

4 мая 1841 года, по сдачѣ Кіево-Михаиловскаго монастыря, со всѣмъ его имуществомъ и приходо-расходными книгами назначеннымъ отъ митрополита лицамъ и, послѣ довольно трогательнаго прощанія съ академіею и добрыми кіевлянами, Иннокентій покинулъ свой Кіевъ, въ которомъ онъ получилъ свое богословское образованіе и для котораго онъ такъ много потрудился въ самую лучшую пору своей жизни. На пути онъ пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ, занимаясь въ синодальной библіотекѣ отыскиваніемъ статей, необходимыхъ для него при составленіи „Догматическаго сборника“; 29 мая, наконецъ, онъ прибылъ въ Вологду и, по принесеніи Господу Богу моленія, немедленно вступилъ въ отправленіе своей должности. Такъ онъ доносилъ о своемъ прибытіи въ Вологду Св. Синоду. Черезъ мѣсяць по вступленіи въ должность, именно 29 іюня, Иннокентій писалъ о своемъ путешествіи и о первыхъ, полученныхъ въ Вологдѣ, впечатлѣніяхъ нѣкому „почтеннѣйшему о. Д.“, соборному старцу Кіево-Печерской лавры, слѣдующее: „Путь нашъ былъ очень хорошъ; насъ вездѣ чуть не носили на рукахъ. Я удивился тому, какъ меня знаютъ вездѣ и льстятъ... Въ Вологдѣ намъ очень не худо; могло-бы быть даже очень хорошо, еслибъ предъ нами жили люди, дорожащіе хоть сколько-нибудь челоуѣчествомъ, а то... Пишу

это къ вамъ въ надеждѣ, что это въ васъ останется. Что у васъ послѣ насъ? Какъ мнѣ хочется забыть Кіевъ, а все еще помнится; думаю, что и насъ не вдругъ забудутъ—нѣкоторые, по крайней мѣрѣ. Я старался сдѣлать все, что зависѣло отъ меня, чтобъ Кіевъ давалъ знать о себѣ Россіи. Опытъ теперь показалъ мнѣ, что трудъ былъ не напрасенъ. Въ церковномъ отношеніи о Кіевѣ говорятъ теперь болѣе, чѣмъ о Москвѣ и даже о Петербургѣ. Это также только для васъ пишется. Если вздумаете писать ко мнѣ, то пишите, пожалуйста, также просто, какъ я къ вамъ. Пишите обо всемъ отъ души; вы знаете, что я не берегу писемъ, — тоже совѣтую дѣлать и вамъ. Если дадите обѣщаніе, то я буду писать къ вамъ обо всемъ, въ противномъ случаѣ—замолчу. Знакомымъ по усерднѣйшему поклону; очень жалѣю, что я не успѣлъ проститься съ старухою Прасковьею,—благословеніе ей отъ угодниковъ вологодскихъ, коихъ у насъ семьдесятъ, въ томъ числѣ есть и кіевскіе. Что владыка? Что академія? Что вы и ваши отношенія? У преосвященнаго Іосифа (бывшій смоленскій, съ 1834 года жившій на покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ † въ 1851 г.) подѣлуйте за меня руку и поклонитесь ему до земли: незабвенный для меня пастырь. Чтите его какъ отца“. *)

Вскорѣ-же, по прибытіи въ Вологду,—разсказываетъ одинъ свидѣтель-очевидецъ, преосвященный Иннокентій осматривалъ семинарію и нѣкоторые градскіе храмы, вникнулъ въ дѣлопроизводство мѣстной консисторіи и, наконецъ, отправился „въ странствованіе на нѣсколько педѣль по своей епархіи, которая пространствомъ похожа на экзархію“. Здѣсь онъ прежде всего нашелъ для своихъ аскетически-возвышенныхъ стремленій новую пищу—заштатный Тотемскій монастырь. Во время этого обзорѣнія своей епархіи, именно отъ 23-го іюля 1841 года, онъ, между прочимъ, писалъ одному изъ своихъ петербургскихъ друзей: „Я теперь нахожусь въ монастырѣ преподобнаго Θεодосія Тотемскаго. Прекрасное мѣсто: истинная лавра! И этотъ монастырь—заштатный!... вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ, во время открытія мощей преподобнаго, въ царствованіе Императора Павла 1-го. Но

*) „Полтавскія Епарх. Вѣд“. 1868, № 6; въ „Рус. Стар.“ ст. Востокова.

неблагоразуміе одного человѣка, лѣтъ за сорокъ назадъ, должно-ли вредить св. мѣсту? А вредить сильно. Обитель не можетъ, по недостатку людей, выдерживать съ честію своего званія. Стеченіе народа огромное, а служить почти некому. Мнѣ посчастливилось обратить вниманіе здѣшнихъ гражданъ на сіе обстоятельство, и они возымѣли благоую мысль: собрать нужную сумму, чтобъ на проценты можно было производить жалованье по степени 2 класса. Сдѣлавъ этотъ сборъ (безъ всякой огласки, ибо участвуютъ только нѣсколько богачей), они будутъ просить о возведеніи св. обители во 2-й классъ. Хорошо-ли это? Скажите намъ заранѣе, чтобы мы напрасно не трудились. Обрѣтеніе св. мощей преподобнаго Феодосія было въ свое время эпохою, также, какъ обрѣтеніе мощей святителя Митрофана. Посему, истинно жаль, что обитель его потомъ, такъ сказать, заброшена. А стеченіе народа и теперь огромное; содержаніе обители богатое, но царскій крестъ и прочая утварь остаются безъ употребленія, по неимѣнію архимандрита“.

*)

Иннокентій, по самой природѣ своей, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые въ своихъ дѣйствіяхъ никогда не могутъ остановиться на полупути, но всегда стараются доводить до конца всякое интересующее ихъ дѣло. Мысль, забравшаяся въ голову такихъ людей, обыкновенно не даетъ имъ покоя до тѣхъ поръ, пока они не увидятъ ея осуществленія или опытно не убѣдятся въ непригодности ея исполненія. Это именно случилось съ Иннокентіемъ по поводу возникшей у него мысли о возстановленіи св. обители Тотемской. 29-го декабря того-же 1841 года онъ снова писалъ своему петербургскому пріятелю о Тотемскомъ монастырѣ: „О Тотемскомъ монастырѣ я принялъ дерзновеніе сказать нѣчто въ годовомъ епархіальномъ отчетѣ Св. Синоду. Когда-бы благосклонно взглянули на мое предположеніе и позволили начать дѣло по формѣ! Есть въ семъ отчетѣ нѣсколько и другихъ для насъ нужныхъ предположеній; но я боюсь, чтобы весь плодъ ихъ не составился изъ того, чтобы писавшему прослыть затѣйщикомъ... По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ свой долгъ передъ своей епархіей“...

*) „Рус. Старина“ 1878, ноябрь, стр. 369.

Впрочемъ, и помимо Тотемскаго монастыря, въ Вологдѣ представлялось не мало поводовъ для Иннокентія работать усиленно почти по всѣмъ частямъ епархіальнаго управленія. Въ своемъ письмѣ къ Максимовичу отъ 22-го декабря 1841 года онъ, между прочимъ, пишетъ: „Спросите, каково намъ въ Вологдѣ? Не худо, только очень трудно: надобно все устроить съ ногъ до головы“...

Будучи самъ отличнымъ школьнымъ администраторомъ, Иннокентій естественно обратилъ прежде всего все свое вниманіе на духовно-учебныя заведенія своей епархіи и особенно на мужское и женское духовныя училища. Здѣсь увидѣлъ онъ неотложную нужду въ опредѣленіи новыхъ, вполне отвѣчающихъ своему назначенію, начальниковъ. Съ смотрителемъ женскаго училища, молодымъ и довольно даровитымъ, іеромонахомъ Іоною, еще до поступленія въ Вологду Иннокентія, случилось одно довольно непріятное и прискорбное происшествіе, вслѣдствіе котораго онъ долженъ былъ оставить свою должность; тѣмъ не менѣе до окончательнаго рѣшенія этого дѣла на его мѣсто не назначали никого другаго, и училище, собственно говоря, оставалось безъ начальника; смотритель-же мужскаго духовнаго училища, одинъ изъ вологодскихъ протоіереевъ, былъ слишкомъ обремененъ многими должностями и потому не могъ съ надлежащимъ вниманіемъ относиться къ управленію ввѣреннымъ ему училищемъ,—тѣмъ болѣе, что въ то время труды смотрителя духовныхъ училищъ вознаграждались слишкомъ скудно. Само собою понятно, что ни одинъ порядочный и образованный человѣкъ на одну только эту должность съ самымъ незначительнымъ вознагражденіемъ не рѣшился-бы пойти; присланный-же изъ воспитанниковъ какой-нибудь академіи не могъ-бы долго оставаться на ней и при первой-же возможности перешелъ-бы на мѣсто болѣе выгодное. Между тѣмъ Иннокентій зналъ очень хорошо, какъ вредно отзывается на учебно-воспитательномъ дѣлѣ частая смѣна училищныхъ начальниковъ. Дѣло можно-бы уладить, такимъ образомъ, лишь чрезъ назначеніе на мѣсто смотрителя кого-либо изъ мѣстныхъ священниковъ академическаго образованія, но не обремененныхъ разными должностями по епархіальному

управленію и свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ. Все это причиняло Иннокентію не мало хлопотъ. И вотъ онъ пишетъ по этому поводу своему петербургскому другу слѣдующее: „Въ *отношеніи* къ его сіятельству (оберъ-прокурору св. Синода, графу Протасову) я домогаюсь перемѣны начальника въ здѣшнихъ училищахъ духовныхъ: вещь очень нужная. Прержній смотритель—человѣкъ очень изрядный, но крайне развлеченный должностями; а рекомендуемый мною и свободенъ, и опытенъ, и отлично дѣятеленъ. Назначеніе на это мѣсто какого-либо воспитанника академіи не помогло-бы нашему недостатку; ибо, по новосте и неопытности, онъ самъ долго будетъ учиться своей должности, а она такова, что на ней ему долго оставаться будетъ неудобно. Непріятное происшествіе съ смотрителемъ женскихъ училищъ, іеромонахомъ Іоною, также заставляеть желать, чтобы участь его была рѣшена скорѣе, чтобы училище не страдало отъ недостатка начальника. Всего-бы желательнѣе, какъ я репортовалъ и оффиціально, чтобы сему іеромонаху дана была какая-либо должность въ другой епархіи; ибо вовсе бросить его жаль и по молодости, и по способности къ дѣлу“...

Не будучи, по природѣ своей, „умомъ регистратурнымъ“ живя болѣе духомъ, нежели формою и буквою, убивающею духъ, Иннокентій, въ теченіи всего своего девятимѣсячнаго пребыванія въ Вологдѣ, никакъ не могъ примириться съ тѣмъ шемакинскимъ дѣлопроизводствомъ, которое онъ встрѣтилъ въ Вологодской консисторіи. Неправильное и несвоевременное посѣщеніе консисторскими членами присутствія, разсмотрѣніе дѣлъ на домахъ, освященная временемъ канцелярская проволочка самыхъ, повидимому, пустыхъ и незначительныхъ вещей, чиновническое взяточничество и грубое обращеніе съ просителями,—все это беспокоило и раздражало Иннокентія; онъ горячился, выходилъ изъ себя, но, къ сожалѣнію, достигъ немногаго. Только удаленіе отъ мѣстъ нѣкоторыхъ, служившихъ въ консисторіи, лицъ нѣсколько побудило консисторскихъ чиновниковъ сдѣлаться аккуратнѣе и увидѣть, что имъ пришлось имѣть дѣло съ такимъ начальникомъ, который шутить не любитъ. Недостаточность средствъ не только для содержанія канцеляріи консисторской, но и собственной, архіерей-

ской составляла однако-же то непреборимое препятствіе, которое не давало Иннокентію возможности сдѣлать безупречнымъ епархіальное дѣлопроизводство. „Сколько нынѣ новыхъ штатовъ, чиновниковъ, новыхъ назначеній!“—писалъ изъ Вологды Иннокентій своему петербургскому другу. „А бѣднымъ архіереямъ въ новомъ годѣ дали-бы хотя по одному писцу собственному!... Все пиши своею рукою, а новыхъ требованій формъ, отчетовъ, взысковъ—безъ числа!... Пора-бы подумать сверху о томъ, какъ живутъ внизу“... Матеріальное безъисходное положеніе тогдашнихъ консисторскихъ чиновниковъ, между прочимъ, было и истинною причиною того, что въ большинствѣ случаевъ Иннокентій смотрѣлъ слишкомъ снисходительно, такъ сказать, „сквозь пальцы“ на взяточничество, нравственную невыдержанность и разныя продѣлки консисторскихъ чиновниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ только то, что могъ сдѣлать: ускорилъ консисторское дѣлопроизводство... Матеріальное положеніе духовенства Вологодской епархіи и особенно духовенства, жившаго среди полуднскихъ зырянъ также обратило на себя вниманіе преосвященнаго Иннокентія. „Еще слово за бѣдныхъ зырянъ“, писалъ онъ тому-же самому петербургскому другу своему. „Сжальтесь надъ сими бѣдными дѣтьми природы и дайте имъ способъ сдѣлаться чадами благодати. Безъ пособія отъ правительства тамошнему священству нѣтъ возможности снабдить ихъ достойными пастырями. Объ этомъ я также упоминалъ и въ своемъ отчетѣ св. Синоду“... Удалось-ли однако достигнуть чего-либо Иннокентію въ этомъ отношеніи, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Краткость пребыванія его въ Вологодской епархіи, при обычной медленности рѣшенія подобныхъ дѣлъ, говорить, впрочемъ, за противное.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить того, что и въ кратковременное свое управленіе Вологодскою епархіею Иннокентій обнаружилъ свою рѣдкую способность удачно выбирать всегда соотвѣтствующихъ дѣлу людей. Такъ, между прочимъ, изъ одного уѣзднаго городка онъ перевелъ въ кафедральный Вологодскій соборъ одного молодого, но даровитаго священника, который вполне оправдалъ всѣ ожиданія, возложенныя на него

Инокентіемъ. Мы говоримъ о достойнѣйшемъ о. протоіерѣ Нордовѣ, извѣстномъ проповѣдникѣ, недавно, впрочемъ, отшедшемъ изъ этой жизни туда, гдѣ находится и его любимый архипастырь.

Каждый воскресный и праздничный день Инокентій, по обычаю, произносилъ проповѣди. Эти проповѣди приводили вологжанъ въ восторгъ и вологжане не могли нарадоваться, что ихъ архіереемъ былъ такой ученый и разумный человекъ ораторскій талантъ котораго тогда пользовался уже всеобщю, вполне заслуженною, популярностью. Впослѣдствіи, Инокентій собралъ всѣ свои слова и поученія, произнесенныя имъ въ Вологодской епархіи, и издалъ ихъ подъ заглавіемъ „Словъ къ вологодской паствѣ“, съ цѣлію этимъ „удовлетворить, по его собственнымъ словамъ, усиленному желанію вологжанъ—имѣть что-либо на память нашихъ церковныхъ собесѣдованій съ нимъ“. Къ сожалѣнію, этимъ изданіемъ далеко не всѣ церковныя собесѣдованія Инокентія съ вологжанами были переданы въ печати послѣдующей генерациі его почитателей...

Не менѣе пріятное воспоминаніе о себѣ оставилъ Инокентій въ Вологдѣ и тѣмъ непосредственнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на мѣстное интеллигентное общество. Въ своихъ покоехъ онъ нерѣдко устраивалъ литературныя вечера, на которые сходились какъ учителя Вологодской духовной семинаріи, такъ и нѣкоторыя другія лица, преимущественно изъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. Учителя семинаріи читали на этихъ вечерахъ нѣкоторыя изъ своихъ лекцій, имѣвшихъ общій для всѣхъ интересъ, или свои сочиненія, которыя они готовили для печати; а священники читали свои проповѣди. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что душою этихъ благородныхъ увеселеній былъ самъ дорогой хозяинъ. Нерѣдко нарочито тотъ или другой вопросъ онъ ставилъ такимъ образомъ, что, при рѣшеніи его, были высказываемы самыя разнообразныя взгляды и сужденія, пока, наконецъ, всѣ они не примирялись яснымъ, точнымъ, глубокимъ и всестороннимъ отвѣтомъ Инокентія. Вечера эти оживили духовную интеллигенцію Вологды, не видѣвшей до того времени ничего подобнаго.

Не мало принесъ пользы Иннокентій своей первой паствѣ— вологодской, не смотря на свое кратковременное пребываніе въ ней, и приведеніемъ въ надлежащій видъ ея внѣшняго благоустройства. Такъ, онъ обратилъ свое заботливое вниманіе на улучшеніе духовныхъ училищъ, усиленіе персонала мѣстныхъ духовно-учебныхъ и епархіальныхъ учрежденій, на обновленіе архіерейскаго дома и соборнаго храма, всѣми мѣрами старался возобновить и украсить и многіе другіе храмы Вологодской епархіи, успѣлъ завятыся обзорѣніемъ и отчасти собраніемъ вологодскихъ древностей и т. п. Не мало, наконецъ, пришлось потрудиться Иннокентію въ Вологдѣ и въ управленіи дѣлами Вологодскаго тюремнаго комитета, въ которомъ, по Высочайшему утвержденію, онъ состоялъ вице-президентомъ...

Впрочемъ, и въ Вологдѣ труды Иннокентія не оставались безъ вниманія со стороны высшей духовной власти. 29 декабря 1841 года онъ удостоился получить признательность Святѣйшаго Синода за особую попечительность о благѣ своей паствы. Но чрезъ два дня послѣ этого, именно 31 декабря, непосредственная его дѣятельность для вологодской паствы окончилась навсегда. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, Иннокентій былъ переведенъ на епархію Харьковскую съ оставленіемъ при той степені въ іерархіи, какою онъ пользовался въ Вологдѣ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Общій взглядъ на ходъ благотворительности въ русской Церкви.—Ученіе о братолюбіи и милосердіи, развиваемое въ древне-русской проповѣднической литературѣ.—Частные подвиги благотворительности въ средѣ князей, мірянъ и іерархіи.—Особенное участіе монастырей въ дѣлѣ попеченія о бѣдныхъ и нуждающихся.—Церковно-приходская благотворительность въ сѣверо-восточной Руси.—Юго-западные братства, какъ благотворительныя учрежденія.—Заботы высшей іерархіи и правительства о призрѣніи нищихъ въ XVII и XVIII вв.—Оживленіе благотворительности въ XIX в.—Сужденія объ организаціи благотворительности въ наше время.

Призрѣніе бѣдныхъ и нуждающихся всегда составляло одну изъ важнѣйшихъ заботъ русской Церкви. Какъ ни скудны дошедшія до насъ свѣдѣнія о состояніи благотворительности въ періодъ до-монгольскій, но они достаточны для положительнаго вывода о томъ, что уже въ это время дѣло призрѣнія бѣдныхъ получило прочную организацію: начавшись съ личнаго частнаго вспоможенія нуждающимся, оно постепенно возводится на степень общественной благотворительности; мало-помалу при монастыряхъ и церквахъ учреждаются богадѣльни для призрѣнія нищихъ; частная благотворительность замѣняется церковно-приходскою, общинною, въ которой, при содѣйствіи іерархіи, принимаетъ живое участіе паства, въ видѣ мѣстныхъ общинъ или приходоу, группирующихся около храмовъ, какъ около главныхъ религіозно-просвѣтительныхъ центровъ. Но между тѣмъ, какъ въ сѣверо-восточной Руси церковно-приходская благотворительность въ XVII в. замѣтно осла-

бѣваетъ, въ юго-западной Руси организуется благотворительность также на началахъ общинныхъ въ видѣ братствъ, которыя, поставивъ на первыхъ порахъ своею ближайшею задачею попеченіе о матеріальныхъ нуждахъ бѣдныхъ, не только не измѣняютъ этой задачѣ тогда, когда изъ учреждений благотворительныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, преобразуются въ учреждения религіозно-просвѣтительныя, преслѣдующія особую цѣль—борьбу съ иновѣрною пропагандою, но даже благотворительности сообщаютъ болѣе широкое развитіе и болѣе возвышенный характеръ. Церковно-общинная благотворительность въ томъ видѣ, какъ она проявляется въ юго-западныхъ братствахъ, составляетъ выдающееся явленіе, необыкновенно важное по своей практической удобопримѣнимости къ дѣйствительнымъ нуждамъ общества, по цѣлесообразности способовъ, употребляемыхъ къ удовлетворенію этихъ нуждъ, по обширному религіозно-нравственному вліянію на общество, достигаемому путемъ соединенія членовъ его въ общемъ служеніи благу ближнихъ. Къ сожалѣнію, эта церковно-общинная благотворительность въ XVIII в. ослабѣваетъ и въ юго-западной Руси также, какъ она ослабѣла раньше въ сѣверо-восточной, но попеченіе о бѣдныхъ не прекращается. Съ XIX в. благотворительность всюду въ русской Церкви постепенно оживляется, вслѣдствіе усиливающагося участія въ ней общества и іерархіи, причемъ, на ряду съ новыми разнообразными способами призрѣнія бѣдныхъ, возстановляются и тѣ формы церковно-общинной благотворительности, которыя были въ древней Руси и распространеніе которыхъ мы признаемъ одною изъ существенныхъ задачъ нашего времени.

Таковъ общій историческій ходъ благотворительности въ русской Церкви. Несомнѣнно, что прочное начало благотворительности положено было у насъ на Руси, какъ и вездѣ, христіанствомъ. Нѣкоторые ученые, правда, видятъ благопріятную почву для развитія благотворительности въ національномъ славянскомъ добродушіи и признаютъ лучшимъ выраженіемъ его обычай гостепримства, который, какъ извѣстно, былъ въ силѣ у насъ и въ языческій періодъ, но при этомъ не слѣдуетъ опускать изъ виду, что такое гостепримство простиралось у славянъ преимуще-

ственно на иноземцевъ нерѣдко въ ущербъ для своихъ ближайшихъ членовъ общества; нельзя забывать и того, что оно вызывалось по отношенію къ самимъ иноземцамъ особыми практическими соображеніями *). Вмеѣстѣ съ тѣмъ въ бытѣ славянъ до принятія христіанства допускались такія явленія, какъ кровавая месть, истребленіе женщинъ во время голода, вслѣдствіе грубаго языческаго суевѣрія, торгъ рабами, ростовщичество и т. под. **), — которыя совершенно отрицали благотворительность. — Только съ принятіемъ христіанства русскій народъ могъ сдѣлаться благороднѣе, любвеобильнѣе и честиѣе. Но возвышенное ученіе христіанства, по распространеніи его, не могло быть скоро усвоено народомъ во всей его чистотѣ, и если рано на Руси стали появляться люди, совершавшіе высокіе христіанскіе подвиги, то въ народной массѣ можно было замѣчать часто только наружное исполненіе требованій христіанской религіи и даже возвращеніе къ прежнимъ языческимъ обычаямъ. Русской іерархіи предстояла поэтому великая задача перевоспитанія общества на началахъ христіанскихъ. И мы видимъ, что она старалась выполнить такую задачу путемъ выясненія и проведенія въ жизнь новыхъ человѣколюбивыхъ понятій, подтвержденіемъ чего служитъ древне-русская проповѣдническая литература.

Ученіе о братолюбіи и милосердіи выяснялось въ большей или меньшей степени всѣми древне-русскими проповѣдниками. Они не вдавались при этомъ въ особія глубокомысленныя соображенія, не допускали искусственныхъ приемовъ въ доказательствахъ достоинства благотворительности, но, примѣняясь

*) Мацѣевскій вмѣстѣ съ Карамзинимъ повторяютъ положенія Макрикія о гостепрѣимствѣ, причемъ Карамзинъ называетъ гостепрѣимство священной славянской добродѣтелью, обожаемою обязанностию славянъ. Съ этимъ обычаемъ и вообще съ расположенностію помогать странникамъ они ставятъ въ связь отсутствіе у славянъ бродягъ и нищихъ („Исторія Госуд. Р.“ I. 60. — „Исторія славянскихъ законодательствъ“ I. стр. 182 и др.). Соловьевъ находитъ, что гостепрѣимство предлагалось иноземцамъ изъ желанія узнать отъ нихъ что-нибудь новое, получить чрезъ это добрую славу... (Соловьевъ, I, стр. 66).

**) О существованіи въ русскомъ обществѣ до принятія христіанства такихъ недостатковъ мы можемъ заключить изъ правила митрополита Іоанна и отвѣтовъ Нифонта на вопросы Кирика.

къ простотѣ слушателей, прямо увѣщевали ихъ выполнять дѣла милосердія — помогать нищимъ и убогимъ, указывая, что такія дѣла служатъ однимъ изъ главныхъ средствъ богоугожденія и спасенія, причемъ слова ихъ проникались пастырскою сердечною назидательностію. Такою сердечною назидательностію отзывается поученіе одного изъ первыхъ русскихъ проповѣдниковъ, Луки Жидяты, обращающагося къ своей паствѣ съ слѣдующимъ наставленіемъ: „помните и милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы и къ своимъ сиротамъ будьте милосердны“ („Исторія Россіи“, Соловьева, III, стр. 94). Въ одномъ изъ поученій неизвѣстныхъ проповѣдниковъ, собранныхъ въ „Златоустѣ“, значеніе милостыни представляется въ такихъ свѣтлыхъ, поэтическихъ чертахъ: „милостыня — великій дѣятель. Ничто не можетъ изгладить грѣхи такъ, какъ милостыня. Поэтому и говорятъ Божіи книги: милуй нищаго, Богу даешь въ заемъ; Бога одолжаешь, давая убогому. Милостыня, совокупленна съ пощніемъ, отъ смерти избавляетъ человѣковъ, т. е. отъ вѣчныхъ муки. Милостыня имѣетъ великія крылья — до неба возводитъ и не то, что до небесъ, но и до престола Божія. Убогому дашь, нищему подашь — Христу въ руку вложишь. Дай Богу и отдастъ тебѣ Господь седмерицею. Отдашь тайно, явно возьмешь. Если Бога ради что подалъ, не питай просящаго, достоинъ-ли онъ; хорошо достойнымъ подавать и недостойнымъ“. („Исторія русской жизни“, Забѣлина). По самому объему благотворительность понималась русскою іерархіею необыкновенно широко, согласно съ взглядами древнихъ вселенскихъ отцевъ Церкви, какъ это видно изъ слѣдующаго наставленія Θεодосія Печерскаго, обращеннаго къ кіевскому князю Изяславу: „будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого-либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію, будетъ-ли то еретикъ или латинянинъ, всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, Который питаетъ и православныхъ христіанъ, и неправославныхъ, и даже язычниковъ и о всѣхъ печется“ („Исторія Церкви“, Макарія, II, 104). Это возвышенное, любвеобильное наставленіе показываетъ, что Θεодосій Печерскій чуждъ былъ религіозной нетерпимости, когда

дѣло касалось оказанія братской помощи иновѣрцамъ, безъ опасенія измѣнить своей вѣрѣ, чего, однако, не хотятъ допустить нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ. При такомъ широкомъ пониманіи благотворительности, древне-русскіе проповѣдники находили, что постъ и другіе религіозные обряды сами по себѣ не могутъ имѣть значенія въ дѣлѣ спасенія безъ дѣлъ милосердія: „безъ милостыни ни постъ, ни молитва не помогутъ человѣку: какая польза человѣку алкать плотію и умирать дѣлами, какая польза отъ яденія воздерживаться и наполнять неправедное имѣніе, какая потреба малояденьемъ тѣло свое сушить и не накормить алчныхъ твоимъ излишкомъ; какая добродѣтель, въ нѣчи не спя, въ темной храмѣ молиться, а обиженные тобою и поработанные босы, паги, ранены, голодны, на тебя со слезами вопіютъ къ Богу? Какая помощь въ мольбѣ такового, если всѣ нѣчи, не спя, молится“?.... („Слово о немилостивыхъ богатыхъ XII в.“. „Прав. Собесѣдн.“ 1859 г. 1—50). Сообразно съ этимъ, митрополитъ Никифоръ, современникъ Владиміра Мономаха, въ недѣлю сыропустную внушаетъ всѣмъ русскимъ людямъ во время поста подавать милостыню и прощать долги: „покажи крѣпкую молитву и милостыню нищимъ; отпусти должникамъ долги, а если это невозможно, то отпусти по крайней мѣрѣ большой ростъ, который подобно змію снѣдаетъ убогихъ. Если-же ты постишься и между тѣмъ съ брата берешь ростъ, нѣтъ тебѣ никакой пользы. Ты считаешь себя постящимся, а вкушаешь мясо,— не мясо овцы, или другихъ животныхъ, но плоть брата твоего, закалая его злымъ пожемъ лихоиманія, неправедной мзды, тяжкаго роста. Смирись!.. Прости обиды“! („Истор. Цер.“, Макарія, II, стр. 327). Иногда древне-русская проповѣдь отъ спокойныхъ увѣщаній переходила къ необыкновенно сильнымъ и рѣзкимъ обличеніямъ, когда въ обществѣ замѣчалось равнодушіе къ дѣлу благотворенія, прикрываемое наружнымъ благочестіемъ, или соединяемое съ положительными злоупотребленіями. Поученія, собранныя въ „Златоустѣ“, возстаютъ противъ неправой милостыни: „О богатый! ты зажегъ свою свѣчу въ церкви на свѣтилѣ. И вотъ, прійдетъ обиженный тобою сирота или вдовица, вздохнетъ на тебя Богу со слезами

и твою свѣчу погасить. О, лихоимецъ, лицемеръ! лучше-бы тебѣ не грабить и не обижать, нежели храмъ Божій просвѣщать воскомъ, собраннымъ неправдою. Лучше помилуй, которыхъ ты пріобидѣлъ. Вѣдь это лютость и немилость, что иныхъ сиротъ обижать, а другихъ миловать; однихъ порабощать, а другихъ надѣлять. Если ты и дашь когда милостыню убогому, зато твои рабы, пасущіе твои стада, нивы сиротины травятъ; а другіе на работу неволею примучены, неправдою, наги, босы, голодны, ранены безвинно; иные отъ приклада ризъ твоихъ мучимы (отъ роста долговъ)... Тѣ всѣ къ Богу вопіють на тебя плачучи. А иные есть лишены, тобою ограбленные. Во что твоя милостыня, окаянный грабитель, неправосудяй? Лучше остави твои неправды и грабленіе и устройвай безъ печали челядь свою, нежели безумно дарить имѣніемъ, собраннымъ неправдою. Тотъ истинный милостивецъ, который отъ своей силы *даритъ и творитъ правду*". („Ист. рус. жизни“, Забѣлина).

Не мало отъ древне-русскихъ пастырей сохранилось и другихъ проповѣдей съ нравственно-назидательнымъ или обличительнымъ характеромъ, въ которыхъ такъ или иначе выяснялось понятіе о христіанскомъ братолюбіи и милосердіи, но мы полагаемъ и приведенныя достаточно показываютъ, что іерархія дѣйствительно прилагала свои заботы къ религіозно-нравственному воспитанію общества. Процессъ этого воспитанія общества путемъ проповѣди для насъ мало замѣтенъ, и на изслѣдованіе его, кажется, еще не обращалось достаточнаго вниманія даже со стороны нашихъ ученыхъ историковъ, но онъ несомнѣнно происходилъ и долженъ былъ сопровождаться соответствующими послѣдствіями въ жизни русскаго народа. Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ сословіяхъ древне-русскаго общества со времени принятія христіанства появлялись лица, заявлявшія себя болѣе или менѣе широкими подвигами благотворительности. Самыми главными дѣятелями въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ были древне-русскіе князья, которые обладали для этого всѣми необходимыми средствами, возвышались надъ своими подданными по образованію и были способны въ пониманію христіанскаго ученія о дѣятельной любви къ

низшей братіи. Изъ числа князей, заявившихъ себя благотворительностію, занимаетъ первое мѣсто св. Владиміръ, который подъ вліяніемъ нравственнаго преобразованія, происшедшаго въ немъ по принятіи христіанства, сталъ поставлять своимъ главнымъ дѣломъ милосердіе къ нищимъ: онъ велѣлъ нищимъ собираться во дворъ княжій, гдѣ предлагались имъ пища и деньги, а больнымъ и немощнымъ развозились необходимые припасы по домамъ на особыхъ телѣгахъ. Есть извѣстіе, что въ Господскіе праздники Владиміръ ставилъ три трапезы: одну духовенству, другую нищимъ, третью себѣ и боярамъ („Никон. лѣт.“ I, 112). Послѣдующіе русскіе князья всѣ въ большей или меньшей степени заявляли себя дѣлами благотворенія, но особенное преимущество въ этомъ отношеніи современники отдають Владиміру Мономаху, который, по общему выраженію древнихъ письменныхъ памятниковъ, „былъ милостивъ паче мѣры“. Митрополитъ Никифоръ въ своемъ посланіи такъ характеризуетъ Владиміра Мономаха: „руки его ко всѣмъ простерты, никогда не прячетъ онъ своихъ сокровищъ, никогда не считаетъ золота и серебра, но все раздаетъ, а между тѣмъ казна его никогда не бываетъ пуста“. („Русск. достопамят.“ I, стр. 61). Полное подтвержденіе такой характеристики представляетъ собственное поученіе Владиміра Мономаха, въ которомъ добрый князь убѣждаетъ потомство болѣе всего не забывать убогихъ: „Молю, вы ся не забывайте трехъ дѣлъ тѣхъ (покаянія, слезъ и милостыни), всего - же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ, и вдовицу оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити челоуѣка“. И завѣщаніе Владиміра Мономаха свято исполнялось потомствомъ, какъ можно судить по отзывамъ лѣтописцевъ о князьяхъ, принадлежавшихъ къ роду его — о Мстиславѣ и Всеволодѣ. Если о благотворительности перваго лѣтопись дѣлаетъ слишкомъ общее замѣчаніе, то о благотворительности послѣдняго извѣстно, что онъ истощалъ свою казну для оказанія помощи новгородцамъ во время голода, свирѣпствовавшаго около двухъ лѣтъ, когда народъ принужденъ былъ питаться березовымъ листомъ, корою древесною, мохомъ и соломой („Русскіе святыя“, Филаре-

та II, 400). Хотя новгородцы оказались неблагодарными своему князю-благодѣтелю, заставивъ его удалиться изъ Новгорода, но впоследствии они горько раскаивались въ своемъ поступкѣ и искренно желали перенести раку святаго въ свой городъ. Не станемъ перечислять различныхъ примѣровъ благотворительности князей, но остановимъ вниманіе на тѣхъ выдающихся особенностяхъ, которыми отличалась такая благотворительность.

Привято думать, что дѣла благотворенія, совершаемыя князьями, имѣли только внѣшній, показной характеръ, такъ какъ будто въ этомъ случаѣ имѣлось въ виду выполнить одни обрядовыя предписанія. Не такъ думали древніе лѣтописцы и жизнеописатели этихъ князей, а взгляды ихъ должны имѣть для насъ въ этомъ случаѣ важное значеніе. Лѣтописецъ Несторъ, выразительно указывая на дѣла милосердія Владиміра святаго, поставляетъ ихъ въ связь съ услышаннымъ и воспринятымъ княземъ евангельскимъ ученіемъ о блаженствѣ милостивыхъ... Объ Андрѣ Боголюбскомъ говорится въ лѣтописи, что при встрѣчѣ съ нищимъ онъ задавался вопросомъ о томъ: „не Христось-ли пришелъ испытать его?“ Про одного волынскаго князя XIII в. лѣтопись говоритъ, что когда онъ, при одномъ предпріятіи, по обычаю времени раскрылъ книгу Св. Писанія, ему открылись слова Христовы: „Духъ Господень на Мнѣ, Его-же ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя, отпустить сокрушенныя во отраду“ и пр., и онъ при смерти всѣхъ работныхъ освободилъ („Ипат. лѣтопись“, стр. 206—219). Ясно отсюда, что въ основѣ этихъ частныхъ подвиговъ благотворительности всегда лежало ученіе вѣры Христовой о любви къ ближнему, побуждавшее къ сердечному выполненію извѣстныхъ подвиговъ ради достиженія спасенія. Этимъ объясняется, во первыхъ, раздача милостыни въ болѣе усиленныхъ размѣрахъ во время праздниковъ и, между прочимъ, при перенесеніи св. мощей,—вовторыхъ, совершеніе различныхъ подвиговъ милосердія предъ отправленіемъ на войну, или предъ смертію. Такъ, по случаю перенесенія мощей Бориса и Глѣба, князя Изяславъ, Святополкъ и Всеволодъ устроили торжественный обѣдъ и роздали много милостыни (въ 1072 г.). „При вторичномъ перенесеніи ихъ бросали въ

толпы куны, серебрянники и разныя ткани“. Послѣ похоронъ князя, родственники его обыкновенно раздавали богатую милостыню. Ростиславъ Мстиславичъ, по смерти своего дяди Вячеслава, раздалъ все его движимое имѣніе, „а себѣ оставилъ только одинъ крестъ на благословеніе“. („Полное собраніе лѣт.“ II стр. 75). Необыкновенно трогательный случай совершенія благотворенія подъ вліяніемъ мысли о заглаженіи своихъ грѣховъ представляется при кончинѣ Ярославъ Осмымысла Галицкаго, который распорядился предъ своею смертію раздать монастырямъ и нищимъ все свое имѣніе. Въ древнѣйшихъ памятникахъ не мало находится указаній на то, какъ тотъ или другой князь или жестокой рабовладѣлецъ, проводившій всю жизнь въ порабощеніи людей, каялся въ своихъ грѣхахъ предъ смертію и изрекалъ въ своей духовной: „всѣмъ моимъ кабалнымъ людямъ воля, которые мои люди полные и закладные и кабалные и всякіе люди, прикащикамъ моимъ тѣхъ всѣхъ людей отпустить на свободу, дать имъ отпускныя и надѣлать ихъ изъ моего живота деньгами и хлѣбомъ“. (Акты Юридич., изд. Калачевымъ, т. I, № 86).

Примѣры князей благотворно дѣйствовали на окружающее общество. Въ лѣтописяхъ и житіяхъ святыхъ дѣла милосердія приписываются всѣмъ лицамъ, выдѣляющимся изъ среды своихъ современниковъ особыми нравственными качествами. Но какъ вездѣ, такъ и у насъ, въ этихъ дѣлахъ особенно отличались женщины которыя по самой природѣ болѣе способны сочувствовать всякому чужому страданію и выразить это сочувствіе всѣми возможными способами. Часто мы встрѣчаемъ довольно общія указанія на такіе подвиги, напр. о княжнѣ Всеволожской († 1206 г.) говорится: „бѣшетъ бо нищелюбца и страннолюбца, печальныя, бѣдныя и больныя тѣхъ всѣхъ утѣшаше и подаваше имъ требованіе“ (Полн. Собр. лѣт. I, 178). Но иногда представляются и болѣе опредѣленные данныя. Такъ княгиня Василиса (1385 года), по смерти своего супруга, раздала все имѣніе (золото, серебро, жемчугъ, и одежды многоцѣнныя) нищимъ, освободила всѣхъ рабовъ, а сама удалилась въ монастырь, гдѣ жила своимъ трудомъ. („Вивлюэника“ Новикова, т. XVIII стр. 79 – 80). Замѣчательною

представительницею древне-русской благотворительности является въ XVI в. Юліанія Тверская, которая выдѣлялась изъ среды своихъ современниковъ не одними только крайне-аскетическими подвигами (какъ думаютъ нѣкоторые извѣстные историки), но довольно разнообразными дѣлами милосердія. Странникъ лѣтъ живя среди полного довольства и изобилія въ семьѣ состоятельныхъ родителей, Юліанія стала посвящать себя такимъ дѣламъ: часто ночи она проводила безъ сна, занимаясь рукодѣліемъ, причемъ деньги, вырученныя отъ продажи своей работы, тайно отдавала рабынѣ для раздачи нуждающимся. Во время голода, сопровождавшагося моромъ людей, Юліанія своими руками омывала больныхъ, заботилась объ ихъ излеченіи, нанимала людей для погребенія умирающихъ отъ нужды. Благотворительность Юліаніи продолжалась и въ супружеской жизни, но особенно она усплилась по смерти близкихъ лицъ изъ ея семьи. Вслѣдствіе необыкновенной щедрости во время голода она крайне обнищала, такъ что привуждена была кормиться съ оставшеюся семьей хлѣбомъ, приготовляемымъ изъ смѣси коры, лебеды и травы, но, почти умирая съ голоду не прекращала милостыни. Нищія понимали и цѣнили доброту Юліаніи: часто отказываясь отъ милостыни другихъ лицъ, предпочитали пользоваться ея подаеніями, потому что, какъ говорили они въ свое оправданіе, „Юліанія давала отъ души и хлѣбъ ея былъ (потому) слишкомъ сладокъ“ („Житія святыхъ“, Филарета, I, 5—18).

Древне-русское общество всегда пользовалось руководствомъ церковной іерархіи въ выполненіи дѣлъ милосердія. Какъ мы уже сказали, русская іерархія способствовала упроченію благотворительности путемъ выясненія христіанскаго ученія о любви къ ближнимъ. Кроме того, въ средѣ іерархіи не мало было такихъ лицъ, которыя поучали благотворительности примѣромъ своихъ собственныхъ дѣлъ милосердія. О челоуѣколюбивой дѣятельности нѣкоторыхъ епископовъ лѣтописи сообщаютъ дорогія, хотя и общія свѣдѣнія: „князьямъ и боярамъ былъ на успѣхъ и все дивно, обидимымъ помогаль, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловаль.... Былъ людямъ заступникъ, сиротамъ кормитель, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насиль-

наго и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ“—замѣчается о многихъ пастыряхъ того времени,—преимущественно о первыхъ ростовскихъ епископахъ (П. Собр. лѣт. I, 165, 185, 195). Изъ всѣхъ русскихъ епископовъ лѣтописи и житія святыхъ особенно возвышаютъ по благотворительной дѣятельности новгородскихъ владыкъ, которые самымъ положеніемъ призывались къ огражденію низшаго бѣднаго класса отъ насилій со стороны богатыхъ, особенно во время неурядицъ и безпорядковъ, часто происходившихъ въ Новгородской общинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получали большую возможность благотворить, пользуясь весьма значительными средствами, бывшими въ ихъ распоряженіи. Такъ Аркадій, первый новгородскій епископъ, избранный вѣчемъ (1165), извѣстный умиротвореніемъ народныхъ волненій, примиреніемъ князей и противодѣйствіемъ кровопролитію, оставилъ также по себѣ добрую память, какъ чадолюбивый отецъ сиротъ и нищихъ. „Преемникъ его, св. Іоаннъ Новгородскій, по сказанію лѣтописца, заботясь о благолѣпії храмовъ, не забывалъ и живые храмы на землѣ, убогую братію во Христѣ, для которой былъ особенно милостивъ, снабжая ее одеждами и питая отъ своихъ щедротъ“ („Житія святыхъ“, Филарета, IX. 60, 302). Нѣкоторые изъ новгородскихъ владыкъ употребляли различныя мѣры къ пресѣченію такихъ общественныхъ бѣдствій, какъ голодъ, эпидемическія болѣзни, наводненія, пожары, причинявшія страшный вредъ общественному благосостоянію и повергавшія многихъ жителей въ безвыходное бѣдственное положеніе. Такъ въ 1230 г., когда люди умирали отъ голода и непогребенные трупы валялись по улицамъ, епископъ Спиридонъ, опасаясь, чтобы гніеніе труповъ не произвело заразы, устроилъ скудельницу у церкви Св. апостола и выбралъ надежнаго приставника для погребенія труповъ, которыхъ оказалось 3030 (Собрание Р. Л. III, 96). Въ 1391 г. владыка Василій, пріобрѣвшій особенную любовь и уваженіе со стороны новгородцевъ заботами объ улучшеніи Новгорода разными постройками, употребилъ изъ Софійской казны 5000 рублей на покрытіе бѣдствій, произ-

веденныхъ пожаромъ. Въ 1338 г. владыка, по общему выраженію лѣтописи, „много добро сотвори христіаномъ“, стараясь уничтожить разрушительныя слѣды отъ наводненія (Ibid 75, 78). „Богу Единому была извѣстна тайная милостыня Новгородскаго Архіепископа Евфимія“ (по словамъ его жизнеописателя), „но ежедневно была видима и всенародная: всѣмъ онъ благотворилъ, никто отъ него не отходилъ скорбнымъ“ („Житія святыхъ“, III. 79). Особенно важную услугу оказалъ Евфимій новгородцамъ въ 1428 г., при заключеніи мира съ литовскимъ княземъ Витовтомъ, выдавъ изъ Софійской казны тысячу рублей на выкупъ плѣнныхъ. И не на одинъ великій Новгородъ простиралась его щедрая рука, но милостыня его достигала до Царьграда, до Святой горы и до самаго Іерусалима. Воспроизводя эту истинно пастырскую, челоуколюбивую дѣятельность новгородскихъ владыкъ, понесенную для пользы общества, мы не можемъ забыть и тѣхъ особыхъ религіозно-нравственныхъ мѣръ, которыя они употребляли для возвышенія въ народѣ силы духа, необходимой для твердаго перенесенія несчастій. Во время великихъ бѣдствій и особенно эпидемическихъ болѣзней, новгородскіе епископы совершали торжественныя процессіи—крестныя ходы, молебствія, причемъ нерѣдко жизнь свою подвергали большой опасности. Много нужно было самоотверженія, чтобы изъ безопаснаго Новгорода идти владыкъ въ зачумленный Псковъ и совершать молебствія при возможности самому подвергнуться заразѣ. Владыка Василій, будучи позванъ во Псковъ, зараженный моровою язвою, умеръ на возвратномъ пути. И нужно сказать, что новгородцы не относились равнодушно къ такой возвышенной дѣятельности своихъ пастырей. Никакая дѣятельность не располагала новгородцевъ такъ въ пользу своихъ владыкъ, какъ благотворная дѣятельность ихъ во время физическихъ бѣдствій, что мы можемъ отчасти видѣть изъ того особеннаго уваженія, которымъ предпочтительно пользовались въ Новгородѣ указанные іерархи *). Подобныя-же подвиги милосердія совершали и позднѣйшіе іерархи русской Церкви,

*) Безъ сомнѣнія, значеніе благотворительности новгородскихъ іерарховъ, выражавшейся преимущественно въ мѣрахъ къ устраненію, или ограниченію раз-

доводя ихъ перѣдко до самоотверженія. Подвиги эти были разнообразны. Нѣкоторые не соблюдали границъ въ оказаніи матеріальной помощи нуждающимся; другіе поставляли своею священною обязанностію ограждать страждущихъ отъ разныхъ насилій и притѣсненій. Такъ, о московскомъ митрополитѣ Петрѣ извѣстно, что онъ не отказывалъ никакому нищему, обратившемуся за помощію, и когда не имѣлъ, что ему дать, то отдаривалъ власяницу или икону, имъ же написанную („Чт. въ Импер. Общ. исторіи древн. Рос.“ 1864 года, 2). Св. Стефанъ, просвѣтитель Перми, много трудовъ посвящалъ на то, чтобы оградить зырянъ отъ разныхъ насилій и притѣсненій. И безъ сомнѣнія, о многихъ пастыряхъ того времени можно сказать тоже, что заключается въ плачѣ о Стефанѣ Пермскомъ: „теперь мы лишились добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ нашихъ, а князю доносилъ наши жалобы, избавляя насъ отъ насилія, работъ, тѣлеснаго продажа и тяжкія дани облегчая“.

Особенно въ широкихъ размѣрахъ совершались подвиги милосердія монахами. Многіе изъ нихъ, принадлежа къ знатымъ и богатымъ семействамъ, начинали свою подвижническую жизнь съ отреченія отъ своей собственности, причемъ обыкновенно раздавали свое имущество нищимъ. Такъ поступали: Исаакій,

ныхъ физическихъ бѣдствій, въ значительной степени усиливалось въ глазахъ пастырей вслѣдствіе разрушительныхъ послѣдствій, которыми сопровождалась она. Такія физическія бѣдствія, какъ голодъ, моръ, пожары и проч., въ древней Руси были болѣе страшны и опустошительны, чѣмъ въ настоящее время. Незнакомство съ естественными науками и свойственная русскому народному характеру безпечность препятствовали нашимъ предкамъ принимать нужныя предохранительныя мѣры противъ возможныхъ и дѣйствительныхъ бѣдствій. Не было ни карантинныхъ на случай мора, ни хлѣбныхъ запасовъ на случай голода и т. п. и не давалось никакихъ врачебныхъ пособій при повальныхъ болѣзняхъ. Поэтому бѣдствія, ничѣмъ не предупреждаемыя, развивались обыкновенно въ страшныхъ размѣрахъ. Голодъ былъ такъ силенъ, что населенные города оставались пустыми отъ разбѣжавшихся жителей, или отъ смертности (Собр. Р. Лѣт. III. 46). Пожары иногда бывали такъ сильны, что люди не смѣли жить въ домахъ, по считались по полю (III. 81). Моръ бывалъ такъ силенъ, что одинъ здоровый приходился на десять больныхъ и умирающихъ: иные дворяне вымирали совсѣмъ, въ иныхъ оставалось по одному, по два человѣка (IV. 115); во время мора во Псковѣ, извѣстнаго подъ именемъ черной смерти, священники не успѣвали хоронить умершихъ и на кладбищахъ не было мѣста для погребеній.

богатый Торжецкій купецъ, посвятившій себя затворничеству въ Кіево-печерскихъ пещерахъ, Николай Святоша, сынъ Черниговскаго князя Святослава, Варлаамъ, основатель Хутынскаго монастыря и другіе. Въ самыхъ монастыряхъ русскіе подвижники, подражая примѣру подвижниковъ восточныхъ, вели преимущественно религіозно-созерцательную жизнь, посвящая себя непрестанной молитвѣ, воздержанію и другимъ дѣламъ благочестія, тѣмъ не менѣе они не отрѣшались и отъ участія въ дѣлахъ общества, совершая въ пользу его разнообразныя дѣла благотворенія. О всѣхъ почти великихъ подвижникахъ древніе памятники говорятъ: „должникомъ освобожденіе и искупъ подавалъ, и самъ отпускалъ долги; обидимымъ отъ насилующихъ и немилостивыхъ судей заступникъ бысть предивный, многихъ плѣнныхъ искупилъ и въ своихъ мѣстахъ паки посадилъ“. Въ древнѣйшемъ Кіево-печерскомъ монастырѣ не мало было такихъ подвижниковъ-благотворителей. Какъ во всѣхъ дѣлахъ благочестія, такъ и въ дѣлахъ милосердія совершеннѣйшимъ образцомъ для своей братіи былъ пр. Θεодосій Печерскій. Онъ не могъ видѣть нищихъ безъ соболѣзнованія и слезъ и потому близъ монастыря своего построилъ особый дворъ съ церковію, принималъ туда для жительства нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ и прокаженныхъ и для содержанія ихъ удѣлялъ десятую часть отъ всего монастырскаго имѣнія. Кромѣ того, каждую субботу онъ отсылалъ цѣлый возъ хлѣбовъ находившимся въ узахъ и темницахъ. Всякаго рода притѣсняемые и убогіе обращались къ Θεодосію, какъ къ своему защитнику и ходатаю. Такъ, онъ ходатайствовалъ предъ судіею за одну бѣдную вдову и достигъ того, что вдовѣ было возвращено все несправедливо отнятое. Примѣръ Θεодосія находилъ себѣ въ средѣ кіево-печерскихъ иноковъ многихъ подражателей, причемъ каждый изъ нихъ старался оказывать помощь нуждающимся различными способами. Агапитъ заявилъ себя безмезднымъ врачеваніемъ больныхъ и пріобрѣлъ въ этомъ отношеніи такую извѣстность, что не только цѣлыя толпы народа изъ окрестныхъ селеній обращались къ нему за помощію, но даже князья. Нѣкоторые подвижники часть удѣляемой имъ милостыни обыкновенно отдавали нищимъ, какъ

это извѣстно объ Аврааміѣ Смоленскомъ, Николаѣ Святошѣ и др. Прохоръ Печерскій во время голода многихъ прокармливалъ хлѣбомъ, приготовляемымъ изъ лободы. Подвижники, жившіе въ монгольскій періодъ и позже, въ дѣлахъ милосердія вполнѣ подражали своимъ благочестивымъ предшественникамъ. Такъ преп. Іосифъ Волоколамскій много помогать въ частныхъ случаяхъ нуждающимся крестьянамъ, снабжая ихъ сѣменами для посѣва, домашнимъ скотомъ, земледѣльческими орудіями и другими предметами, необходимыми въ домашнемъ сельскомъ быту („Русскіе святые“. IX стр. 120). Особый родъ благотворительности избралъ для себя Даніилъ Переяславскій. Онъ главнымъ образомъ заботился о погребеніи тѣхъ несчастныхъ, которые умирали какою-либо безвѣстною или голодною смертію; такихъ онъ отыскивалъ, своими руками относилъ въ общую могилу или усыпальницу, существовавшую въ городѣ, и отпѣвалъ по-христіански. Независимо отъ частной благотворительности, въ русскихъ монастыряхъ въ XIV в. замѣчается усиленіе общественной благотворительности, развитію которой много способствовали средства, получаемыя ими съ обширныхъ недвижимыхъ имѣній, которыя жертвовались въ пользу монастырей правительствами и частными лицами. „Церковное богатство — нищихъ богатство“: эту мысль сознавали наши духовные землевладѣльцы и часто повторяли ее, когда отстаивали свои недвижимыя имущества. Изъ какой степени мысль эта осуществлялась на дѣлѣ, можно судить по тѣмъ страннопріимницамъ, которыя заводились при монастыряхъ. Страннопріимницы устраивались при всѣхъ важнѣйшихъ монастыряхъ, причемъ монахамъ разными уставами вмѣнялось въ священную обязанность принимать всякихъ пришельцевъ. Такъ въ уставѣ пр. Евфросина Псковскаго сказано: „когда придутъ къ вамъ странники, иноки-ли, міряне, заботьтесь ихъ принять и успокоить; каждый странникъ можетъ оставаться у васъ три дня и не принуждайте его ни на какое дѣло, а отпуская, дайте страннику милостыню по силѣ. („Истор. Церкви“, Макарія, VII, 10). Преп. Сергій Радонежскій также завѣщевалъ своей обители никому не отказывать. ни въ пищѣ, ни въ пристанищѣ. И до сихъ поръ, замѣчаетъ его біографъ, въ половинѣ XVII в.,

этотъ обычай сохраняется. „Не только простые, больные и нищие получаютъ здѣсь все нужное, но даже князья, бояре и воины. Проходя мимо, они берутъ съ собою въ путь пищу и питіе“. (Предисловіе къ житію пр. Сергія Сумона Азарина. „Временикъ“ X, 10). При монастыряхъ устраивались также богадѣльни. Само правительство своимъ законодательствомъ прирѣвніе нищихъ признавало существенною обязанностію монастырей. Это ясно видно изъ Судебника Ивана Васильевича IV, въ которомъ выразительно сказано: „а на монастыряхъ жить нищимъ, которые питаются милостынею о Церкви Божіи“ (Акты Истор. I, стр. 248). Исторія свидѣтельствуетъ, что это предписаніе исполняемо было монастырями съ полнымъ усердіемъ. Въ Новгородской общинѣ, какъ можно судить по писцовымъ книгамъ, находилось нѣсколько небольшихъ монастырей, предназначаемыхъ собственно для прирѣвнія нищихъ, которые жили здѣсь въ особыхъ келіяхъ. (Неволинъ, „О новгородскихъ пятнахъ“, стр. 335, 345). По обширной и разнообразной благотворительности замѣчательнъ Богородичный монастырь, построенный пр. Іосифомъ Волоколамскимъ. Здѣсь прирѣввались дѣти и находили себѣ пристанище бѣдные, странники, больные и страждущіе, такъ что обитель ежедневно кормила по 600—700 человѣкъ и издерживала какъ на свои нужды, такъ и на бѣдныхъ ежедневно по три тысячи четвертей хлѣба и все что пріобрѣтала. Въ житіяхъ нѣкоторыхъ святыхъ дѣлаются указанія на то, что при монастыряхъ нерѣдко устраивались больницы, открытыя для всѣхъ нуждавшихся въ помощи (житіе Филиппа Соловецкаго, Діонисія Радонежскаго и др.). Монастыри жертвовали, такъ называемыя, полоняночныя деньги для выкупа плѣнныхъ, а также давали пріютъ для плѣнныхъ и раненныхъ воиновъ. По взятіи Казани, множество плѣнныхъ татаръ было приведено въ Россію, причемъ плѣнные розданы были на жительство по монастырямъ, особенно новгородскимъ, для приготовленія къ принятію христіанства, а когда крестились, то оставались въ тѣхъ-же монастыряхъ, которые обязаны были „устраивать ихъ кормомъ и одеждой и обувью изъ монастырскія казны“ (П. С. Р. Л., III. 157. Котош. 114) На монастырскихъ земляхъ устроены были житницы съ значитель-

ными складами хлѣба и съ очевидными расчетами на будущія времена для народныхъ бѣдствій. Изъ нихъ дѣлалось вспомо- ществованіе нуждающимся. Такъ во время голодовъ, свирѣпст- вовавшихъ на сѣверѣ въ XV и XVI вв., въ обителяхъ Михаила Клопскаго, Оерапонта Можайскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и Діонисія Глушицкаго, по распоряженію самихъ основателей выдавали хлѣбъ народу. Пр. Пафнутій съ своею обителью про- кормилъ однажды во время голода всѣхъ окрестныхъ жителей, стекавшихся въ нее ежедневно по тысячѣ человекъ и болѣе, и истощилъ на нихъ всѣ хлѣбные запасы. Пр. Даніиль Пе- реяславскій пропиталъ однажды во время голода средствами своей обители всѣхъ приходившихъ въ нее въ продолженіи восьми мѣсяцевъ, пока не настала новая жатва. О Кирилло- Бѣлозерскомъ монастырѣ самъ Грозный царь засвидѣтельство- валъ: „Кирилловъ доселѣ многія страны пропитывалъ въ глад- ныя времена“. (Изд. Арх. Общ. III вып. 1, 36, 39, 41, 50). Необыкновенно велики были сдѣланныя во время сильнаго го- лода пожертвованія обители пр. Іосифа Волоколамскаго. Въ княженіе Василія Іоанновича неурожай продолжался нѣсколько лѣтъ и потому хлѣбъ продавался по высокой цѣнѣ: четверть ржи стоила 48 серебряниковъ. Люди ѣли тоже, что скоть; листья, кору, сѣно, а подъ конецъ даже толченныя гнилушки и горькій корень ужовника. Тогда Іосифъ открылъ монастыр- скія житницы, которыя были осаждаемы крестьянами и ни- щими. По одному извѣстію, къ Волоколамскому монастырю сразу стеклоь до 7000 человекъ, не считая дѣтей, а по дру- гому, въ монастырѣ ежедневно прокармливалось по 400 и 500 человекъ, тоже не считая дѣтей. Многіе изъ крестьянъ въ от- чаяніи поносили дѣтей своихъ къ обители и побросали; пре- подобный посѣшилъ построить для нихъ домъ при входѣ въ обитель и принялъ всѣхъ (болѣе 50) на ея призрѣніе *Boia ради*, гдѣ и содержалъ ихъ до возраста. Когда истощился весь хлѣбный запасъ въ монастырѣ, Іосифъ сталъ продавать скоть и одежду, пока не оскудѣлъ монастырь. Тогда Іосифъ велѣлъ занять денегъ подъ росписки и сократилъ расходы на мона- стырь. Въ праздничные дни монахамъ стали давать, вмѣсто ка- лачей и медоваго квасу, только хлѣбъ, рыбу и хлѣбный квасъ,

а въ простые дни они ѣли одно варево и пили воду. Это вызвало ропотъ въ монахахъ. Но Іосифъ отвѣчалъ роптавшимъ, что они дали обѣтъ терпѣть всякую нужду ради Царства Небеснаго, а потому и не должны лишать помощи тѣхъ, которые съ женами и дѣтьми скитаются по чужимъ мѣстамъ изъ-за-куска хлѣба. Слухъ о помощи Іосифа произвелъ благопріятное впечатлѣніе. Богатые, видя уменьшеніе средствъ монастыря, поспѣшили помочь ему. Болѣе другихъ содѣйствовалъ въ этомъ Іосифу Андрей, одинъ изъ волоцкихъ вельможъ. Другой благотворитель поспѣшно доставилъ 30 руб. изъ Пскова. Великій князь Василій Іоанновичъ, покровитель Волоколамскаго монастыря, самъ пріѣхалъ туда во время голода и велѣлъ выдать изъ своихъ селъ 1000 четвертей ржи, 1000—овса и 100 руб. деньгами. Братья великаго князя, Семень и Юрій, тоже приняли участіе въ этомъ дѣлѣ. („Русскіе Святые“ IX. 143). Въ царствованіе Іоанна Грознаго случился голодъ во всемъ Поморьѣ, продолжавшійся восемь лѣтъ. Причиною его былъ сильный морозъ, уничтожившій овощи и хлѣбъ. Тогда Трифонъ Печенгскій взялъ съ собою нѣсколькихъ монаховъ, отправился въ область Новгородскую и, странствуя по городамъ и селамъ въ видѣ нищаго, сталъ собирать подаянія, которыя отсылалъ въ монастырь для голодающихъ („Прав. Соб.“ 1859, II, III). Въ страшный голодъ 1601 года нуждающіеся находили помощь въ обители Адріана Мензенскаго, который, по совѣту своего наставника, Ѳерапонта Мензенскаго, заблаговременно наполнилъ монастырскія житницы хлѣбомъ. Въ царствованіе Василя Шуйскаго, когда случился въ 1608 г. страшный голодъ и московскіе купцы возвысили цѣну хлѣба до небывалыхъ размѣровъ, келарь Троицкой лавры—Авраамій Палицынъ, по предложенію царя и патріарха Гермогена, открылъ житницы ея, находившіяся въ Москвѣ и велѣлъ отпускать хлѣбъ по два рубля за четверть, чѣмъ заставилъ и прочихъ продавцевъ продавать хлѣбъ по той же цѣнѣ. А когда Москва была въ рукахъ поляковъ (1610 г.) и толпы народа, лишенные средствъ, стекались въ Троицкую лавру, архимандритъ ея Діонисій, извѣстный по участію въ политическихъ дѣлахъ того времени, убѣдилъ монаховъ довольствоваться овсянымъ

хлѣбомъ и водою, чтобы сберечь пшеничный и ржаной хлѣбъ для больныхъ. Разосланы были нарочные отыскивать по лѣсамъ и дорогамъ изнемогшихъ отъ истощенія силъ. Въ подмонастырскихъ слободахъ открыты были дома и больницы для нуждающихся, а келейникъ Діонисія днемъ и ночью разносилъ больнымъ и нищимъ полотенца и деньги (Палицынъ, „Объ осадѣ Троицкой лавры“, 217).

Оказывая матеріальную помощь нуждающимся, монастыри старались бѣдныхъ людей ограждать отъ разныхъ насилій и притѣсненій, обращаясь съ своими посланіями къ тѣмъ или другимъ лицамъ объ оказаніи снисхожденія и состраданія къ рабамъ, или крестьянамъ. Рѣдкое жизнеописаніе великаго подвижника русской Церкви не украшается такими посланіями или поученіями. Доходитъ слухъ объ извѣстномъ князѣ, или рабовладѣльцѣ до великаго подвижника древней русской Церкви, до Кирилла Бѣлозерскаго, до Іосифа Волоколамскаго, или до другаго какого-либо подвижника, что такой-то рабовладѣлецъ жестоко обращается съ своими крестьянами, или рабами, лишаетъ ихъ пищи и одежды, нисколько не печется о нихъ. Человѣколюбивый подвижникъ тотчасъ пишетъ ему посланіе, не взирая на то, кто былъ этотъ рабовладѣлецъ—князь, или бояринъ. Кириллъ Бѣлозерскій въ началѣ XV в. пишетъ къ князю Андрею Можайскому, чтобы у него не было „корчемъ ни мыта, понеже, господине, куны неправедныя“ (Акты Истор. I, № 16). „Слухъ до меня доходитъ про твое благородство, пишетъ пр. Іосифъ Волоколамскій одному боярину, что де немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ; тѣснота и скудость велика имъ въ тѣсныхъ погребяхъ; пищей и одеждой не только недовольны, но и съ голоду исчезаютъ и отъ наготы страдаютъ. А посему я грѣшный осмѣливаюсь напомнить о томъ тебѣ, моему господину, вспомнивъ вѣру твою къ Пречистой Богородицѣ и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ. Хотя и неприлично мнѣ грѣшному, господине, писать тебѣ о семъ и посылать тебѣ наставленіе къ пользѣ и принимать на себя учительскую власть, не имѣя ни ума, ни разсудка очищеннаго; однакожь, да знаетъ твое боголюбіе, что не мои мысли эти,

а я слышалъ ихъ отъ божественнаго писанія. Оно повелѣваетъ рабовъ своихъ имѣть не какъ рабовъ, но какъ братьевъ миловать, питать и одѣвать довольно, пецися о спасеніи душъ ихъ, паставлять всегда на добрыя дѣла, не красть, не творить прелюбодѣйства, отъ достатковъ своихъ подавать милостыню нищимъ. Такъ, господине, всегда должно учить ихъ со смиреніемъ многимъ, усердно заботиться о душахъ ихъ и представить ихъ предъ Богомъ чистыми и непорочными. И только, сынъ мой, будетъ такъ, какъ слухъ доходитъ до меня грѣшнаго про твое благородство, что въ каковой тѣснотѣ у тебя нынѣ твои рабы и сироты..... смотри, какъ божественное писаніе страшно угрожаетъ и говоритъ: бѣда великая и страшная и мученіе безконечное тѣмъ, которые не пекутся, не имѣютъ печали о домашнихъ своихъ сиротахъ, забывая, что всѣ—созданіе Господне, всѣ—плоть одна, всѣ—помазаны однимъ мвромъ, всѣ—въ рукѣ Господа, Который кого захочетъ, дѣлаетъ нищимъ, забывая, что всѣ станемъ предъ единымъ страшнымъ Царемъ, безстрастнымъ Судіею, что такіе властелины будутъ сами преданы въ вѣчную муку....“ (Дополн. къ Акт. Истор. I. № 213). Многіе по извращенному понятію о добрѣ думали загладить свои пороки приношеніями въ монастыри и въ то же время не заботились о своихъ домашнихъ слугахъ. И въ этомъ случаѣ обличителями выступали тѣ-же лица. Однажды къ Димитрію Прилудскому какой-то богачъ принесъ съѣстные припасы; но тотъ велѣлъ ему отнести ихъ домой и роздать своимъ-же рабамъ, которые страдали у него отъ голода. Это наставленіе произвело свое дѣйствіе. Зосима, забывъ всѣ обиды, какія терпѣлъ отъ рабовъ новгородскихъ боярѣ, не принялъ даровъ отъ рабовладѣльца и обратился къ нему съ поученіемъ о томъ, чтобы онъ, вмѣсто пожертвованій на монастырь, лучше заботился челоуѣколюбиво обходиться съ рабами, не морилъ бы ихъ голодомъ и наготою, а держалъ ихъ въ любви.

Одновременно съ разнообразными способами благотворенія частныхъ лицъ и монастырей, въ древней Руси рано возникла и стала развиваться церковно-общинная приходская благотворительность, въ которой, подъ руководствомъ мѣстнаго

духовенства, въ попеченіи о бѣдныхъ принимали участіе прихожане. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что убогіе и дряхлые находили себѣ въ древней Руси повсемѣстно пріютъ и пристанище въ церковныхъ притворахъ, подобно тому, какъ нѣкогда въ притворѣ храма Соломонова помѣщались убогіе и недужные („Литер. Вечер.“ 1844). Мы не имѣемъ частныхъ фактическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ могли бы высказанное положеніе провѣрить, но можемъ признать вѣроятнымъ существованіе такого способа призрѣнія нищихъ въ Новгородской общинѣ, принявъ во вниманіе, что церковные притворы въ Новгородской общинѣ служили такимъ мѣстомъ, куда собирались прихожане для совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ, а въ храмовые праздники для устройства братскихъ трапезъ (какъ объ этомъ можно заключить изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ), также и то, что такіе притворы отдѣлялись въ древнихъ церквахъ отъ средней части храма глухою стѣною. Независимо отъ этого, при церквахъ, уже въ періодъ до-монгольскій, устраивались для призрѣнія нищихъ богадѣльни. Правда, въ первоначальныхъ памятникахъ не представляется частныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы опредѣлить, хотя приблизительно, количество такихъ церковныхъ богадѣленъ, но существованіе ихъ уже въ первомъ до-монгольскомъ періодѣ подтверждается древнѣйшими нашими законодательными памятниками—уставами Владиміра Св. и Всеволода Новгородскаго. Въ уставѣ Владиміра Св., при исчисленіи предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію Церкви, говорится „о больницахъ, о лѣщцѣ, о странно-пріимницахъ, гостиницахъ, богадѣльняхъ, о слѣщцѣ, хромцѣ, калѣкѣ, вдовицѣ, питающейся отъ Церкви Божіей“. По уставу князя Всеволода, имѣющему спеціальное значеніе для Новгородской общины, церковному суду подчиняются, кромѣ всѣхъ исчисленныхъ лицъ и учрежденій, также изгой—разнаго рода осиротѣлыя, несостоятельныя лица. Руководясь данными, сообщаемыми въ этихъ уставахъ, мы должны признать за несомнѣнное, что во первыхъ, лица, подлежащія вѣдѣнію Церкви, пользовались ея покровительствомъ и призрѣніемъ, причемъ, какъ беззащитныя, могли удобнѣе церковною властію ограждаться отъ раз-

ныхъ насилій, и съ другой стороны, что для призрѣнія болѣе нуждающихся изъ нихъ дѣйствительно въ Церкви устраивались благотворительныя учрежденія, подлежавшія контролю іерархіи. Эти благотворительныя учрежденія, конечно, по устройству были просты и, подобно странно-пріимницѣмъ Θεодосія Печерскаго, могли вмѣщать въ себѣ всякаго рода нищихъ и недужныхъ. Вѣроятно, онѣ устраивались въ видѣ небольшихъ богадѣленныхъ избъ, въ которыхъ призрѣваемыя лица помѣщались по нѣскольکو человекъ. Акты XV и XVI вв. показываютъ, что такого рода богадѣленныя избы заводились повсемѣстно, особенно при городскихъ церквахъ. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ, заявляя объ упадкѣ церковной благотворительности, говорилъ, какъ о древнемъ обычаѣ, что по всѣмъ нашимъ городамъ устраивались богадѣленныя избы, въ которыя ежегодно отпускалась изъ церковной казны милостыня: хлѣбъ, соль, деньги и одежда, а также поступала милостыня отъ христіанцевъ. Ослабленіе церковной общественной благотворительности, возбуждавшее сожалѣніе царя, показываетъ, что такая форма благотворительности имѣла силу раньше и что царь хлопоталъ болѣе всего о томъ, чтобы возстановить въ первоначальномъ видѣ то, что оправдывалось вѣковыми обычаями, историческою давностію. Изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ XV и XVI вв. очевидно, что не только при городскихъ церквахъ, но и вблизи нашихъ сельскихъ церквей, вмѣстѣ съ домами священно и церковно-служителей существовали богадѣленныя избы или келіи, числомъ иногда до двадцати, въ которыхъ жили всякаго рода нищіе, старцы и старицы и *пятались о Церкви Божіей и о приходѣ* („О новгородскихъ пятинахъ“, Неволина. Прил. стр. 146, 151, 153). Дозорная книга Галича (1609—1610) говоритъ: „за острогомъ межъ *Шатны* и *Галибины* улицъ—храмъ во имя Царя Константина—у того храма на тяглой черной землѣ семь избышекъ, а въ нихъ живетъ пономарь, да шесть человекъ нищихъ; *пятаются* отъ Церкви по приходнымъ людямъ т. е. отъ прихода. У храма Рождества Христова 4 человекъ нищихъ, у Богоявленія 5 такихъ-же избышекъ и т. д., всего въ городѣ 18 человекъ“ („Москвитянинъ“ 1851 года, № 21), причемъ въ этомъ послѣднемъ документѣ

исчисляется и та руга, которая отпускалась прихожанами на содержаніе нищихъ. Такимъ образомъ, фактъ существованія въ древней Руси церковно-общиннаго призрѣнія нищихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. При крѣпости первоначальнаго древне-русскаго союза, міряне, принимавшіе живое участіе во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся Церкви — устройства храмовъ, выбора и держанія мѣстнаго приходскаго духовенства, естественно должны были принимать участіе въ устройствѣ богадѣленъ на церковныхъ земляхъ и въ посильномъ содержаніи ихъ ругою, или разными частными приношеніями. Эта церковно-приходская благотворительность, безъ сомнѣнія, имѣла преимущество предъ другими формами частнаго и общественнаго призрѣнія нищихъ какъ по болѣе разумному и справедливому матеріальному обезпеченію призрѣваемыхъ, такъ и по нравственно-воспитательному вліянію на благотворителей. Мѣстное общинное призрѣніе нищихъ, не стѣсняя частнаго сердечнаго милосердія, могло сообщать ему характеръ разсудительнаго и справедливаго дѣйствія, давая возможность благотворителямъ оказывать помощь дѣйствительно нуждающимся, сообразно съ истинною нуждою и съ тѣми особыми несчастными обстоятельствами, при которыхъ всякій могъ подвергнуться нищетѣ — вслѣдствіе пожара, болѣзни или другихъ случайностей. Справедливость въ благотвореніи могла въ большей степени достигаться въ приходахъ, потому что всѣ члены общины близко знали другъ друга. При томъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ милосердія могло упражнять самихъ благотворителей въ выполненіи существенной нравственной обязанности... Но къ сожалѣнію, церковно-приходская общинная благотворительность уже въ половинѣ XVI в. начинаетъ ослабѣвать, причемъ такое ослабленіе сначала происходитъ въ главнѣйшихъ городахъ, а потомъ и въ пунктахъ болѣе второстепенныхъ. Это вызываетъ церковно-правительственныя мѣропріятія, направленныя къ организаци благотворительности на болѣе прочныхъ началахъ. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ Грозный, начертавши предъ соборомъ мрачную картину, какъ нищіе, клясые и гнилые скитаются по улицамъ и остаются безъ призора, какъ плѣнные уводятся обратно изъ городовъ, не находя себѣ выкупа, — спрашиваетъ

соборъ: „на комъ тотъ грѣхъ взыщется и о тѣхъ что промыслить? Православнымъ царемъ и княземъ и святителемъ достоятъ о нихъ промыслити“. Стоглавый соборъ дѣлаетъ постановленіе о томъ, чтобы устроить въ каждомъ городѣ богадѣльни мужскія и женскія, размѣстить по нимъ прокаженныхъ и престарѣлыхъ, не имущихъ гдѣ главы приклонить, а надзоръ за богадѣльнями поручить добрымъ священникамъ и цѣловальникамъ, вмѣнивъ притомъ первымъ въ обязанность, чтобы они, посѣщая богадѣльни, поучали живущихъ тамъ страху Божию и чистотѣ (гл. 73). Постановленіе это, конечно, могло-бы имѣть важныя послѣдствія, если-бы оно исполнилось, но изъ памятниковъ историческихъ не видно, чтобы въ дѣлѣ церковной общественной благотворительности произошли въ сѣверо-восточной Руси какія-нибудь особыя перемѣны до XVII в.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЖИВОЕ СЛОВО

(Продолженіе *).

II.

Способности, необходимыя для импровизатора.—Разности въ достоинствахъ импровизаций, зависяція отъ различія талантовъ въ ораторахъ.

Обыкновенно думаютъ, что для импровизатора нуженъ только особенный *даръ слова*, т. е. способность легко, свободно и скоро говорить. О людяхъ, произносящихъ удачныя импровизации, обыкновенно говорятъ: „багой у него даръ слова!“ Но это выраженіе неточное; оно не обнимаетъ всего круга способностей, необходимыхъ для импровизатора. Можно сказать, что нѣтъ способности не только душевной, но и тѣлесной, разумѣется, близкой къ дѣятельности импровизатора, которая не была-бы нужна для него.

Главная способность, необходимая для импровизатора, есть крѣпкая и наилучшимъ образомъ развитая сила мышленія. Онъ не слова только мечетъ предъ слушателями, а живымъ словомъ излагаетъ мысли, пріобрѣтенныя и усвоенныя имъ изъ разныхъ отраслей знанія, и только качество или достоинство мыслей можетъ возбуждать его самого и занимать его слушателей. Умъ легкій, поверхностный не можетъ дать достаточнаго содержанія для импровизаций; онъ будетъ скользить по предмету, скоро израсходуется заготовленное имъ для рѣчи содержаніе, и оставитъ слушателей неудовлетворенными. Если для писателя требуется способность глубокаго мышленія, исчерпывающая до основаній содержаніе предмета, широта взгляда, объемлющая границы предмета,

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 7.

такъ сказать, съ одного конца до другаго, точность понятій, необходимая для правильнаго развитія мыслей и послѣдовательнаго ихъ изложенія: то все эти условія наиболѣе необходимы для импровизатора. Безъ глубины мыслей рѣчь оратора будетъ пуста; безъ точнаго разграниченія мыслей онъ будетъ смѣшивать понятія и уклоняться отъ главнаго предмета, составляющаго цѣль рѣчи; безъ правильнаго развитія мыслей его рѣчь будетъ непослѣдовательна, запутана и оставитъ въ слушателяхъ смутныя представленія о предметѣ, а иногда недоумѣнія и сомнѣнія. Для импровизатора, какъ мы прежде говорили, требуется работа ума быстрая, но это не значитъ, что онъ можетъ схватить изъ своего предмета что попало, изложить его второпяхъ какъ-нибудь, не заботясь ни о круглотѣ, ни о связи мыслей. Онъ можетъ не исчерпать всего содержанія предмета, какъ это дѣлаетъ писатель въ кабинетѣ, на свободѣ, но онъ долженъ непременно указать главнѣйшія основанія своего разсужденія, чтобы имѣть данныя для выводовъ и заключеній; онъ можетъ не выдерживать со всею строгостію развитія мыслей, какою требуетъ логика отъ сочиненій, но связь мыслей непременно должна *чувствоваться* въ его рѣчи; онъ можетъ разставить мысли въ порядкѣ не съ тою строгостію, какъ это дѣлается въ сочиненіяхъ, но непременно *въ порядкѣ*; онъ можетъ допустить нѣкоторыя уклоненія отъ одной мысли къ другой, повторенія съ цѣлію возстановленія того, что было имъ забыто, или по скорости опущено изъ вниманія, но во всемъ этомъ не должно быть хаотическаго смѣшенія мыслей, обладающаго слушателей туманомъ, въ которомъ они чувствуютъ потребность спросить: что это такое? Очевидно, всеѣмъ этимъ требованіямъ можетъ удовлетворить только ораторъ съ сильною отъ природы и развитою долговременнымъ упражненіемъ способностію мышленія. Лишнее что требуется въ этомъ отношеніи отъ импровизатора сравнительно съ писателемъ, — это быстрота, живость, оборотливость ума, какъ говорится, находчивость. Въ писателѣ эти качества можетъ замѣнить продолжительное размышленіе, тщательный пересмотръ своего труда, но у импровизато-

ра все это замѣняется исключительнымъ даромъ быстрого соображенія, безъ котораго никто не долженъ и браться за импровизацію. Итакъ, по отношенію къ силѣ ума, импровизаторъ долженъ непременно обладать *всѣмъ, что требуется отъ даровитого и основательнаго писателя* и имѣть еще добавокъ, составляющей, какъ мы сказали, его особенный талантъ—живость ума, легкость, удободвижность (*agilitas*).

Безъ сильнаго и живаго ума не можетъ быть и хорошаго поэта, не только импровизатора. У поэта творчество и сила изображенія предмета, а у оратора—изобрѣтательность и искусство раскрытія истинныхъ понятій о предметѣ—непременно должны быть управляемы умомъ, какъ распорядителемъ содержанія произведеній, руководителемъ въ отдѣлкѣ формъ, соотвѣтствіи словъ, или образовъ взятому содержанію, наконецъ даже совѣтникомъ въ дѣлѣ вкуса, опредѣляемаго, главнымъ образомъ, чувствомъ изящнаго. Мы жалуемся, что у насъ мало нынѣ поэтовъ, и приписываемъ этотъ недостатокъ матеріалистическому направленію нашего вѣка; это справедливо, но не опускайте изъ вниманія и недостатка въ нашемъ современномъ образованіи высокаго умственнаго развитія, соотвѣтствующаго порывамъ творчества и полету фантазіи поэта. Отсюда происходитъ скудость и неопредѣленность содержанія въ поэтическихъ произведеніяхъ, причемъ вы чувствуете, что авторъ что-то воспѣваетъ, что-то хочетъ сказать, но что именно—трудно понять, а иногда и вовсе невозможно перевести его созерцанія въ опредѣленные понятія; отсюда происходитъ и употребленіе выраженій неточныхъ, часто странныхъ и, своею несообразностію, разрушающихъ всю силу впечатлѣнія на читателя. Если хорошій, развитой умъ нуженъ и для поэта—живописателя предмета, то тѣмъ болѣе онъ нуженъ для оратора и импровизатора—толкователя и изобразителя истины. Отъ этого недостатка надлежащаго развитія ума и пріученія его къ строгому мышленію происходятъ, главнымъ образомъ, и у даровитыхъ изъ нашихъ адвокатовъ непомѣрная длиннота рѣчей, свидѣтельствующая о неумѣннѣ отдѣлить главное отъ несущественнаго,—

сбученность мыслей и неточность въ ихъ опредѣленіи, что никакъ не выкупается ни остроуміемъ, ни восторженностію. Отсюда происходятъ и такія диковинныя рѣчи, какъ однажды слышанная нами. За имениннымъ обѣдомъ одинъ чиновникъ всталъ съ бокаломъ въ рукахъ и произнесъ рѣчь, въ которой все было: и имена существительныя, и прилагательныя, и глаголы, и даже междометія, недостало одного—мысли. Ораторъ говорилъ минуты три и затѣмъ сѣлъ на свое мѣсто въ какомъ-то изумленіи, оглядываясь по сторонамъ, и какъ будто спрашивая: что это такое онъ сдѣлалъ? Въ меньшемъ изумленіи остались и слушатели, размышляя про себя: какъ это можно набрать слова, не имѣя зерна мысли и руководящей нити въ ея развитіи? Конечно, это крайность, но крайность много говорящая: не въ такой степени, но у многихъ изъ нашихъ не ораторовъ, а рѣчепроизносителей замѣчается крайняя скудость содержанія. А говорить всюду проявляется неудержимая потребность, и это говореніе, неудерживаемое строгою критикою, при недостаткѣ истинныхъ ораторовъ сразу рѣшающихъ дѣло, развиваетъ притязательность на словопренія, запутываетъ вопросы, затягиваетъ засѣданія и оставляетъ безнаказанными скудомысліе и безталанную самоувѣренность, пренебрегающую великимъ искусствомъ молчать и съ толкомъ слушать.

Вторая необходимая для импровизатора душевная способность есть живость воображенія. Воображеніе, какъ показываютъ психологическія наблюденія, принимаетъ большое участіе вообще въ построеніи всякаго сочиненія. При работѣ разсудка, распредѣляющаго и располагающаго мысли, оно раскидываетъ впередъ перспективу этихъ мыслей, даетъ возможность представить обдумываемое произведеніе въ цѣломъ и подробностяхъ, рисуетъ отношенія мыслей къ дѣйствительности и, прежде изложенія ихъ на бумагу, очерчиваетъ весь обликъ задуманнаго труда, такъ что авторъ всегда можетъ носить его въ умѣ и продолжать свою работу, т. е. мысленно пополнять и заканчивать свое сочиненіе вездѣ и во всякое время. Всѣ эти услуги воображенія, въ полнѣйшемъ ихъ объемѣ, не-

обходимы для импровизатора. Ему мало одной твердой памяти (которая также составляет особый видъ воображенія), чтобы не растерять содержанія задуманной имъ рѣчи, но ему нужно и перестроивать это содержаніе на мѣстѣ, когда заранѣе обдуманнѣйшій планъ при исполненіи пзмѣняется (что болѣею частію бываетъ); ему необходимо при развитіи мыслей приведеніе опытовъ и картинъ изъ дѣйствительной жизни, такъ какъ самая рѣчь его жизни вызывается, ею настраивается и ее изображаетъ; ему, наконецъ, нужно быстрое облаченіе мыслей въ слова и, притомъ, не только точныя, но и близкія къ жизни, т. е. живописныя, что составляетъ прямое дѣло воображенія. Безъ этой совокупной работы живаго ума и воображенія не можетъ быть ни оратора, ни тѣмъ болѣе импровизатора. Съ умомъ твердо мыслящимъ, но медлительнымъ, съ воображеніемъ спокойнымъ, не возбуждающимся съ особенною силою, и словомъ не легко складывающимся можетъ быть ученый, и даже знаменитый профессоръ, толковый преподаватель, разумный собесѣдникъ, но не импровизаторъ въ смыслѣ живаго оратора. Думаемъ, что эта классификація дарованій по различнымъ родамъ ихъ дѣятельности не можетъ быть ни для кого общаю, потому что дарованія не нами приобрѣтаются, а даются отъ Бога. Но такъ какъ всякій честный и полезный родъ дѣятельности въ своемъ мѣстѣ необходимъ и заслуживаетъ уваженія, то въ выборѣ дѣятельности самое важное для человѣка — понять себя, опредѣлить свое призваніе и мѣру своихъ силъ, чтобы не уклоняться отъ дѣла, соотвѣтствующаго нашимъ силамъ и не выйти на поприще, не намъ принадлежащее. Если первое ведетъ къ опущенію многихъ полезныхъ дѣлъ, для насъ обязательныхъ, потому самому, что мы имѣемъ нужныя для нихъ дарованія, то послѣднее всегда угрожаетъ опасностію неудачъ, и портитъ нашу жизнь.

Изъ сказаннаго отчасти уже объясняется третья способность, необходимая для импровизатора — *даръ слова*, въ собственномъ смыслѣ. Даръ слова имѣетъ двѣ стороны: внутреннюю и внѣшнюю. Внутреннюю его сторону составляетъ, какъ нами выше сказано,

живая дѣятельность воображенія, такъ сказать, одѣвающей мысли ума, тотчасъ при появленіи ихъ въ сознаніи оратора, соотвѣтствующими образами, составляемыми изъ знаковъ, съ помощію которыхъ мы мыслимъ, и которые, еще до ихъ произнесенія нашими устами, называемъ словами. Психологи говорятъ, что мы совсѣмъ не можемъ мыслить безъ словъ, и что каждый мыслить съ словами того языка, который лучше знаетъ. Итакъ, кто обладаетъ живымъ воображеніемъ, скоро и отчетливо мыслить, у того готовы и слова для выраженія мыслей, и ему остается только хорошо произнести ихъ, если нѣтъ къ этому препятствій собственно въ органѣ слова. Но здѣсь мы находимъ умѣстнымъ замѣтить, что какъ умъ требуетъ развитія и обогащенія познаніями, чтобы имѣть обильный запасъ и, такъ сказать, родникъ мыслей, такъ и наши память и воображеніе должны быть заранѣе обогащены, или даже постоянно обогащаемы внутреннимъ лексикономъ тѣсныхъ и выразительныхъ словъ, собранныхъ не случайно, не при чтеніи легкихъ книгъ, а при самомъ мышленіи и изученіи избранныхъ нами предметовъ знанія. Поэтому рѣчь истинно ученаго человѣка, по самому качеству употребляемыхъ имъ словъ, сейчасъ даетъ понять какъ силу его мышленія, такъ и свободу выбора и сочетанія употребляемыхъ имъ словъ не только соотвѣтственно каждому частному понятію и иногда очень тонкой мысли, но и соотвѣтственно роду слушателей. Какъ не затрудняется онъ перестановкою и развитіемъ мыслей по требованію обстоятельствъ, такъ и не задумывается надъ видоизмѣненіями рѣчи и подборомъ выраженій. И хотя-бы онъ говорилъ медленно, просто, безъ притязаній на ораторство, но вы сейчасъ замѣтите, что это говоритъ хозяинъ своего дѣла. Но съ другой стороны, вы сейчасъ въ говорящемъ замѣчаете недостатокъ навыка къ самостоятельному мышленію и свободному выраженію мыслей, когда онъ затрудняется въ выборѣ необходимыхъ для него словъ и не можетъ примѣниться къ средѣ, въ которой говорить. За этотъ недостатокъ свободного изложенія христіанскаго ученія простымъ людямъ, безъ школьныхъ пріемовъ, иногда справедливо

упрекаютъ свѣтскіе люди наше духовенство, хотя для слушателей и немного нужно знакомства съ христіанскимъ ученіемъ и славянскимъ языкомъ, чтобы понимать богословскія выраженія и славянскіе тексты. Но да позволено будетъ намъ сказать, что богословскія выраженія, требующія особенной точности, иногда незамѣнимы, и вообще трудно переводимы на простой языкъ, а употребленіе славянскихъ текстовъ держится на нашемъ благоговѣйномъ навыкѣ къ языку церковному; но какая надобность громить полуграмотныхъ людей, засѣдающихъ во многихъ нашихъ собраніяхъ, при обсужденіи какого-нибудь частнаго и иногда очень неважнаго вопроса, общими разсужденіями о *прогрессѣ и цивилизаціи, о рутинѣ*, господствующей въ нашей странѣ, и т. п.? И какъ-бы, казалось, мыслящему человѣку, при необыкновенномъ богатствѣ нашего роднаго языка, не обойтись безъ иностранныхъ словъ, не требуемыхъ вовсе наукою, каковы: эманципація, эксплуатация, эвакуация, дезинфекція, прригация, эпизоотія, манипуляція, дискредитировать, фигурировать и проч.? Если ораторы духовные виновны въ томъ, что доселѣ слишкомъ крѣпко держатся пріемовъ рѣчи, усвоенныхъ имъ исторіею нашего духовнаго просвѣщенія, отъ чего всегда бываетъ трудно отдѣлаться, и если это заслуживаетъ иногда справедливаго порицанія; то съ какой стати намъ впадать изъ доброй воли въ новый недостатокъ,—нагроможденія безъ нужды въ русскую рѣчь иностранныхъ словъ, чего такъ тщательно избѣгали наши знаменитые отечественные писатели первой половины текущаго столѣтія? Признаемъ необходимымъ объяснить читателю, что мы говоримъ объ этомъ не съ однимъ желаніемъ указать въ современныхъ писателяхъ или ораторахъ только дурную привычку, или моду, унижающую достоинство нашей отечественной литературы; мы имѣемъ въ виду нѣчто болѣе важное. Этотъ наборъ иностранныхъ словъ обнаруживаетъ въ нашихъ молодыхъ людяхъ недостатокъ самостоятельнаго мышленія, способнаго переработывать познанія, почерпаемые ими изъ иностранныхъ произведеній, разбивать на части, перестраивать понятія примѣнительно къ воззрѣніямъ и

складу ума своего народа и облекать ихъ въ свои собственныя родныя слова. Наши молодые писатели въ большинствѣ своемъ, если-бы и захотѣли, *не могутъ* отдѣлаться отъ иностранныхъ словъ: они перенесли ихъ въ нашу литературу вмѣстѣ съ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ иностранныхъ книгъ; они *ими мыслятъ* и не въ состояніи при произнесеніи рѣчей замѣнить ихъ русскими словами; таковъ *словарь*, скопившійся въ умахъ ихъ при самомъ ихъ образованіи. Чтобы устранить этотъ обидный недостатокъ и очистить нашу литературу отъ этого хлама, надобно въ порядкѣ воспитанія нашего юношества обращать вниманіе не столько на обогащеніе его нужными и ненужными свѣдѣніями (которыя всегда могутъ быть пріобрѣтены), сколько на развитіе крѣпкаго мышленія, которое могло-бы управиться не только съ иностранными словами, но и съ ложными заграничными ученіями; а безъ этого можетъ-ли быть какая-нибудь рѣчь о воспитаніи у насъ народныхъ ораторовъ и импровизаторовъ?

Вышнюю сторону *дара слова* составляетъ собственно тѣлесный снарядъ, называемый *органомъ слова*. Какъ онъ связанъ съ дѣйствіями ума и воображенія, отъ чего происходятъ его природныя достоинства и недостатки, — это вопросы неразрѣшимые, какъ и всѣ другіе, относящіеся къ дѣятельности тѣхъ внутреннѣйшихъ частей нашего мозга или нервной системы, которыя непосредственно соприкасаются съ нашею душою, и какъ сами передаютъ ей впечатлѣнія внѣшняго міра, такъ и согласно съ ея прикосновеніями къ нимъ, даютъ намъ знать о происходящихъ въ ней движеніяхъ, — мысляхъ, чувствованіяхъ и желаніяхъ. Анатомическій ножъ туда еще не проникалъ, да никогда и не проникнетъ, какъ видно изъ крайней скудости свѣдѣній, сообщаемыхъ намъ, при всѣхъ усиліяхъ современной антропологии, новою теоріею *рефлексовъ головного мозга*. Итакъ, здѣсь руководитель только одинъ опытъ. Мы видимъ, что у однихъ людей органъ слова правильный, поворотливый, всѣмъ движеніямъ души послушный; у другихъ, напротивъ, медлительный, неразвязный, запинающійся. Очевидно, что, только имѣя органъ слова достаточно совершен-

ный, можно братья за импровизаціи. Извѣстное преданіе о Демосенѣ, побѣдившемъ недостатокъ своего органа (онъ залгался) трудомъ и продолжительнымъ упражненіемъ, показываетъ, что можно и исправлять свои недостатки въ этомъ отношеніи; но это можно дѣлать только *въ пещерѣ*, или на берегу моря, какъ Демосенъ, или у себя дома и заранѣе, еще не выстуная съ рѣчами въ собраніяхъ. Ораторъ, не имѣющій довольно смиренія, чтобы сознать свой недостатокъ въ этомъ отношеніи и не братья за дѣло, которое ему не по силамъ, ставитъ себя въ дѣло и невыгодное положеніе. При первыхъ словахъ устной рѣчи всегда вниманіе собранія напрягается; нетерпѣливо ождается, что и какъ будетъ сказано; сильное или, по крайней мѣрѣ, достаточно живое впечатлѣніе есть потребность присутствующихъ, — и можно себя представить, какое нетерпѣніе, смущеніе и даже внутреннее раздраженіе овладѣваетъ слушателями, когда тупость и неразвязность языка оратора замедляетъ рѣчь, заставляетъ дѣлать остановки, поправки, когда въ немъ видны усплія, борьба, граничащая съ страданіемъ; онъ просто становится жалокъ при всемъ уваженіи собранія къ его внутреннимъ достоинствамъ. Онъ своими познаніями можетъ имѣть благотворное вліяніе на общество, но онъ долженъ избрать иной ему доступный способъ общенія своихъ мыслей, а не импровизацію. Это мы говоримъ, имѣя въ виду опыты, оправдывающіе русскую пословицу: „охота смертная, да участь горькая“.

Послѣдняя внѣшняя принадлежность органа слова есть *сила голоса*. Счастливъ ораторъ, обладающій голосомъ звучнымъ, полнымъ и пріятнымъ; это рѣдкій даръ. Но съ недостатками голоса можно справляться, а иногда и мириться, если въ нихъ нѣтъ ничего крайне неудобнаго и страннаго; здѣсь гораздо важнѣе искусство управленія голосомъ, въ смыслѣ произношенія рѣчи. Такъ какъ мы имѣемъ цѣлію собрать опытные указанія для пріученія ораторовъ къ импровизаціямъ, то намъ представляется не лишнимъ сказать здѣсь (послѣ, можетъ быть, не будетъ случая) въ видѣ предостереженія, что не должно озабочивать импровизато-

ра таѣъ называемою *декламаціею*, а предоставитъ ему говорить, какъ онъ можетъ соотвѣтственно теченію его мыслей и состоянію духа, лишь-бы все было сказано внятно, ясно, съ привычнымъ ученому человѣку разграниченіемъ и оттѣненіемъ мыслей. Ему и безъ того слишкомъ много работы въ произведеніи и выраженіи мыслей въ соотвѣтствующихъ словахъ, и потому неудобно ему брать на себя еще лишній трудъ—изысканное произношеніе. Если счастливая декламація образуется у импровизатора сама собою, и при этомъ будетъ соблюдаема въ ней должная мѣра, т. е. если она не будетъ сбиваться на театральность, это прекрасно; на природный талантъ нѣтъ ограниченій, кромѣ добраго направленія, приличія и чистаго вкуса. Но опасно вводить намеренно особое искусство произношенія при обученіи живому слову, потому что оно представитъ оратору соблазнъ усиленными приемами искусственнаго произношенія *восполнять недостатокъ содержанія рѣчи и силы слова*.

Само собою разумѣется, что импровизаторъ долженъ имѣть благообразный видъ и всю внѣшность и прилично держать себя. Но, что требуетъ со стороны его особеннаго вниманія, это *состояніе его здоровья и нервной системы*. Импровизація—трудная работа; при слабости силъ ораторъ скоро утомляется, изнемогаетъ, что не можетъ не вредить успѣху его проповѣдей, или рѣчей, развѣ онъ будетъ имѣть возможность избрать кругъ дѣятельности по своимъ силамъ. Что-же касается состоянія нервной системы, то ея значеніе для импровизатора чрезвычайно важно. Отъ чрезмѣрной чувствительности и впечатлительности обыкновенно происходитъ у насъ застѣнчивость, робость и опасность растеряться. Есть люди, которые не выносятъ впечатлѣнія множества устремленныхъ на нихъ глазъ, робѣютъ въ большихъ и торжественныхъ собраніяхъ; для нихъ въ подобныхъ собраніяхъ трудно выйти на средину и сказать нѣсколько словъ; на иныхъ слабонервныхъ людей сильно дѣйствуетъ всякое внезапное движеніе въ собраніи и нечаянное появленіе новыхъ, и особенно, властныхъ лицъ. Если это недостатокъ природный, онъ мо-

жетъ лишить оратора всякой возможности импровизировать и при высокихъ дарованіяхъ. Это люди, созданные для замкнутой, кабинетной, а не для публичной жизни и дѣятельности. Но надобно замѣтить, что робость и неразвязность есть почти общій недостатокъ ученыхъ людей, прошедшихъ молодость въ школахъ и не привывшихъ къ публичнымъ собраніямъ. Эта послѣдняя робость при хорошемъ здоровьѣ легко побѣждается навыкомъ. Мы видѣли, какъ однажды въ церкви, на глазахъ проповѣдника, во время самаго разгара его импровизаціи съ громкимъ крикомъ упала на полъ женщина, и тѣмъ произвела большое смятеніе въ народѣ. Онъ остановился, обождалъ, когда больную вывели изъ церкви и все замолкло, и началъ опять свою рѣчь съ той самой мысли, на которой остановился. Это значитъ—крѣпкіе нервы. Надобно знать нѣкоторые особенные приемы, которыми достигается подобное спокойствіе и самообладаніе, о чемъ скажемъ въ свое время.

Но намъ могутъ замѣтить, что мы представили импровизатора въ такомъ идеальномъ свѣтѣ, надѣлили его такими разнообразными высокими талантами, какихъ во всей совокупности не легко и встрѣтить въ одномъ лицѣ. Но мы не говоримъ, что всѣ эти дарованія импровизаторъ долженъ имѣть въ самой высшей степени, и притомъ въ полной гармоніи. Совершенства въ природѣ рѣдки, но тѣмъ не менѣе всѣ эти дарованія, хотя и не въ высокой степени, составляютъ необходимыя *условія*, безъ которыхъ не можетъ быть оратора съ живымъ словомъ. Притомъ, большая или меньшая сила одного таланта предъ другимъ производитъ только различіе и особенности въ складѣ и качествахъ рѣчей ораторовъ, не лишая ихъ возможности говорить съ большимъ успѣхомъ. У кого преобладаетъ сила спокойнаго размышленія и притомъ съ даромъ слова ровнымъ, простымъ и яснымъ, но достаточно развитымъ, тотъ можетъ быть весьма любимымъ проповѣдникомъ религіозныхъ истинъ, или ученія, требующаго спокойнаго размышленія, а кто отличается живостію чувства и воображенія и обладаетъ словомъ легкимъ и живописнымъ, тотъ преимущественно дѣйствуетъ на сердце силою изображенія истины

въ опытахъ жизни, и яркими картиннами человѣческихъ добродѣтелей и пороковъ. Въ обоихъ этихъ родахъ были извѣстны и много трудились въ Москвѣ въ недавнее время два проповѣдника-импровизатора: въ первомъ родѣ въ Трехсвятительской, у Красныхъ воротъ, церкви протоіерей Николай Петровичъ Друговъ, любимецъ простаго народа, и во второмъ—Вознесенской, у Серпуховскихъ воротъ, церкви протоіерей Сергій Николаевичъ Терновскій, любимецъ образованнаго общества. Но дѣло общественное только руководится блестящими дарованіями, а во всей широтѣ дѣлается *способностями* и только способностями, которыя одни отличаютъ людей, могущихъ дѣлать дѣло, отъ совсѣмъ немогущихъ. И способности могутъ быть разныхъ степеней, и ни одною изъ этихъ степеней пренебрегать не слѣдуетъ; каждая найдетъ себѣ соотвѣтственное мѣсто и кругъ дѣятельности, если только она поставлена правильно. Наша обязанность отыскивать способности въ себѣ и другихъ и взаимно поощрять другъ друга къ служенію славы Божіей и благу человѣчества, помня, что, по притчѣ Спасителя, получивши отъ Господа и одинъ талантъ, мы будемъ осуждены, если зароемъ его въ землю.

А.

(Продолженіе будетъ).

НУЖНА-ЛИ ФИЛОСОФІЯ?

Въ прежнее время въ систематическихъ курсахъ наукъ было принято, послѣ изложенія общихъ понятій о содержаніи и составѣ данной науки, говорить о такъ называемой пользѣ ея, о значеніи ея для знанія и жизни, объ отношеніи къ другимъ наукамъ. Для большей части наукъ разсужденія объ ихъ пользѣ и значеніи въ настоящее время, конечно, можно-бы назвать устарѣлымъ ученымъ обычаемъ, такъ какъ теперь едва-ли какая наука нуждается въ особой рекомендаціи для своего изученія и едва-ли кто-нибудь сомнѣвается въ ея пользѣ настолько серьезно, чтобы была существенная необходимость обстоятельно доказывать ее. Но иное дѣло въ философіи. Кругъ людей, спеціально занимающихся ею, вездѣ очень ограниченъ; понятія о ней большинства смутны и неясны; самое имя философіи для многихъ служитъ синонимомъ пустой отвлеченности, бесполезной мечтательности. Положимъ, пренебреженіе къ философіи, проистекающее отъ неяснаго пониманія ея содержанія, само по себѣ дѣло не настолько важное, чтобы стоило усиленно заботиться объ оправданіи этой науки передъ судомъ обыкновеннаго мнѣнія. Философія, какъ справедливо замѣтилъ еще Цицеронъ, не гоняясь за благорасположеніемъ большинства, можетъ быть довольна и немногими, понимающими дѣло судьями *). Притомъ-же, нерасположеніе къ ней, основанное на ея непониманіи, само собою разсѣялось-бы, какъ скоро, при возвышеніи уровня общаго образованія, было понято, не-

*) *Est philosophia paucis contenta iudicibus, multitudinem consulto ipsa fugiens, eique ipsi et invita et suspecta, ut si quis universam vituperare velit, secundo id populo facere possit. Tusc. Quaest. I, II.*

довѣрчивыми къ ней, ея содержаніе. Но важнѣе всего то, что и въ кругу людей, имѣющихъ достаточно ясное понятіе объ этомъ содержаніи, наша наука во всѣ времена встрѣчала не только почитателей и безпристрастныхъ цѣнителей, но и ожесточенныхъ враговъ и что обвиненіе противъ нея были гораздо серьезнѣе и по своимъ послѣдствіямъ опаснѣе, чѣмъ простое пренебреженіе къ ней.

Такъ, первое проявленіе вражды противъ философіи встрѣчаемъ уже въ то отдаленное время и въ той странѣ, гдѣ уваженіе къ философіи и къ философамъ достигало до такой высоты, до какой едва-ли доходило впоследствии. Въ Греціи, въ то время, когда уроки славныхъ мудрецовъ сзывали въ Аѳины искателей мудрости изъ всѣхъ концовъ тогдашняго образованнаго міра, когда философія входила какъ существенный элементъ въ воспитаніе каждаго образованнаго грека, возбужденное врагами философіи общество заставило Анаксагора спастись бѣгствомъ отъ павшаго на него смертнаго приговора, поднесло пикуту Сократу и изгнало Аристотеля. Въ Римѣ время Цицерона было эпохою, когда новая еще для римлянъ греческая философія принималась со всѣмъ жаромъ и энергіею юнаго народа, ищущаго познаній. „О, философія, путеводительница жизни, учительница добродѣтели, изгнательница пороковъ“!—восклидалъ этотъ восторженный почитатель философіи и великій государственный мужъ. „Какъ безъ тебя могли бы существовать не только мы, но и вся жизнь человѣческая! Ты создала города; ты разсѣянныхъ людей призвала къ общественной жизни, соединила ихъ сначала жилищами, затѣмъ супружествомъ, наконецъ общностью языка и наукъ; ты изобрѣла законы, научила нравственности и доброму порядку жизни. Къ тебѣ прибѣгаемъ, у тебя просимъ помощи... Одинъ день, проведенный хорошо по твоимъ наставленіямъ, лучше, чѣмъ порочное безсмертіе“ *). Но въ тоже время другой не менѣе великій государственный мужъ и добродѣтельный гражданинъ, Катонъ, гремѣлъ въ сенатѣ противъ греческихъ философовъ, наводнившихъ Римъ, и требовалъ изгнанія ихъ, какъ общественной язвы, порчи древней простоты нравовъ и пра-

*) Tusc. Quaest. V, 2.

отеческой добродѣтели. И не разъ послѣ того сенатъ и императоры издавали декреты противъ философовъ.—Что въ первые вѣка христіанства, въ эпоху живой борьбы христіанскихъ началъ не только съ языческою религіею, но и философіею, не отъ всѣхъ можно было ожидать безпристрастной оцѣнки значенія философіи; что противъ нея возвышались враждебные голоса, какъ противъ источника всевозможныхъ заблужденій, какъ противъ матери ересей,—это явленіе само собою понятное и естественно объяснимое. Въ средніе вѣка, когда пылъ оживленной борьбы противъ языческой философіи остылъ съ поражениемъ послѣдней, философіи, повидимому, была отведена подобающая ей справедливость и оцѣнено ея значеніе. Она снова заняла почетное мѣсто, какъ одна изъ необходимыхъ наукъ общаго образованія *) и какъ помощница въ дѣлѣ раскрытія богословской истины, но заняла подъ тяжелымъ условіемъ отреченія отъ своей свободы и самостоятельности. Какъ скоро это условіе нарушалось, прежняя вражда противъ нея возбуждалась снова и сопровождалась часто тяжелыми послѣдствіями для свободы мышленія; извѣстна участь Абельярда, Виппи, Джордано Бруно. Освобожденіе нашей науки отъ узъ схоластики Декартомъ и Бэкономъ, возвысивъ ея значеніе въ сознаніи образованнаго міра, не поставило однако-же ее предъ судомъ общественнаго мнѣнія настолько прочно, чтобы окончательно исчезло всякое нерасположеніе къ ней, чтобы ей не угрожала никакая опасность и чтобы по временамъ не повторялись всѣ прежнія обвиненія противъ нея. И ни для кого не тайна, что это нерасположеніе къ ней, можно даже сказать болѣе—вражда къ ней, въ наше время сильнѣе, чѣмъ въ недалекомъ даже прошломъ. Это нерасположеніе, какъ мы видѣли, нашло себѣ даже научное выраженіе въ области самой философіи, въ тѣхъ, пользующихся значительнымъ сочувствіемъ даже научно-образованнаго общества, ученіяхъ, которыя отрицаютъ у человѣческаго разума возможность и право знать что-либо, лежащее за предѣлами міра эмпирическихъ яв-

*) Подъ именемъ діалектики она входила въ составъ семи общеобразовательныхъ наукъ (*septem artes liberales*) на ряду съ грамматикой, риторикою, арифметикою, геометриею, астрономіею и музыкою.

леній (позитивизмъ и ново-кантіанизмъ). Если вѣрна мысль, что всякое вліятельное философское ученіе служитъ отраженіемъ духа времени и строя современнаго ему мышленія, то въ этихъ ученіяхъ мы вправѣ видѣть знаменіе нашего времени—выраженіе крайняго недовѣрія и нерасположенія къ философіи.

Всматриваясь въ причины нерасположенія къ философіи, мы находимъ существенное различіе между тѣми мотивами, которые возбуждали вражду противъ нея въ прежнее время, и тѣми, которые лежатъ въ основаніи современнаго враждебнаго отношенія къ ней,—и это различіе далеко не служитъ къ чести нашего времени. Въ древнемъ и въ христіанскомъ мірѣ источникомъ вражды противъ философіи были почти исключительно опасенія за цѣлость общественнаго строя жизни, а еще болѣе за цѣлость религіозныхъ вѣрованій, которымъ будто-бы грозитъ опасность со стороны философіи. Какъ-бы ни были неосновательны подобныя опасенія, по крайней мѣрѣ побужденія, которыми вызывались они, были вполне уважительны. Общественные и религіозные интересы дѣйствительно настолько велики и дороги для человѣчества, что могутъ извинить даже неумѣренную и неразумную ревность объ ихъ охраненіи. Теперь иное дѣло. Религіозное чувство довольно охладѣло въ настоящее время, чтобы, дѣйствуя на него, можно было возбудить вражду противъ философіи. Религія, старинная соперница философіи, теперь испытываетъ одинаковую съ нею участь—охлажденіе къ ней духа времени. Теперь философія не имѣетъ и того утѣшенія, чтобы вражда къ ней происходила изъ такого благороднаго источника, какъ ревность по вѣрѣ. Частная и общественная польза—вотъ девизъ нашего времени, и во имя этой-то пользы, главнымъ образомъ, ратуютъ противъ философіи ея враги. Теперь рѣже и рѣже говорятъ, что философія подкапываетъ основаніе религіозныхъ убѣжденій; даже,—страшное дѣло,—по превратному понятію о ней, готовы вмѣнять ей въ заслугу то, что прежде считали преступленіемъ, и находятъ единственную пользу ея въ томъ, что она служитъ средствомъ очищенія старинныхъ предразсудковъ, т. е. ниспроверженія религіозныхъ вѣрованій. Но тѣмъ сильнѣе слышатся

рѣчи о ея бесполезности для науки, для образованія, для жизни общественной и частной.

Дѣйствительно, утилитаризмъ нашего времени, привыкшій одѣлывать каждое знаніе не по его внутреннему достоинству и не по отношенію къ существеннымъ цѣлямъ жизни, но какъ средство къ достиженію внѣшнихъ цѣлей, конечно, не можетъ съ большимъ сочувствіемъ отнестись къ наукѣ, повидимому, всего болѣе отвлеченной отъ внѣшней дѣйствительности. То же самое направленіе, которое высказывается противъ классическаго образованія вообще, какъ далекаго отъ прямого, практическаго примѣненія къ жизни, выражается и въ предубѣжденіи противъ занятія философіею. Духъ нашего времени вообще мало благопріятенъ научнымъ стремленіямъ, которыя на первый взглядъ не могутъ представить въ свою пользу какихъ-либо осязательныхъ точекъ соприкосновенія съ практическою жизнью. Если на первый планъ въ наше время выступаютъ науки естественныя, то это зависитъ, можетъ быть, не столько отъ теоретическаго и чисто научнаго значенія ихъ, сколько отъ того, что наше время особенно счастливо практическими примѣненіями результатовъ естествознанія къ потребностямъ жизни. При удачѣ этихъ примѣненій умъ надѣется и ждетъ еще большихъ, и это ожиданіе поддерживается и возбуждаетъ въ свою очередь научное изслѣдованіе природы.

При такомъ утилитарномъ направленіи духа времени, въ ближайшее изслѣдованіе причинъ котораго входитъ намъ нѣтъ нужды, очень понятно, почему философія должна показаться наукою бесполезною. Уже сама по себѣ, по отвлеченности своего содержанія, она представлялась далекою отъ дѣйствительности и отъ насущныхъ интересовъ современной жизни. Къ укорененію такого мнѣнія о ней много содѣйствовало и то направленіе философіи, которое она приняла въ недалекомъ прошломъ своего сравнительнаго процвѣтанія. То идеалистическое направленіе, которое получила она въ послѣдовавшихъ за Кантомъ вліятельныхъ, въ свое время, системахъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, далеко не оправдало тѣхъ надеждъ на достиженіе абсолютнаго знанія, какія возлагали на нихъ ихъ послѣдователи. Это направленіе не только не устояло противъ

эмпирически-утилитарнаго теченія времени, по, по тому закону жизни, по которому крайность вызываетъ другую крайность, само содѣйствовало усиленію этого теченія. Истощенная безсильными попытками постигнуть безусловную истину, мысль ослабѣла въ горькомъ сознаніи своего безсилія и невѣрїи въ собственное могущество. Не будучи въ состоянїи достигнуть неба, она пала на землю, привязалась къ знаніямъ положительнымъ, утилитарнымъ, съ недовѣріемъ и ироніею относясь ко всякой попыткѣ рѣшить высшіе вопросы, выходящіе за границы опытаго знанія.

Вотъ почему самое обыкновенное обвиненіе, которое слышится противъ философіи въ наше утилитарное время, есть обвиненіе ея въ бесполезности. Къ чему нужна намъ, говорятъ, философія? Она не обогащаетъ нашего ума никакими положительными свѣдѣніями, которыя одни имѣютъ научную цѣнность въ нашъ положительный вѣкъ, а потому не можетъ и содѣйствовать къ успѣшному выполненію какого-либо общественнаго или частнаго занятія. Не философія, говорятъ намъ, нужна для священника, а знаніе догматовъ и обрядовъ, сопровождаемое вѣрою и любовью къ своему призванію; философія можетъ только повредить ему, пріучая умствовать тамъ, гдѣ нужно вѣрить въ простотѣ сердца. Не философія, а знаніе законовъ и людей образуетъ хорошаго судью, чиновника, адвоката; излишнее философствованіе скорѣе повредитъ имъ, потому что можетъ пріучить ихъ разсуждать тамъ, гдѣ нужно исполнять и дѣйствовать, научить спрашивать о причинѣ, смыслѣ и цѣли каждаго постановленія, а подобные вопросы не всегда совмѣстны съ уваженіемъ къ закону и съ безотчетною исполнительностію, какія требуются для успѣшной службы. Философія не пробудитъ въ человѣкѣ того стремленія къ почестямъ и отличіямъ, того такъ называемаго благороднаго честолюбія, которое составляетъ главное условіе успѣха въ общественной жизни, потому что предписываетъ довольство своимъ состояніемъ. Она не сообщитъ ему лоска внѣшней образованности, не всегда даже пріобрѣтетъ ему извѣстность ученаго, потому что философы часто слѣдуютъ наставленію одного древняго мудреца: „много думать, мало говорить, а пи-

сать еще меньше“. Особенно она не научить самому современному искусству—наживать деньги, потому что проповѣдуетъ несовременную умѣренность, а еще болѣе потому, что съ философомъ, парящимъ мыслию въ высшихъ сферахъ знанія, иносказательно часто повторяется тотъ-же случай, который былъ съ первымъ философомъ Талесомъ, который, созерцая небо, не видѣлъ того, что подъ ногами, и попалъ въ яму.

На всѣ эти обвиненія философія, повидимому, должна отвѣчать полнымъ признаніемъ своей виновности. Одинъ нѣмецкій писатель составилъ списокъ наукъ, размѣстивъ ихъ по мѣрѣ приносимой ими въ жизни пользы и на первомъ мѣстѣ въ этомъ списокѣ поставилъ медицину, на послѣднемъ—философію. Справедливо-ли въ числѣ „хлѣбныхъ наукъ“ (Brodwissenschaft) занимаетъ первое мѣсто медицина, не знаемъ; можетъ быть, у насъ въ Россіи и въ настоящее время это первенство слѣдовало-бы отдать наукамъ юридическимъ. Но, кажется, вполне можно согласиться, что философія менѣе всѣхъ наукъ полезна для практической жизни. Нельзя сказать, чтобы въ жизни кто-нибудь много потерялъ отъ незнанія философіи и чтобы незнакомство съ нею прямо вредило успѣшному выполненію какого-либо общественнаго служенія. Въ обществѣ нѣтъ отдѣльнаго званія философовъ, какъ есть званія священниковъ, врачей, чиновниковъ и пр., для которыхъ полезны и нужны науки, подходящія къ ихъ званію. Поэтому мы готовы согласиться, что философія съ извѣстной точки зрѣнія бесполезна, и человѣкъ практической, въ современномъ смыслѣ слова, съ болѣею пользою можетъ употребить время, нужное для изученія философіи, на пріобрѣтеніе другихъ болѣе положительныхъ знаній, которыя и безъ философіи помогутъ ему успѣшно пройти жизненное поприще, а если пожелаетъ, то и пріобрѣсти кромѣ того репутацію образованнаго, даже ученаго человѣка.

Но, да позволятъ намъ замѣтить люди, преслѣдующіе однѣ лишь практическія цѣли, не слишкомъ-ли строго и пристрастно судятъ они нашу науку, когда на нее одну возводятъ обвиненія, которыя по тому-же самому праву должны-бы раздѣлять съ нею и многія другія науки и искусства. Какими по-

ложительными свѣдѣніями обогащаютъ нашъ умъ, какую существенную пользу въ жизни приносятъ изящныя искусства, поэзія напр., а между тѣмъ никто не возвышаетъ противъ нихъ своего голоса, за исключеніемъ развѣ того оригинальнаго критика-реалиста въ нашей литературѣ, который нѣкогда объявилъ, что сапоги лучше Пушкина? Какую пользу для практической жизни приноситъ изученіе мертвыхъ классическихъ языковъ, изслѣдованіе древностей, даже многія изъ естественныхъ наукъ, о значеніи которыхъ такъ много говорятъ въ наше время, напр. астрономія, геологія, палеонтологія и т. п.? Не имѣютъ-ли эти и большая часть другихъ наукъ одинъ интересъ знанія и умственного наслажденія безъ отношенія къ выгодамъ дѣйствительной жизни? Не значить-ли слишкомъ унижать науку, смотрѣть на нее, какъ на служебное только орудіе общежитія и не видѣть въ ней саомытной цѣли—познанія? Не для одного частнаго и общественнаго благосостоянія, подъ именемъ котораго часто понимаютъ матеріальное довольство, созданъ человѣкъ; не для одного служенія ограниченнымъ и преходящимъ интересамъ внѣшней жизни даны ему разумъ и стремленіе къ истинѣ. Есть самостоятельная, высшая цѣль дѣятельности духовныхъ нашихъ силъ; для разума эта цѣль есть знаніе, само себѣ служащее цѣлью, а не средствомъ для постороннихъ ему потребностей.

„Удивленіе, говоритъ Аристотель, и теперь, какъ и въ древности, служитъ началомъ философіи. Сначала предметомъ удивленія были ближайшіе странные, необычайные предметы; затѣмъ пошли дальше и стали спрашивать и разсуждать о предметахъ болѣе значительныхъ, о движеніи мѣсяца, солнца, звѣздъ и о происхожденіи вселенной. Но разсужденіе и удивленіе происходитъ отъ незнанія. Если-же начали философствовать съ тою цѣлью, чтобы освободиться отъ незнанія, то ясно, что люди стремились къ познанію только ради самого знанія, а не ради какой-либо пользы. Это подтверждаетъ и исторія; ибо люди стали искать такого рода познаній только тогда, когда было уже достигнуто все необходимое для жизни и для ея удобствъ. Итакъ очевидно, что человѣкъ стремится къ знанію не ради какой-либо выгоды, а ради его самого; и

какъ мы называемъ свободнымъ того человѣка, который существуетъ только ради себя, а не ради другаго, такъ и знаніе должно быть признано единственно только свободное знаніе, существующее только ради себя самого“ *). Съ этими словами великаго философа древности нельзя не согласиться. Дѣйствительно, главное побужденіе къ изслѣдованію вещей есть не одна практическая нужда и польза, но любопытство, въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова,—желаніе знать, безъ всякихъ постороннихъ видовъ. Движимая этимъ кореннымъ своимъ побужденіемъ, наука часто приходила къ результатамъ полезнымъ и для внѣшней жизни, но никогда эти, часто случайные, результаты не служили цѣлью, для которой предпринимались научныя изслѣдованія. Это оправдывается даже исторіею наукъ естественныхъ, которыя, повидимому, болѣе другихъ могутъ имѣть примѣненіе къ внѣшней жизни. Такъ напр. уже греки изъ чисто научныхъ интересовъ занимались теоріею конического сѣченія и тѣмъ положили основаніе, на которомъ впослѣдствіи времени Кеплеръ развилъ правильную теорію солнечной системы, опредѣлилъ движеніе, величину и взаимное разстояніе звѣздъ; отсюда уже само собою послѣдовало практическое примѣненіе астрономическихъ данныхъ къ правильному времячисленію, чего первоначально ни греки, ни Кеплеръ не имѣли въ виду **). Чисто научныя изслѣдованія естествоиспытателей о свойствахъ тѣлъ, ихъ первоначальныхъ элементахъ и отношеніяхъ, произвели въ химіи неожиданныя открытія, которыя нашли затѣмъ многочисленныя примѣненія въ жизни практической; изслѣдованія математиковъ и физиковъ о законахъ движенія тѣлъ положили начало технической механикѣ въ наше время. Предпринятое въ началѣ съ чисто научною цѣлію изученіе свойствъ воздуха и пара имѣло слѣдствіемъ изобрѣтеніе барометра и термометра для измѣренія высотъ и узнанія погоды и еще болѣе важное изобрѣтеніе приспособленій пара для движенія на сушѣ и моряхъ, что такъ измѣнило средства сообщенія между народами и имѣло такое сильное вліяніе на общественную жизнь.

*) Arist. Metaph. 1, 2. Изд. Курхмана, 1871. стр. 22—23.

**) Greit und Ulber. Propädeutik od. Einl. in. d. Philosophie. p. 16.

Такъ въ чистой наукѣ, которая изучается сама по себѣ, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, скрываются часто сѣмена открытій и идей, которыя потомъ находятъ примѣненіе къ жизни. Если-же, напротивъ, наука бываетъ изучаема только ради внѣшнихъ цѣлей, то этимъ самымъ уже стѣсняется свободное стремленіе познающаго духа, направленіе знанія дѣлается одностороннимъ и оно къ удивленію не приноситъ даже той практической пользы, на которую рассчитываютъ. Если-бы напр. геометрія ограничилась только тою практическою цѣлью, которою была вызвана на мѣстѣ своего рожденія въ Египтѣ,—измѣреніемъ земли для опредѣленія границъ владѣній, если-бы не сообщило ей дальнѣйшаго движенія чистое стремленіе къ знанію, то мы лишены были-бы всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ открытій и примѣненій, какими подарила насъ эта наука впоследствии.

Если, такимъ образомъ, практическое примѣненіе не есть главная цѣль наукъ, къ которой онѣ должны стремиться, а лишь естественное отраженіе ихъ свѣта на явленія обыденной жизни, то по какому праву мы можемъ осуждать науку за то только, что она не представляетъ намъ наглядныхъ, осязательныхъ признаковъ своего вліянія на ту сферу жизни, которая, по самому ея предмету, далека отъ нея,—сферу жизни внѣшней. Возникая изъ прирожденной человѣческому духу потребности знанія, она тѣмъ самымъ оправдываетъ свое существованіе въ ряду другихъ наукъ; удовлетворяя этой потребности, она тѣмъ самымъ приноситъ уже и пользу, не вещественную, а духовную, и нужна крайняя односторонность матеріалистическаго утилитаризма, чтобы придавать исключительную важность первой и не признавать послѣдней. По мнѣнію древнихъ мыслителей, отсутствіе внѣшней полезности не только не служитъ къ предосужденію науки, но столько же возвышаетъ ее, сколько потребность духа выше обыкновеннаго, житейскаго благосостоянія; такая свобода знанія отъ внѣшнихъ цѣлей считалась высшимъ его достоинствомъ. Платонъ говоритъ, что только изъ свободной любви къ знанію проистекающее ученіе можетъ назваться благимъ и прекраснымъ. Аристотель думаетъ, что свободнорожденному и благородному человѣку унижительно

и недостойно въ своемъ дѣйствованіи имѣть въ виду одну только пользу, такъ что онъ осуждаетъ даже занятіе самыми благородными искусствами, какъ скоро изъ нихъ дѣлаютъ промыселъ и средство существованія. Стоики утверждали, что наука должна истекать изъ одной чистой любознательности и что *verum cognitiones ipsas propter se adsciscendas esse*, *) Такъ думали древніе,—и не къ достоинствамъ нашего времени относится то, что многіе привыкли измѣрять достоинство наукъ степенью пользы ими приносимой, болѣе обращать вниманіе на средства, чѣмъ на цѣли жизни, отъ чего жизнь человѣка теряетъ свой высшій идеальный характеръ и высшій разумный смыслъ. При современныхъ требованіяхъ отъ науки, невольно приходятъ на мысль слова Бэкона, сказанныя имъ о своемъ времени: „одни ищутъ въ наукѣ спокойной постели, на которой могъ-бы заснуть ихъ дремлющій духъ; иные—высокой башни, съ которой они могли бы гордо озираться во всѣ стороны; иные—крѣпость, изъ которой могли бы сражаться и поражать противниковъ; иные—мастерскую и лавку, въ которой могли-бы ремесленничать, торговать и зарабатывать деньги; лишь немногіе видятъ въ ней богатую сокровищницу, дворецъ Бога на землѣ, созданный къ Его славѣ“ **).

Если, такимъ образомъ, внѣшняя полезность и практическая примѣнимость есть случайная, а не существенная принадлежность знанія, если главное право на существованіе науки и ея дѣйствительная польза въ томъ, что она наука, т. е. удовлетворяетъ нашему стремленію къ истинѣ, то всѣ возраженія, которыя можетъ сдѣлать противъ философіи вульгарный утилитаризмъ, падаютъ сами собою. Кто видитъ цѣль жизни не въ постоянномъ стремленіи къ совершенству въ знаніи и дѣятельности, а только въ удовлетвореніи вещественныхъ потребностей и въ достиженіи эгоистическихъ цѣлей, тому нечего говорить о пользѣ какого-бы то ни было знанія, какъ скоро оно не имѣетъ наглядной для него выгоды,—о пользѣ философіи менѣе всего. Кто въ знаніи видитъ естественную потребность нашего ума, въ истинѣ самостоятельную цѣль нашей духовной жизни, тотъ не станетъ спрашивать о пользѣ науки, какъ

*) Greit u. Ulber, Propädeutik. p. 17.

***) Слова Бэкона у Fries'a въ *ero Syst. d. Metaph.* 1824. p. 11.

скоро эта наука отвѣчаетъ какимъ-либо запросамъ ума, стремящагося къ истинѣ. А что философія принадлежитъ къ числу наукъ именно такого рода, это показываетъ и ея содержаніе и ея исторія. „Если бы философскія проблемы были не болѣе, какъ капризами воображенія или игрою школьнаго остроумія, то, конечно, умъ человѣка былъ бы вправѣ скоро отъ нихъ отказаться; но мы видимъ, что это самые жизненные и самые неразрушимые вопросы человѣческой мысли. Тогда какъ проходятъ и смѣняются философскія системы, сами они остаются въ глубинѣ умовъ; они не исчезаютъ съ метафизическими системами, которыя имѣютъ притязаніе рѣшить ихъ. Душа человѣка, его будущая судьба, цѣль жизни, міръ, Богъ, начала и причины вещей, — это не суть только проблемы праздної діалектики; они законныя порожденія человѣческой мысли; они родились и могутъ исчезнуть только съ этою мыслию; міръ ихъ знаетъ точно также, какъ и школа. Въ колебеліи человѣческихъ обществъ, ими овладѣваетъ религія и поэзія, окружая ихъ ореоломъ откровенія, украшая богатыми красками воображенія. Затѣмъ, съ развитіемъ человѣческой мысли, ихъ беретъ философія, подвергаетъ анализу, созерцаетъ при чистомъ свѣтѣ разума и пытается дать имъ научное рѣшеніе. Смѣняются религіи, проходятъ одна за другою системы философовъ, но самые вопросы остаются безсмертными, какъ разумъ, который носитъ ихъ въ своихъ нѣдрахъ. Скептицизмъ, столь могущественный противъ системъ, не можетъ ничего противъ самыхъ вопросовъ. Если бывають моменты, когда они какъ будто засыпаютъ въ тѣхъ моральныхъ кризисахъ человѣческихъ обществъ, когда человѣкъ какъ будто теряетъ чувство этихъ высокихъ истинъ, то эти моменты скоропреходящи; они пробуждаются снова и съ новою силою. Безразличіе къ этимъ вопросамъ всегда было временнымъ и нельзя указать ни одного дня, когда бы они совершенно исчезали изъ области знанія. Правда, такъ называемая положительная наука не всегда была къ нимъ благопріятна; но тогда они скрывались въ область чувства, въ область религіи, а при охлажденіи религіознаго чувства, даже въ область суевѣрія *). Столь распро-

*) Vacherot, La Metaphysique et la Science. T. 1, p. 96. 97.

страненный въ наше время спиритизмъ—что такое въ своей сущности, какъ не реакція естественнаго стремленія человѣческаго ума, ищущаго рѣшенія высшихъ проблемъ знанія, противъ современной науки, старающейся устранить эти проблемы? Въ суевѣріи умъ человѣка принужденъ искать той пищи, какой не даетъ ему безжизненный матеріализмъ естествознанія.

Если такъ устойчивы, такъ существенно важны для ума и сердца философскіе вопросы, то можно ли говорить, что занятіе ими пустая, бесполезная трата времени? Если природа физическая привлекаетъ къ себѣ пытливый умъ человѣка съ такою силою, что онъ способенъ посвятить всю свою жизнь изслѣдованію какихъ-либо микроскопическихъ насѣкомыхъ или извѣстнаго отдѣла минераловъ, то не болѣе-ли способенъ возбудить нашу любознательность міръ сверхчувственный, идеальный, гдѣ человѣкъ надѣется найти ключъ къ разрѣшенію высшихъ тайнъ природы и собственнаго существованія?

Сказаннаго нами о значеніи философіи было-бы достаточно, если-бы мы имѣли въ виду защитить нашу науку отъ упрека въ бесполезности со стороны вульгарнаго утилитаризма. Но есть утилитаризмъ болѣе тонкій и прикровенный различными, будто-бы отъ имени самой науки идущими соображеніями, который, при всемъ пониманіи важности философскихъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе не хочетъ признать значенія философіи и законнаго вліянія ея на науку и жизнь,—даже видитъ для нихъ опасность въ этомъ вліяніи. Сущность этого утилитаризма состоитъ въ преувеличеніи положительной, фактической стороны знанія и въ умаленіи значенія высшей, идеальной стороны его, выражаемой философіею. Съ этой точки зрѣнія только фактическія познанія считаются истинно полезнымъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ науки; отсюда—не только пренебреженіе къ философіи, какъ излишней роскоши знанія, но и стараніе намѣренно разъединить философію и науку, въ опасеніи гибельнаго будто-бы вліянія первой на послѣднюю,—вліянія, которое можетъ выразиться въ отвлеченіи ума отъ истинно полезнаго, положительнаго къ мечтательному, недостовѣрному. Современный позитивизмъ, въ разныхъ его видахъ, обыкновенно любитъ противопоставлять, такъ называемую имъ, метафизику и науку,

какъ непримиримые элементъ; современное естествознаніе любитъ повторять слова Ньютона: „физика, берегись метафизики“. Для устраненія подобнаго рода недоразумѣній и опасеній, самое достоинство нашей науки требуетъ, чтобы мы не только указали на право ея существованія, независимое отъ какихъ-либо утилитарныхъ цѣлей, но и положительно выяснили ея значеніе для науки и жизни.

Если философія, какъ мы и старались показать, есть не фиктивное, а дѣйствительное знаніе и имѣетъ и по своему содержанию, и по своему методу научное значеніе и характеръ, то она, конечно, не можетъ существовать въ изолированномъ отъ другихъ наукъ видѣ, но должна быть соединена съ ними существенною родственною связью. Отдѣльныя науки не суть строго отграниченныя другъ отъ друга и самостоятельную жизнь живущія области знанія, изъ которыхъ каждая можетъ жить и успѣшно развиваться, не заботясь о другой, даже враждебно относясь къ ней. Онѣ соединены между собою органическою связью, разрывъ которой можетъ болѣзненно отзываться какъ на всей совокупности научнаго знанія, такъ и на каждой наукѣ. Особенно печально было-бы, такъ часто проповѣдуемое нынѣ, расторженіе связи между положительными науками и философіею, въ силу того уже обстоятельства, что ни философія, какъ мы видѣли, не представляетъ въ своемъ содержаніи совершенно обособленной отъ другихъ наукъ группы предметовъ, ни другія науки въ своихъ послѣднихъ основаніяхъ и началахъ не чужды философскаго, идеальнаго элемента. Такое разъединеніе философіи и положительнаго знанія сдѣлало-бы невозможнымъ достиженіе идеала научнаго знанія, который состоитъ въ полномъ и всестороннемъ познаніи истины. Если совершенная полная истина бытія вещей состоитъ, какъ мы говорили, *) въ гармоническомъ соединеніи идеальной и феноменальной сторонъ предмета, то очевидно, и полная истина знанія должна состоять также въ гармоническомъ сочетаніи знанія идей и знанія явленій, философіи и наукъ положительныхъ. Пренебреженіе одного какаго-либо изъ этихъ сторонъ знанія сдѣлаетъ его неполнымъ и одностороннимъ.

*) См. статью: „Что такое философія?“.

Чисто эмпирическое знаніе фактовъ и ближайшихъ причинъ и законовъ явленій, конечно, составляетъ цѣнное приобрѣтеніе знанія, потому что дѣйствительность, изученіемъ которой оно занимается, есть одинъ изъ существенныхъ признаковъ истины; но само по себѣ оно стоитъ еще на окраинахъ истиннаго знанія; оно не можетъ дать намъ полнаго пониманія истины бытія, проникнуть въ его послѣднія основы, смыслъ, цѣль; оно не можетъ поэтому и рѣшить для насъ высочайшихъ жизненныхъ вопросовъ человѣческаго духа. О немъ можно сказать словами Гераклита: „многознаніе уму не научить; мудрость состоитъ въ одномъ, — понять мысль (γῶμην), управляющую всѣмъ черезъ все“. Такое высшее знаніе можетъ дать намъ только философія; безъ нея положительныя науки, обогащая насъ всевозможными свѣдѣніями, не могутъ дать намъ того высшаго уразумѣнія своего собственнаго содержанія, которое требуется идеєю науки. Конечно, каждая наука до извѣстной степени можетъ обойтись безъ философіи, не заботясь о своихъ началахъ и объ идеальной сторонѣ случайныхъ его явленій, — но только до извѣстной степени. Наука въ полномъ и высшемъ ея значеніи, истинно научная, если можно такъ выразиться, наука не должна исходить изъ принимаемыхъ на вѣру предположеній, но должна дать отчетъ въ своихъ принципахъ, въ своихъ послѣднихъ результатахъ и въ связи ихъ съ общею системою знанія и бытія. Но это осуществимо только при содѣйствіи той науки, которая поставяетъ своею спеціальною задачею изслѣдованіе основаній бытія и познанія. Конечно, говоря это, мы не намѣрены преувеличивать и значенія философіи и пролагать дорогу къ другой крайности. И одно философское знаніе, если бы даже оно и возможно было безъ помощи опыта, также было бы знаніемъ безжизненнымъ, чуждымъ живой дѣйствительности и также одностороннимъ, какъ и чисто эмпирическое, такъ какъ нашъ умъ требуетъ познанія не однихъ только общихъ основаній и формъ существующаго въ ихъ отвлеченности, но и познанія частныхъ явленій, въ которыхъ разнообразно выражаются эти идеальныя формы. Изъ одного философскаго ученія о бытіи точно также трудно составить точное и полное понятіе о живой дѣйствительности, какъ по архитектурному плану зда-

нія о его дѣйствительной красотѣ, какъ по остову или скелету судить о живомъ организмѣ. Но тѣмъ не менѣе такое знаніе основаній бытія и коренныхъ формъ его точно также необходимо для истинно научнаго повиманія существующаго, какъ знаніе плана для полнаго понятія о зданіи. Тѣмъ болѣе въ величественномъ и необъятномъ храмѣ вселенной мы растерялись-бы въ мелочахъ и подробностяхъ и не составили-бы вѣрнаго понятія о красотѣ самаго храма и о совершенствахъ его Архитектона, если-бы нашъ умъ не пытался, подъ безконечно разнообразною тканью явленій, открывать незримыя для эмпирическаго наблюденія, общія простыя основы бытія, — идеи, на которыхъ держится и которыми связывается разнообразіе явленій.

Необходимость гармоническаго единенія положительныхъ наукъ и философіи, вытекающая изъ самой идеи науки, еще яснѣе выступаетъ для насъ на видъ, если мы обратимъ вниманіе на современное положеніе наукъ. Характеристическая черта научнаго знанія нашего времени есть спеціализація научныхъ занятій. Это явленіе необходимо условливается и естественнымъ умноженіемъ и наращеніемъ научнаго матеріала съ теченіемъ времени и тѣмъ, по преимуществу положительнымъ, фактическимъ направленіемъ, которое приняло научное знаніе въ наше время. При постоянно увеличивающейся массѣ фактовъ и свѣдѣній, становится рѣшительно невозможнымъ для отдѣльнаго лица, какъ-бы ни былъ великъ его талантъ, овладѣть научно всею массою накопившихся вѣками свѣдѣній; научныя занятія и самыя науки постоянно расчленяются и раздробляются, и самостоятельная работа становится возможною только въ одной какой-либо, строго ограниченной области познаваемаго, причѣмъ другія области естественно остаются болѣе или менѣе невѣдомыми и недоступными для изслѣдованія. Это явленіе, имѣющее свое законное основаніе въ современномъ положеніи знанія, конечно, имѣетъ и свою чрезвычайно полезную сторону въ дѣлѣ научнаго прогресса. Сосредоточеніе на одномъ извѣстномъ предметѣ, неразвлекаемое посторонними научными интересами, предотвращаетъ дилеттантизмъ и поверхностную универсальность знанія и служитъ наилучшимъ средствомъ основательнаго изученія предмета. Система

правильнаго раздѣленія труда и въ области науки можетъ принести столь-же счастливые результаты, какъ и въ области жизни общественной. Но не должно забывать, что это явленіе имѣетъ и свою невыгодную сторону. И въ обыкновенной жизни ограниченіе занятій одною какою-либо спеціальностью можетъ повести къ пониженію общаго уровня умственнаго развитія человѣка и измельчанію его жизненныхъ интересовъ, сдѣлать одностороннимъ и тупымъ ко всему, что лежитъ за тѣсными границами его спеціальности. Тоже явленіе можетъ быть и въ области науки. Крайнее дробленіе умственнаго труда, обуславливаемое спеціализаціею наукъ, создавая усердныхъ тружениковъ на полѣ знанія, можетъ произвести, хотя ученыхъ, но въ тоже время крайне ограниченныхъ и упорныхъ въ своей ограниченности спеціалистовъ, неспособныхъ надлежащимъ образомъ ни понять, ни оцѣнить того, что выходитъ за узкія рамки ихъ спеціальности. Является естественная, при увлеченіи извѣстнымъ кругомъ занятій, привычка преувеличивать ихъ значеніе, судить обо всемъ на основаніи сравнительно скуднаго запаса фактовъ извѣстной спеціальности, результатомъ чего могутъ быть не только неуваженіе къ правамъ другихъ наукъ, но и прямо одностороннія и ложныя сужденія о вопросахъ первостепенной важности. Можетъ быть отчасти изъ этого источника объясняется и то перасположеніе къ философіи, и то недовѣріе къ научнымъ ея силамъ, какое замѣчается въ наше время. Такъ какъ каждая изъ отдѣльныхъ, многочисленныхъ наукъ, въ тѣсно очерченномъ кругу своихъ изслѣдованій не только не можетъ рѣшить высшихъ вопросовъ знанія и жизни, но даже и оцѣнить ихъ общечеловѣческаго значенія, то является мнѣніе о невозможности ихъ рѣшенія вообще и пренебреженіе ко всякимъ попыткамъ ихъ рѣшенія.

Предотвратить это печальное явленіе, которое съ ожидаемою большею и большею спеціализаціею науки грозитъ усилиться, можетъ только философія. Какъ наука универсальная, въ томъ смыслѣ, что рассматриваетъ какъ бытіе, такъ и познаніе въ ихъ общихъ и первоначальныхъ основаніяхъ, она должна служить объединяющею связью всѣхъ наукъ, показать каждой свое мѣсто въ цѣломъ организмѣ пауки и служить нитью, свя-

зываютъ каждое спеціальное изслѣдованіе съ общимъ строемъ научнаго знанія даннаго времени. Какъ наука, занимающаяся идеальною стороною бытія, философія должна затѣмъ вложить душу и жизнь въ изученіе фактовъ, озарить ихъ идеальнымъ свѣтомъ и предотвратить ту, такъ сказать, матеріализацію научнаго знанія, къ которой такъ склонна современная наука съ ея преувеличеннымъ уваженіемъ къ голымъ фактамъ, независимо отъ ихъ внутренняго значенія для высшихъ цѣлей и интересовъ человѣческаго знанія и жизни. Она укажетъ, что внѣшней, эмпирическою дѣйствительностью, не говоря уже о какой-либо спеціальной области ея, не исчерпывается область сущаго и познаваемаго, что за видимостію явленій лежатъ невидимыя ихъ основы—идеи, и уже этого одного признанія достаточно будетъ, чтобы предотвратить опасность того узкаго спеціализма, который въ своемъ самомнѣніи и ограниченности не видитъ ничего и не уважаетъ ничего, кромѣ доступнаго его ограниченному опыту и наблюденію.

В. Юдрявцевъ

(Продолженіе будетъ).

Осуществимо-ли на землѣ счастье, какъ цѣль существованія рода человѣческаго?

(Окончаніе *)

По ученію Шопенгауэра, вещь сама въ себѣ есть воля. Но съ этимъ положеніемъ соединено одно изъ важнѣйшихъ противорѣчій этого ученія. Признавая *неразумную* волю сущностью бытія, Шопенгауэръ заставляеть ее дѣйствовать *разумно* и цѣлесообразно. Разсуждая послѣдовательно, нужно было или отрицать всякую разумность и цѣлесообразность въ бытіи, или признать, что воля, лежащая въ основаніи бытія, руководствуется въ своей дѣятельности мыслию. Послѣдній путь избираеть Гартманъ. „Всякое хотѣніе, разсуждаеть онъ, ищетъ перехода извѣстнаго настоящаго состоянія въ другое. Въ одномъ настоящемъ состояніи никогда не могло-бы заключаться хотѣніе, если-бы не существовала, по крайней мѣрѣ, идеальная возможность чего-нибудь другаго. Даже такое хотѣніе, которое стремится къ продолженію настоящаго состоянія, возможно только чрезъ представленіе прекращенія этого состоянія. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что для хотѣнія необходимы.... два условія, изъ коихъ одно есть настоящее состояніе, какъ исходная точка; другое, какъ цѣль хотѣнія, не можетъ быть настоящимъ состояніемъ, а есть нѣкоторое будущее, присутствіе котораго желательно. Но такъ какъ это будущее состояніе реально не можетъ находиться въ настоящемъ актѣ хотѣнія, а между тѣмъ должно въ немъ какъ-нибудь находиться, ибо безъ этого невозможно и самое хотѣніе, то необходимо должно оно содержаться въ немъ идеально, т. е.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7 1884 г.

какъ представленіе... Поэтому нѣтъ воли безъ представленія, какъ уже говорилъ Аристотель“. Такимъ образомъ, воля и представленіе нераздѣльны и, полагая въ основаніи всякаго бытія волю, необходимо соединять съ нею и представленіе. „Такъ какъ акты воли и представленія, которыя должны составлять содержаніе всякаго бытія, остаются несознанными“, и предметъ, къ которому они относятся, есть *несознанный*, то истинная сущность всего есть *несознанное*, или „Бессознательное“, обладающее двумя атрибутами: *волею* и *идеей*, или представленіемъ. Воля есть чистое хотѣніе, стремленіе; она слѣпа и безумна, идея-же безвольна и премудра. Міръ есть порожденіе безумной воли, которой хочется бытія и жизни. Значитъ, міръ произошелъ помимо всякаго участія идеи. Когда же это событіе совершилось, когда воля въ своемъ желаніи жизни ввергла міръ въ пучину бѣдствій и страданій бытія, тогда было уже поздно: актъ созданія совершился и уничтожить его было выше всякихъ силъ идеи. „Воля, говоритъ Гартманъ, по своей сущности, прежде всего *неразумна* (безумна, алогична), а когда она дѣйствуетъ, то по результатамъ своего воленія, она становится *противоразумною* (антилогичною), ибо она достигаетъ страданія, прямой противоположности своему воленію. Измѣнить это противоразумное воленіе, которому обязанъ міръ своимъ существованіемъ, въ неволеніе и привести къ безболѣзненности небытія—составляетъ задачу разума Бессознательнаго... Не имѣя никакой власти надъ слѣпою волею, разумъ долженъ былъ употребить „уловку для ея эксплуатаціи“, именно, дать ей такое содержаніе, чтобы въ индивидуализаціи (въ созданіи индивидуумовъ) она обратилась противъ самой себя и вступила въ борьбу сама съ собою. Эта уловка и выразилась въ сознаніи, т. е. въ созданіи такой самостоятельной силы, которая могла-бы вступить въ борьбу съ волею. Такимъ образомъ, міровой процессъ является постоянною борьбою логическаго элемента съ антилогическимъ,—борьбою, которая оканчивается полною побѣдою перваго надъ послѣднимъ“ *). Итакъ, идея, которая должна просвѣтить волю и показать безуміе ея хотѣній, для этой цѣли создаетъ „со-

*) „Филос. Бессознат.“, рус. пер. т. II, стр. 369—370.

знательный индивидуумъ“, въ которомъ, соединившись съ волею, просвѣщаетъ послѣднюю и приводитъ ее къ отрицанію собственнаго хотѣнія.

Происходя отъ безумнаго порыва воли, міръ самымъ актомъ своего существованія осужденъ на страданіе. Но, признавши фактъ существованія міра, разумъ (идея) Безсознательнаго рѣшилъ эксплуатировать его въ свою пользу, рѣшилъ устроить его по своему. Отсюда — премудрое устройство міра, цѣлесообразность, состоящая въ томъ, что весь міровой процессъ „клонится къ безболѣзненности небытія“. „Безсознательное, говоритъ Гартманъ, мыслить безошибочно,.... моментально видитъ всѣ будущія цѣли, ближайшія и отдаленныя“... Вызванный къ бытію неразумною волею, міръ вмѣшательствомъ всевѣдущаго Безсознательнаго устроенъ „настолько хорошо и премудро, насколько то возможно, и... если-бы у Безсознательнаго... было представленіе о лучшемъ, то, конечно, и осуществлено было-бы то лучшее. Такимъ образомъ, заключаетъ Гартманъ, мы считаемъ справедливымъ положеніе Лейбница, что существующій міръ есть лучший изъ всѣхъ возможныхъ“ *).

Но изъ того, „что вещь—возможно лучшая, нисколько не слѣдуетъ, что она хороша“: возможно лучший міръ, по Гартману, „можетъ быть очень дуренъ“. Мы знаемъ, что міръ есть лучший изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, что онъ устроенъ сообразно „съ цѣлями Безсознательнаго“, но хорошъ-ли онъ или дуренъ—это вопросъ. Для утвердительнаго или отрицательнаго рѣшенія этого вопроса, нужно „изслѣдовать, бытіе или небытіе міра заслуживаетъ предпочтенія“ **). Высшею цѣлію міроваго процесса, по мнѣнію Гартмана, можетъ быть только счастье; нравственность и справедливость могутъ быть цѣлями лишь въ той степени, въ какой способствуютъ счастью. Достигается-ли въ жизни эта главная цѣль ея—счастье?

Для рѣшенія этого вопроса, по Гартману, „нужно прежде всего найти общую сумму наслажденій и страданій въ мірѣ, на основаніи отдѣльныхъ оцѣнокъ различныхъ направленій жизни“ ***). По мнѣнію Гартмана, какъ все человѣчество, такъ и отдѣльные люди, въ своей погонѣ за счастьемъ, проходятъ

*) Ibid., стр. 241. **) Ibid., стр. 255. ***) Ibid., стр. 272.

три стадіи иллюзіи. На первой стадіи они надѣются достигнуть личнаго счастья немедленно, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ живутъ. Затѣмъ, отчаявшись достигнуть счастья въ этой земной жизни, они вступаютъ во вторую стадію иллюзіи, перенося свои надежды на трансцендентальный (сверхчувственный, загробный) міръ и, наконецъ, когда и эта иллюзія разрушается, люди вступаютъ въ третью и послѣднюю стадію иллюзіи: они считаютъ счастье достижимымъ въ будущемъ міроваго процесса. *)

Приступая къ обзорѣнню „главныхъ направленій жизни“ (1-я стадія иллюзіи), Гартманъ прежде всего опровергаетъ утвержденіе Шопенгауэра, что всякое удовольствіе имѣетъ отрицательный характеръ. Гартманъ признаетъ положительныя удовольствія, которыя отличаются отъ страданій „на подобіе положительной и отрицательной величинъ въ математикѣ“ **). Но хотя положительныя наслажденія возможны, въ дѣйствительности ихъ не бываетъ по слѣдующимъ причинамъ:

a) „Нервное утомленіе усиливаетъ отвращеніе къ страданію и оно-же уменьшаетъ стремленіе закрѣпить наслажденіе (по сильному раздраженію и пресыщенію отъ наслажденія), слѣдовательно, прибавляетъ страданіе въ страданіи и уменьшаетъ наслажденіе въ наслажденіи“.

b) „Наслажденіе, которое возникаетъ вслѣдствіе прекращенія или ослабленія страданія, не можетъ сравняться съ этимъ страданіемъ, т. е. всегда ощущается слабѣе страданія, а наибольшая часть наличныхъ наслажденій происходитъ изъ этого источника“.

c) „Страданіе вынуждаетъ для себя сознаніе, въ которомъ оно должно быть почувствовано; наслажденіе, напротивъ, должно быть, такъ сказать, открыто и отыскано сознаніемъ, а потому гдѣ нѣтъ мотива къ такому отысканію, тамъ нерѣдко наслажденіе потеряно для сознанія“ ***).

d) „Удовлетвореніе скоротечно, проносится какъ мгновеніе.

*) На первой стадіи иллюзіи находились древніе народы. Надежда на счастье въ трансцендентальной жизни внесена въ жизнь человѣчества христіанствомъ. Наше время представляетъ самое начало третьей стадіи иллюзіи.

***) *ibid.*, стр. 272. ***)) *ibid.*, стр. 331—2.

между тѣмъ неудовлетвореніе длится столько-же, сколько времени заявляетъ о себѣ воля, а такъ какъ нѣтъ ни единого мгновенія, въ которое не существовалъ-бы какой-либо наличный актъ воли (т. е. все въ мірѣ подъ ея давленіемъ постоянно измѣняется), то неудовлетвореніе, такъ сказать, пребываетъ вѣчно“ *).

„Эти четыре момента, говоритъ Гартманъ, во взаимодействіи даютъ на практикѣ такой-же результатъ, какой выпелъ-бы, если-бы наслажденіе было нѣчто отрицательное, не реальное, а положительнымъ было-бы только страданіе“ **).

Если мы, продолжаетъ Гартманъ, рассмотримъ отдѣльныя направленія жизни, т. е. различныя желанія, влеченія, аффекты, страсти и состоянія духа, то, по отношенію ихъ къ счастью, они распадаются на слѣдующія группы:

а) Такія, которыя приносятъ только страданіе или почти никакого наслажденія: зависть, досада, сожалѣніе о прошедшемъ, раскаяніе, месть, гнѣвъ, чувствительность.

б) Такія, которыя представляютъ только нулевую точку ощущенія, т. е. отсутствіе нѣкоторыхъ видовъ страданія: здоровье, молодость, свобода, обезпеченность и пр.

в) Такія, которыя имѣютъ реальное значеніе, какъ средства для другихъ цѣлей; рассматриваемыя-же сами, какъ цѣли, онѣ призрачны: влеченіе къ богатству, власти, почести...

г) Такія, которыя хотя активному участнику въ оныхъ и приносятъ наслажденіе, но за то пассивному даютъ значительно больше страданія: несправедливость, властолюбіе, месть, взаимное обольщеніе половъ, потребность пищи у животныхъ.

е) Такія, которыя ощущающему приносятъ среднимъ числомъ болѣе страданій, чѣмъ наслажденій: голодъ, любовь половая и къ дѣтямъ, состраданіе, тщеславіе, славолюбіе, властолюбіе, надежда.

ф) Основанныя на такихъ иллюзіяхъ, которыя съ успѣхомъ умственнаго развитія должны исчезнуть, а потому какъ страданія, такъ и наслажденія отъ нихъ должны будутъ уменьшаться, но послѣднія—скорѣе чѣмъ первыя: индивидуализированная (личная) любовь, тщеславіе, властолюбіе, славолюбіе, мистическое настроеніе, надежда.

*) Ibid. **) Ibid. стр. 333.

g) Такія, которыя приняты сознаниемъ за зло, но принимаются добровольно для избѣжанія другихъ золъ, считаемыхъ за большія (вѣрно или нѣтъ—все равно): трудъ (вмѣсто нужды и скуки), бракъ, пріемныя дѣти.

h) Такія, которыя хотя и оплачиваются неудовольствіями, но все-таки даютъ перевѣсъ въ наслажденіи; но они доступны немногимъ личностямъ, которыя притомъ сильнѣе ощущаютъ житейскія страданія вообще: наслажденія научныя и художественныя *).

Сопоставляя этотъ общій выводъ съ спеціальными оцѣнками отдѣльныхъ направленій жизни, Гартманъ находитъ, что „въ настоящее время страданіе имѣетъ большой перевѣсъ не только въ мірѣ вообще, но и въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, хотя-бы онъ стоялъ въ самыхъ благопріятныхъ, насколько-то мыслимо, условіяхъ“ **). Это и есть выводъ изъ анализа первой стадіи.

Менѣе впечатлительнымъ, одареннымъ тупою нервною системою, живетъ легче, чѣмъ чувствительнымъ натурамъ. Бѣднѣйшіе классы, дикари счастливѣе культурныхъ и богатыхъ классовъ; умные люди несчастнѣе глупыхъ; человѣкъ несчастнѣе животнаго, животное—растенія и т. д.

На второй стадіи иллюзіи человѣчество пренебрегаетъ благами міра и надѣется на трансцендентальную жизнь, которая должна дать полное удовлетвореніе стремленію къ счастью. Эта надежда внесена въ жизнь человѣческую христіанствомъ. Понятно, что Гартманъ видитъ и въ этихъ надеждахъ только иллюзію, необходимую лишь, какъ ступень къ побѣдѣ надъ эгоизмомъ и къ переходу на третію стадію иллюзіи.

Надежда на положительное счастье „въ будущемъ мірового процесса“ составляетъ третію стадію иллюзіи.

Изъ анализа первой стадіи иллюзіи было видно, что страданія ощущаются всегда и вполнѣ, а наслажденія—только при благопріятныхъ обстоятельствахъ и „съ значительною складкою“. Это и *всегда* такъ должно быть. Сколько-бы ни совершенствовалось человѣчество, оно никогда не освободится отъ величайшихъ бѣдствій, каковы: болѣзнь, старость, зависимость

1) Ibid., стр. 333—34. 2) Ibid.

отъ другихъ, нужда и недовольство своимъ положеніемъ ¹⁾. Самая положительная нравственность (любовь къ ближнему) есть только средство смягчить нужды человѣка.—Въ наукѣ мы приближаемся къ сплошной посредственности. Прегніе ученые походили на волшебниковъ, воздвигавшихъ мановеніемъ жезла великолѣпные дворцы, современные уподобляются плотничьей артели, гдѣ каждый, по мѣрѣ силъ, споспѣшествуетъ постройкѣ большаго зданія. Потребность въ гевіяхъ все болѣе и болѣе уменьшается, а потому „Бессознательное“ будетъ создавать ихъ все рѣже и рѣже. Для положительнаго счастья научные успѣхи ничего не сдѣлали ²⁾. „Возможно-высшій міровой прогрессъ повлечетъ за собою пессимистическое сознаніе въ человечествѣ“ ³⁾.—Изъ первой стадіи иллюзіи, говоритъ Гартманъ, мы видѣли, что первобытные народы счастливѣе культурныхъ; бѣдные, низшія, невѣжественныя сословія счастливѣе богатыхъ и образованныхъ классовъ, глупые счастливѣе умныхъ. Уже изъ этого ясно, что всякій прогрессъ имѣетъ отрицательное значеніе для счастья. По мѣрѣ нашего развитія ощущеніе страданія будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе жгучимъ ⁴⁾. „Какъ индивидуумъ сперва въ дѣтствѣ живетъ съ минуты на минуту, потомъ въ юности бредитъ трансцендентальными идеалами, потомъ, въ возрастѣ мужа, стремится къ славѣ и позднѣе къ богатству и практическому знанію, наконецъ, въ старости, познавши тщету всяческаго стремленія, склоняетъ на покой свою усталую, жаждущую отдыха, голову: точно такъ и человечество“ ⁵⁾. Послѣ трехъ стадій иллюзіи человечество, „подобно всякому престарѣлому и обладающему яснымъ сознаніемъ старцу, будетъ имѣть только одно желаніе: желаніе покоя, безмятежности, вѣчнаго сна безъ сновидѣній, въ которомъ оно могло-бы утолить свою усталость“ ⁶⁾. Послѣ трехъ стадій иллюзіи — „надежды на положительное счастье“, человечество, наконецъ, увидитъ безуміе своихъ стремленій и, отказавшись отъ положительнаго счастья, „будетъ порываться только къ абсолютной бессознательности, къ нирванѣ, къ ничто. Таковъ долженъ быть единственный конецъ третьей и послѣдней стадіи иллюзіи“ ⁷⁾.

¹⁾ ibid., 347. ²⁾ ibid., 353. ³⁾ ibid. 359. ⁴⁾ ibid. 359. ⁵⁾ ibid. 360. ⁶⁾ ibid. 360
⁷⁾ ibid. 361.

Итакъ, лучшій изъ міровъ, по Гартману, хуже простаго небытія, чистаго ничто. Въ чемъ-же состоитъ предопредѣленная идеею цѣль міроваго процесса? Если единственно-разумнымъ оправданіемъ міроваго процесса можетъ быть лишь счастье; если, съ другой стороны, въ лучшемъ изъ міровъ не только эта цѣль не достигается, но оказывается столько бѣдствій и страданій, что небытію должно быть оказано предпочтеніе предъ бытіемъ: то, какъ уже сказано, исторія міроваго процесса не можетъ имѣть иной цѣли, какъ приведеніе воли въ состояніе покоя, уничтоженіе воли къ жизни, — нирвану, ничто.—Ближайшею цѣлью міроваго процесса, разсуждаетъ Гартманъ, очевидно, является развитіе сознанія, такъ какъ въ этомъ развитіи замѣчается постоянный прогрессъ. Но само по себѣ „сознаніе, конечно, не можетъ быть цѣлью міроваго процесса: со страданіемъ оно произошло, со страданіемъ влачить свое существованіе, страданіями покупаетъ оно свое повышеніе“, — и какая-же ему за все это награда? „Пустое самоотраженіе!“ — „Неужели мало реальныхъ страданій, чтобы нужно было еще разъ повторять ихъ въ волшебномъ фонарѣ сознанія? Нѣтъ, невозможно, чтобы конечною цѣлью міроваго процесса, руководимаго премудрымъ Безсознательнымъ, было сознаніе: это значило-бы только удвоить муку — купаться въ собственныхъ своихъ внутренностяхъ.“ *).—Сознаніе, по самой своей сущности, состоитъ „въ эмансипаціи представленія отъ воли“; чѣмъ выше развивается оно въ исторіи міроваго процесса, тѣмъ совершеннѣе прозираетъ иллюзіи воли. Сознаніе должно бороться противъ всего неразумнаго; но вѣдь *самое неразумное* есть стремленіе воли къ счастью, которое рождаетъ лишь несчастіе. Итакъ, развитіе сознанія служитъ только средствомъ просвѣтить волю, заставить ее отказаться отъ своего хотѣнія и, такимъ образомъ, осуществить наивозможно бѣльшее достиженіе счастья — безмятежность *небытія*. („Въ борьбѣ между сознаніемъ и волею и познается премудрость Безсознательнаго“.)

Достиженіе этой нирвалы, этой безмятежности небытія можетъ быть дѣломъ только всего человѣчества, **) при соблю-

*) *ibid.* 365—366.

**) Шопенгауэрово ученіе объ аскетизмѣ отрицается Гартманомъ на томъ

деніи имъ слѣдующихъ трехъ условій: 1) чтобы человѣчество сосредоточило въ себѣ значительно большую часть міровой воли, ибо тогда только его отрицаніе воли можетъ имѣть значеніе; 2) чтобы человѣчество вполнѣ прониклось сознаниемъ безумія воли и желаніемъ покоя; 3) чтобы существовало настолько удобное сообщеніе между населеніемъ на землѣ, что могло-бы быть принято одновременно общее рѣшеніе. Только при соблюденіи этихъ условій можетъ совершиться *всеединный актъ космически универсальнаго уничтоженія*.

Съ перваго взгляда теорія Гартмана очень удовлетворительно въ частностяхъ объясняетъ и бѣдствіе бытія, и цѣль жизни. Но, всмотрѣвшись внимательнѣе въ эту теорію, не трудно найти въ ней множество противорѣчій и бездоказательныхъ мнѣній, претендующихъ стать истинами.

Начало міроваго процесса, по Гартману, должно состоять въ томъ, что воля овладѣваетъ представленіемъ. Но вѣдь самъ Гартманъ, ссылаясь еще на авторитетъ Аристотеля, сказалъ, что „нѣтъ воли безъ представленія“. Какъ-же въ такомъ случаѣ она могла-бы завладѣть представленіемъ? Чтобы завладѣть представленіемъ, она должна уже быть волей, но для того, чтобы быть волей, она должна уже владѣть представленіемъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ начался міровой процессъ, его бытію грозитъ непреодолимое препятствіе. Чтобы выйти изъ этого противорѣчія и объяснить возможность перехода воли и представленія изъ состоянія потенціи въ дѣйствительное бытіе, въ которомъ только они и могутъ произвестъ изъ себя существующее, Гартманъ признаетъ какое-то среднее состояніе воли, граничащее съ бытіемъ и небытіемъ и характеризуемое имъ, какъ стремленіе воли къ осуществленію себя, какъ „хотѣніе хотѣть“. Но какъ представить себѣ это состояніе воли, *хотящей хотѣть*? Если воля уже *хочетъ* (хотѣть), то къ какому-же еще другому хотѣнію она стремится въ этомъ состоя-

основаніи, что побѣда надъ волею, которую ставитъ себѣ задачею аскетизмъ, нѣ существуетъ дѣла вовсе не достигается при его помощи. Аскетизмъ и самоубійство, по мнѣнію Гартмана, одно и то же, — и онъ (аскетизмъ) *безнравствененъ*, какъ всякій благоразумно разсчитанный эгоизмъ: въ аскетизмѣ, или квіэтизмѣ человѣкъ стремится успокоить себя и не заботится о *покоѣ другихъ* (иначе говоря, не хлопочетъ о всеобщемъ уничтоженіи).

ніи? Если она уже *хочетъ*, то значитъ, она уже *осуществляетъ* себя, являясь, какъ стремленіе, — къ какому-же осуществленію она еще стремится? Непонятно также, какимъ образомъ, находясь въ состояніи потенціи, совершенно чуждомъ всякихъ стремленій, воля вдругъ начинаетъ проявлять хотѣніе?... Съ такими опредѣленіями воли, какъ: „пустое, безсодержательное хотѣніе“, „хотѣніе хотѣнія“, „состояніе томленія, скорби“ — можно, слѣдовательно, соединять, какой угодно смыслъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ такихъ опредѣленіяхъ мы имѣемъ *волю безъ представленія*, что, какъ сказано, самъ Гартманъ считаетъ невозможнымъ.

Для воли и идеи Гартманъ предполагаетъ одну субстанцію, такъ какъ безъ этого было-бы необъяснимо, по его мнѣнію, взаимодействіе между ними, — и система впала-бы въ дуализмъ. Но какимъ образомъ два абсолютно-противоположныя начала могутъ соединиться въ одной субстанціи? Какимъ образомъ одна и таже субстанція можетъ быть и совершеннымъ разумомъ, и полнѣйшимъ неразуміемъ? Впрочемъ, вопросъ объ этой субстанціи самъ Гартманъ считаетъ неразрѣшимую загадку для знанія.

Въ практической философіи Гартмана прежде всего обращаетъ на себя вниманіе избранный имъ способъ найти общую сумму наслажденій и страданій въ мірѣ „на основаніи *отдѣльныхъ оцѣнокъ различныхъ направленій жизни*“. Сдѣлавши такія оцѣнки, Гартманъ пришелъ къ такому заключенію, что „въ настоящее время страданіе имѣетъ большой перевѣсъ не только въ мірѣ вообще, но и въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ“.

По нашему мнѣнію, сдѣлать „спеціальныя оцѣнки различнымъ направленіямъ жизни“ и, на основаніи этихъ оцѣнокъ, рѣшить, чего больше — страданій или наслажденій, — невозможно.

Жизнь чувствъ есть связанный процессъ, въ которомъ каждый отдѣльный моментъ получаетъ смыслъ и объясненіе въ связи съ остальными. — Гартманъ обратилъ вниманіе на чисто виѣшнія условія нашей жизни и дѣятельности, а не на наши различныя отношенія къ этимъ условіямъ; онъ рассматривалъ отдѣльныя чувствованія, а не связанный рядъ ихъ.

Однѣ и тѣ-же желанія, влеченія, страсти и т. п., при различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ ихъ возникновенія, не всѣмъ людямъ въ одинаковой мѣрѣ доставляютъ страданіе и наслажденіе. Часто даже одно и тоже влеченіе для одной личности служитъ источникомъ страданія, для другой-же—удовольствія. Изъ того, напримѣръ, что два субъекта обладаютъ богатствомъ или находятся въ нуждѣ, вовсе не слѣдуетъ, что они одинаково наслаждаются или страдаютъ. Человѣкъ, свыкшійся съ нуждою, не такъ сильно страдаетъ отъ нея, какъ человѣкъ, который изъ обезпеченнаго положенія внезапно очутился въ нуждѣ. Дѣло—не въ названіи одинаковаго чувства, которое испытываютъ двѣ личности, не въ названіи одинаковыхъ условій ихъ внѣшняго положенія или внутренняго состоянія, а—въ отношеніяхъ той и другой къ этимъ условіямъ и состояніямъ.

Тогда какъ, напримѣръ, радость свиданія съ любимымъ человекомъ у одного субъекта выражается незначительнымъ повышеніемъ его самочувствія, у другаго радость эта является до того напряженною, что онъ обмираетъ отъ нея.—Одни и тѣ-же условія внѣшней дѣятельности у различныхъ личностей вызываютъ совершенно различныя къ ней отношенія. Желая показать, что занятія наукою и искусствомъ, доставляя нѣкоторое наслажденіе, сопряжены съ страданіемъ, Гартманъ говоритъ, что „творчество дается нелегко; творцы не падаютъ съ неба: необходима длинная и трудная подготовка. Во всякомъ искусствѣ нужно преодолѣть технику, а въ наукѣ усвоить уже добытые результаты“ *). Совершенно вѣрно. Но тогда какъ одинъ человѣкъ отвесетъ къ преодолѣнію техники въ искусствѣ и къ усвоенію добытыхъ результатовъ въ наукѣ какъ къ такому неудобству, которое равносильно страданію, для другаго преодолѣніе этихъ препятствій къ научнымъ, или художественнымъ наслажденіямъ сдѣлается только источникомъ удовольствія, вслѣдствіе пріятности упражненія его силъ и сознанія успѣха въ дѣлѣ.—Гартману кажется, что если онъ указалъ на существованіе какой-либо враждебной человѣку силы, то этимъ самымъ онъ доказалъ существованіе страданія. Меж-

*) „Филос. Безсознат.“, стр. 221- -225.

ду тѣмъ устраненіе этой враждебной силы часто доставляетъ человѣку удовольствіе, вслѣдствіе уже одного сознанія превосходства его собственныхъ силъ.

На основаніи всего сказаннаго мы не можемъ согласиться, что Гартмановское дѣленіе „различныхъ направленій жизни, по ихъ эвдемологическому значенію“ на группы — правильно и основательно.

Если для Гартмана и его послѣдователей „здоровье, молодость, свобода, обеспеченность... представляютъ только нулевую точку ощущенія, т. е. отсутствіе нѣкоторыхъ видовъ страданія“, то это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ другимъ находить въ этихъ состояніяхъ положительное удовольствіе. Если Гартманъ смотритъ на стремленіе къ богатству, какъ на „призрачную цѣль“, это нисколько не мѣшаетъ другимъ наслаждаться процессомъ накопленія богатства и т. д.

Итакъ, по нашему мнѣнію, Гартманъ не нашелъ общей суммы наслажденій и страданій въ мірѣ „на основаніи оцѣнокъ отдѣльныхъ направленій жизни“ и не доказалъ, что небытіе предпочтительнѣе бытія. Но если-бы и доказалъ Гартманъ, что страданія неизмѣнно превышаютъ наслажденія, дѣлать отсюда такое заключеніе, что небытіе лучше бытія, по малой мѣрѣ, странно. Пусть жизнь всякаго человѣка наполнена бѣдствіями и страданіями, зато она (что ни говори Гартманъ) имѣетъ радости и удовольствія, что вполне выражается въ тонѣ общаго самочувствія большинства людей. Какая-бы ни была жизнь человѣка, самое ощущеніе этой жизни пріятно. Къ небытію-же не приложимы эпитеты ни пріятнаго, ни непріятнаго, ни хорошаго, ни худаго; „оно просто безразлично и несравнимо съ нашею индивидуально-сознательною и чувствующею жизнью, — никакимъ образомъ не можетъ быть оцѣниваемо съ точки зрѣнія худости или добра, потому что оцѣнивать такимъ образомъ можно только живое, такъ какъ критерій для этого находится единственно въ ощущеніи, въ чувствѣ“.

Бѣдствія и страданія неотдѣлимы отъ жизни, но уничтожить всякую цѣну жизни они не могутъ. Только въ весьма исключительныхъ случаяхъ и для весьма немногихъ людей они

скопляются въ такой мѣрѣ, что люди эти могутъ быть названы истинно-несчастливыми: жизнь ихъ состоитъ изъ однихъ почти черныхъ дней, безъ разсвѣта, безъ отдыха, безъ радости, какова напр. жизнь людей, съ дѣтства страдающихъ хроническими болѣзнями; но это—единичные случаи, исключенія изъ общаго правила, которыхъ нельзя брать при оцѣнкѣ жизненныхъ явленій. Но и этимъ несчастнымъ на помощь является общее свойство человѣческой природы—свыкаться съ страданіями. Немногія свѣтлыя минуты, выпадающія на ихъ долю, или даже ослабленіе ихъ несчастій кажутся для нихъ величайшимъ благомъ; такъ напр. одна хронически больная женщина, почувствовавъ облегченіе обычныхъ припадковъ болѣзни, на слова мужа: „что-то скучно“, отвѣчала,—„а мнѣ весело; я не страдаю“. Поэтому-то и такіе несчастные дорожатъ жизнью и не захотятъ промѣнять ее на смерть. Въ большинствѣ-же случаевъ и для наибольшей части людей жизнь слагается такимъ образомъ, что страданія, перемеживаясь съ положительными удовольствіями и радостями, нейтрализируются послѣдними, даже становятся незамѣтными, что вполне ясно выражается въ тонѣ общаго самочувствія большинства людей.

Въ жизни очень много страданій, говоритъ Гартманъ, поэтому небытіе лучше бытія. Но страданія оказываются если не факторами самыхъ удовольствій, то весьма важными условіями степени ихъ силы и напряженности. Наши удовольствія и радости такъ тѣсно связаны съ неудовольствіями и печалями, что первыя всегда или почти всегда предполагаютъ послѣднія, а часто даже какъ-бы вытекаютъ изъ нихъ. Свиданіе съ дорогимъ человѣкомъ чувствуется, какъ величайшая радость, всегда почти вслѣдствіе страданій долгой разлуки съ нимъ... Вообще безъ неудовольствій, при однихъ радостяхъ, эти послѣднія много потеряли-бы въ своей силѣ, напряженности, а слѣдовательно — и цѣнности; страданія и неудовольствія, оказывающія вліяніе на возникновеніе удовольствій и радостей, не дѣлаютъ жизнь хуже смерти, бытіе хуже небытія.

Противъ непродолжительности удовлетворенія, которую Гартманъ считаетъ одною изъ причинъ, дающихъ отрицатель-

нымъ удовольствіямъ рѣшительный перевѣсъ надъ положительными. должно замѣтить, что есть много такихъ удовольствій, которыя простираются на цѣлыя годы. Путешествіе, напримеръ, можетъ длиться нѣсколько лѣтъ и нѣсколько лѣтъ быть только источникомъ удовольствій. Комбинируя разные роды дѣятельности, затѣмъ дѣятельность и покой, можно создать непрерывную цѣль удовольствій, гдѣ за окончаніемъ одного удовольствія начинается другое.

Практическая философія Гартмана, составляющая прямой выводъ изъ всей „философіи Безсознательнаго“, заключаетъ въ себѣ столь-же мертвящій, безжизненный характеръ, какъ и философія Шопенгауэра. Полагая конечную цѣль человѣка и всего міроваго процесса въ достиженіи состоянія безболѣзненности чрезъ совершенное прекращеніе бытія и превращеніе въ ничто, такая философія не можетъ дать практическаго принципа, который возбуждалъ-бы нравственную энергію человѣка и призывалъ его къ дѣятельному и самоотверженному служенію въ пользу цѣлаго, на благо человѣчества.

Очевидно, Гартманъ указываетъ ту-же конечную цѣль всякой жизни, какую и Шопенгауэръ, такъ какъ оба они ставятъ такую цѣлью жизни освобожденіе отъ бѣдствій существующаго чрезъ превращеніе всякаго бытія въ абсолютное небытіе, хотя Гартманъ указываетъ, по его мнѣнію, болѣе цѣлесообразное средство для этой конечной цѣли. Тогда какъ Шопенгауэръ полагаетъ, что эта цѣль можетъ быть осуществлена при помощи аскетизма, Гартманъ, не соглашаясь съ этимъ, говоритъ, что посредствомъ аскетизма, какъ и самоубійства, достигается лишь уничтоженіе опредѣленнаго явленія воли, но не затрогивается самая метафизическая основа бытія — единая воля жизни, лежащая въ основѣ всего, — что для осуществленія конечной цѣли міра бесполезно не только самоуничтоженіе нѣсколькихъ индивидуумовъ, но и всего человѣчества, если-бъ остальной міръ продолжалъ свое бытіе. Исторія скорбей и страданій началась-бы снова, потому что Безсознательное, лежащее въ основѣ всего, опять создало-бы такого-же человѣка. По мнѣнію Гартмана (которое мы уже приводили), конечно, уничтоженіе всего должно совершиться по-

средствомъ всеединого акта не индивидуальнаго, а „космически-универсальнаго“ отрицанія воли. Эта цѣль можетъ быть достигнута, если все человѣчество или большая половина его сосредоточить въ себѣ наибольшую часть міровой воли (ибо тогда только его отрицаніе воли будетъ имѣть значеніе) и, проникнувшись *сознаніемъ* безумія воли и бѣдственности бытія, наполнится жаждою небытія. Для приведенія-же человѣчества въ такое состояніе, въ которомъ-бы оно жаждало небытія, необходимымъ и единственнымъ средствомъ служить развитіе сознанія, потому что чѣмъ больше оно развивается, тѣмъ совершеннѣе прозираетъ иллюзіи воли, тѣмъ болѣе признаетъ бѣдственность всякаго воленія, а потому и стремится заставить волю отказаться отъ своего хотѣнія и осуществить безмятежность небытія. Такъ какъ всеобщій актъ отрицанія воли долженъ совпасть съ моментомъ возможно высшаго развитія сознанія, то для наступленія такого отрицанія воли каждый человѣкъ всѣми силами долженъ споспѣшествовать умственному развитію всего человѣчества, отдаться всецѣло міровому процессу и работать въ немъ для освобожденія *цѣлаго* отъ бѣдствій бытія.

Не смотря на представленное отличіе практической философіи Гартмана отъ пойки Шопенгауэра, не трудно убѣдиться, что первая, какъ и послѣдняя, должна парализовать и убивать всякую энергію человѣка.

По этой философіи, каждый человѣкъ есть работникъ въ общемъ процессѣ жизни и долженъ работать для осуществленія конечной цѣли этого процесса, т. е. для самыхъ отдаленныхъ поколѣній человѣчества, и притомъ работать не для положительнаго счастья этихъ поколѣній, а для скорѣйшаго наступленія акта всеобщаго отрицанія воли. Но человѣку, убѣжденному въ бѣдственности бытія и признающему конечною цѣлью міра и цѣлью жизни полное, совершенное уничтоженіе, превращеніе въ ничто, нѣтъ никакихъ резоновъ и основаній продолжать свою страдальческую жизнь и работать на общую пользу. Увѣренный въ бѣдственности бытія и ничтожествѣ всякой жизни, человѣкъ естественно предприметъ мѣры для освобожденія себя отъ этой ничтожной, страдальческой жизни, т. е.

совершить въ той или другой формѣ самоубійство. Пусть въ самоубійствѣ человѣка не затрогивается воля, какъ метафизическая основа его и всякаго бытія, пусть она объективируется въ другихъ индивидуумахъ, имѣющихъ испытывать лишь страданія; но вѣдь въ лицѣ этихъ индивидуумовъ несколько не будетъ страдать онъ самъ, какъ опредѣленный индивидуумъ, тѣмъ болѣе, что, по совершеніи самоубійства, онъ перестанетъ быть субъектомъ всякаго чувства и ощущенія *).

Развивать сознание бѣдственности и ничтожества бытія, пробуждать въ другихъ жажду небытія, если все это и возможно для одной личности, можетъ приводить лишь къ отрицательнымъ результатамъ, къ подавленію энергіи въ другихъ личностяхъ, къ уничтоженію въ нихъ всякаго стремленія къ личному развитію.

Если вся жизнь, по принципу индивидуализма, есть зло и бѣдствіе, если небытіе лучше бытія и, поэтому, конечною цѣлью жизни и дѣятельности должно быть уничтоженіе самой основы жизни, то такая философія не можетъ дать намъ практическаго принципа, который возбудилъ-бы энергію, силу воли хотя бы для того, чтобы сознательно предаться дѣятельному служенію конечной цѣли міра—содѣйствовать ускоренію міроваго процесса. Чтобы иеика, дѣйствительно, могла давать стимулъ къ энергической нравственной дѣятельности человѣка, для этого она должна будить и поддерживать любовь къ жизни и вѣру въ счастье, если не въ здѣшней, то въ трансцендентной жизни.

Въ томъ обстоятельствѣ, что вызванный волею къ бытію міръ, вмѣшательствомъ разума Безсознательнаго, устрояется такимъ образомъ, что весь міровой процессъ клонится къ уничтоженію всего существующаго, Гартманъ видитъ величайшую цѣлесообразность. Но, по нашему мнѣнію, такая цѣлесообразность, состоя въ примѣненіи наилучшихъ средствъ къ достиженію противной для всего существующаго цѣли, гораздо хуже признанія Шопенгауэромъ міра худшимъ изъ всѣхъ міровъ.

*) Самъ Гартманъ говоритъ, что радость и горе „существуютъ лишь настолько, насколько ощущаются, и не имѣютъ никакой реальности внѣ ощущающаго субъекта“. (Philos. des Unbewussten, 634).

Въ самомъ дѣлѣ, человѣческій разумъ настойчиво требуетъ продолженія бытія, ему противно совершенное уничтоженіе; этого-же требуетъ и совѣсть человѣческая, стремящаяся къ осуществленію соотвѣтствія между добродѣтелью и счастьемъ, порокомъ и несчастьемъ и не находящая этого соотвѣтствія теперь; того-же требуетъ инстинктъ самосохраненія чело-вѣка и всѣхъ живыхъ существъ. Вопреки всѣмъ этимъ требо-ваніямъ, Гартманъ указываетъ на уничтоженіе, какъ наилуч-шую цѣль жизни. Послѣ этого разумъ, стремящійся къ уни-чтоженію и самого себя, и всего существующаго, правильнѣе назвать полнѣйшимъ неразуміемъ.

Мы согласны, что удовольствія, выпадающія на долю чело-вѣка, слишкомъ случайны, измѣнчивы; что счастье, получае-мое отъ нихъ, слишкомъ не прочно; что каждый чело-вѣкъ, считающій себя довольнымъ и счастливымъ, ничѣмъ не застра-хованъ отъ возможности завтра-же сдѣлаться несчастнымъ; но изъ всего этого ни мало не слѣдуетъ, что жить не стоитъ. Каждый чело-вѣкъ носитъ въ самомъ себѣ неизсякающій ис-точникъ счастья самаго чистаго, постояннаго и неизмѣннаго, предъ которымъ случайное теряетъ всякую цѣну. Пессимисты дѣлаютъ ту грубую ошибку, что вслѣдствіе узкаго взгляда на счастье или совершенно забываютъ, или не придаютъ *надле-жащаго* значенія такимъ источникамъ истиннаго человѣческаго счастья, которые должно считать наиглавнѣйшими и постоян-ными: мы разумѣемъ нравственность и религію, которыя со-вершенно игнорируются Гартманомъ, какъ источники высшаго, духовнаго, а потому и постояннаго, неизмѣннаго счастья.

III.

Изъ обзрѣнія оптимистическаго взгляда на жизнь мы вы-вели такое заключеніе, что въ мірѣ несомнѣнно существуетъ зло, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо добромъ, такъ какъ оно есть то, что не должно быть, и до тѣхъ поръ, пока это зло существуетъ въ мірѣ, осуществле-ніе счастья, какъ полнаго удовлетворенія всѣхъ человѣческихъ стремленій, невозможно: всегда будетъ разладъ между требова-

ніями нашей природы и дѣйствительными явленіями жизни. Разсматривая-же пессимистическое воззрѣніе на жизнь, мы доказали, что она не есть зло, не представляетъ непрерывной цѣпи однихъ бѣдствій и страданій; что встрѣчающіяся въ ней радости и удовольствія не суть ничто отрицательное по своему значенію для счастья, а положительны настолько, что заставляютъ насъ, хоть на время, чувствовать себя счастливыми; что отказаться отъ стремленія къ счастью, погасить въ себѣ это стремленіе невозможно, а потому невозможно и небытіе предпочесть бытію; мы указали также, что въ нашей жизни есть постоянный источникъ счастья—нравственность и религія. Такимъ образомъ, утверждая, что въ мірѣ есть зло, мы не отрицаемъ существованія въ мірѣ и добра, и утверждая, что счастье не осуществимо на землѣ, какъ цѣль человѣческой жизни, мы не отрицаемъ и того, что цѣлью жизни все-таки должно служить счастье, которое *до известной степени* можетъ быть осуществляемо и на землѣ. Значитъ, невозможность полного осуществленія счастья мы поставляемъ въ зависимость отъ существованія въ мірѣ зла, возможность-же осуществленія счастья *до известной степени*—въ зависимость отъ существованія добра. Чтобы, какъ слѣдуетъ, выяснить все это, мы должны опредѣлить, что есть истинное добро или благо (и что есть зло), а отсюда — что есть истинное счастье и какое отношеніе между нимъ и тѣмъ, что представляется счастьемъ обыкновенному сознанию.

Мы уже достаточно видѣли всю призрачность блага, состоящаго въ достиженіи временныхъ, земныхъ интересовъ. Въ критикѣ оптимизма мы показали, что полного блага не можетъ намъ дать всесторонній прогрессъ человѣчества, что его не даетъ намъ ни богатство, ни слава, ни прогрессъ политической и соціальной, что отъ развитія наукъ и искусствъ также нельзя ожидать его. Сколько-бы ни усовершенствовалось человѣчество, оно никогда не избавится отъ величайшихъ бѣдствій, причиною которыхъ служитъ зло, которое должно существовать въ мірѣ, пока существуетъ самый міръ. Если-бы мы и избавились отъ всѣхъ физическихъ страданій, если-бы всѣ наши житейскія, временныя цѣли и были осуществлены, то и это не зна-

чило-бы, что мы достигли полнаго блага, такъ какъ благо, состоящее въ осуществленіи временныхъ, житейскихъ цѣлей, слишкомъ условно, относительно и, поэтому, легко можетъ служить источникомъ даже несчастія. Да если-бъ и можно было ожидать полнаго блага отъ прогресса, напримѣръ, научнаго, то такое благо не можетъ служить цѣлью жизни всего человѣчества уже потому, что наука составляетъ достояніе немногихъ.

Если благомъ, или добромъ, какъ цѣлью жизни, не можетъ быть признано все призрачное, случайное, частное и относительное, то имъ должно быть нѣчто въ высшей степени дѣйствительное, цѣльное и абсолютное, стремленіе къ которому должно быть доступно всѣмъ и каждому. Такое благо, или добро должно быть единымъ и общимъ для всѣхъ и каждого. Оно должно одинаково привлекать ученаго и неученаго, бѣдняка и богатаго, политическаго дѣятеля наравнѣ съ простымъ ремесленникомъ. Въ немъ должна быть такая неотразимая сила притяженія, предъ которой смолкли-бы побужденія эгоизма, гордости, замирали-бы самыя жгучія желанія, самыя неукротимые порывы чувственной страсти. Въ немъ должны найти удовлетвореніе и умъ человѣка, стремящійся къ истинѣ, и воля, стремящаяся къ добру, и сердце, стремящееся къ красотѣ... Такъ какъ въ немъ не должно быть никакихъ элементовъ призрачности, то оно должно быть высочайшею дѣйствительностію; высочайшая-же дѣйствительность и есть абсолютная истина, высочайшее добро и всесовершенная красота, верховное начало бытія, источникъ жизни,—Богъ, духовное единеніе съ Которымъ и должно считать настоящимъ, высочайшимъ счастіемъ, а отчужденіе отъ Него—зломъ, несчастіемъ. Такъ какъ это единеніе достигается нравственностію и религіею, то въ этихъ двухъ проявленіяхъ нашей духовной жизни и заключается постоянный источникъ самаго чистаго счастья, высочайшаго блаженства.

Почему блага земныя неудовлетворительны? Потому, что мы требуемъ отъ нихъ того, чего они не могутъ намъ дать. Они неспособны наполнить пустоту нашего сердца, потому что никакая временная и преходящая вещь не можетъ удовлетворить желаніямъ, по природѣ стремящимся къ безконечному благу.

Мы часто замѣчаемъ тотъ фактъ, что человѣкъ, пользующійся всѣми благами, который, повидимому, долженъ-бы считать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, на самомъ дѣлѣ является вполне несчастнымъ. Это происходитъ оттого, что онъ лишень внутренняго спокойствія, вслѣдствіе угрызений совѣсти за свои поступки (зло), все болѣе и болѣе отдаляющіе его отъ истины и добра. Точно также нерѣдко бываетъ и наоборотъ: человѣкъ, лишенный всѣхъ внѣшнихъ радостей и удовольствій, весьма скудно надѣленный земными благами, считаетъ себя совершенно счастливымъ и довольнымъ единственно потому, что онъ наслаждается душевнымъ міромъ, являющимся вслѣдствіе одобреній совѣсти за поступки, приближающіе его къ истинѣ и добру. Каждый хорошій поступокъ, приближая человѣка къ истинному добру, увеличиваетъ въ немъ чувство истиннаго счастья, а каждый злой поступокъ, отдаляя человѣка отъ добра, увеличиваетъ въ немъ чувство страданія...

Въ душѣ каждаго человѣка положенъ нравственный законъ, требованія котораго являются въ немъ, какъ сознаніе своего долга и назначенія,—сознаніе того, что должно дѣлать и чего отвращаться. Есть въ человѣкѣ и хранитель нравственнаго закона—совѣсть, являющаяся строгимъ судьей его поступковъ, и за исполненіе долга одобряющая его, а за нарушеніе наказывающая внутренними мученіями. Эти-то дѣйствія совѣсти и обнаруживаются въ человѣкѣ или какъ внутреннее спокойствіе, какъ сознаніе исполненія своего долга, или же какъ внутреннее безпокойство, душевный разладъ съ самимъ собою. Удовольствіе, происходящее отъ сознанія исполненія нравственнаго долга, отъ одобреній совѣсти, до того сильно, что заглушаетъ въ человѣкѣ всякія непріятности и страданія. Поэтому-то люди, окрѣпшіе въ нравственной жизни, для исполненія нравственнаго долга не становятся ни предъ какими препятствіями и часто идутъ на самую смерть. Итакъ, одинъ изъ неизмѣнныхъ, постоянныхъ источниковъ чистаго счастья есть нравственность.

Другимъ вѣчнымъ источникомъ нашего истиннаго счастья служитъ религія. Она есть союзъ Бога съ человѣкомъ, а какъ

такая, она уже наполняетъ сердце человѣка чистѣйшею радостію, происходящею вслѣдствіе сознанія имъ своей близости къ существу всесовершенному, любвеобильному, премудрому, правосудному. Человѣкъ, какъ не самъ давшій себѣ бытіе и жизнь, а получившій ее отъ своего Создателя, такъ сказать, невольно тяготѣетъ къ Нему, какъ началу и средоточію своей жизни, и только въ союзѣ и общеніи съ Нимъ можетъ правильно развивать и усовершенствовать свои силы и находить себѣ покой, довольство и блаженство.

Если наука утверждаетъ, что человѣкъ умомъ своимъ стремится къ истинѣ, волею—къ добру, сердцемъ—къ красотѣ, то это и значить, что человѣкъ, *по самой природѣ своей*, влечется къ верховному началу своего бытія, къ источнику своей жизни,—Богу, Который (какъ уже сказано) есть и абсолютная истина, и высочайшее добро, и всесовершенная красота.

Такимъ образомъ, религія есть необходимое и существенное стремленіе человѣка къ Богу, составляющее основу всѣхъ нашихъ психическихъ стремленій, которыя только въ ней получаютъ свой высшій смыслъ.

Но предъ всѣми религіями мы безусловно отдаемъ предпочтеніе христіанству. Въ него нѣтъ ни одного ученія, которое во всѣхъ отношеніяхъ было-бы чуждо односторонности и крайностей; а потому въ него и нѣтъ ни одного ученія, которое имѣло-бы не частное и временное, мѣстное и преходящее, а вѣчное, постоянное и міровое значеніе,—удовлетворяло-бы все человѣчество во всѣхъ его глубочайшихъ духовныхъ стремленіяхъ и потребностяхъ, не смотря на различныя расовыя, племенные и индивидуальныя особенности. Крайности идеальнаго и реальнаго, всеобщаго и индивидуальнаго, духовнаго и чувственнаго началъ только въ христіанствѣ примирены въ основномъ догматѣ воплощенія Сына Божія, „шедшаго съ небесъ ради нашего спасенія“, соединившаго небесное съ земнымъ, духовное съ плотскимъ. Поэтому въ христіанствѣ нѣтъ мѣста опасенію, что чрезъ единеніе съ Богомъ уничтожится личность человѣка, какъ это считается неизбѣжнымъ въ пантеистическихъ міровоззрѣніяхъ. Процессъ нравственнаго самосовершенствованія не требуетъ подавленія душевныхъ силъ и

способностей христіанина, а возбужденія и возвышенія ихъ, не требуетъ жизнеумерщвленія, а жизнеразвитія. Въ христіанствѣ только возможно полное счастье, полное блаженство личное, какъ слѣдствіе личнаго духовнаго общенія съ Богомъ.

Въ разборѣ оптимистическаго и пессимистическаго міровоззрѣній мы указали крайности ихъ, вслѣдствіе которыхъ невозможно согласиться съ каждымъ изъ нихъ. Только въ христіанствѣ примиряются крайности этихъ міровоззрѣній. Только въ христіанствѣ „.... есть книга, въ которой все сказано, все рѣшено, послѣ которой ни въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, книга бессмертная, святая, книга вѣчной истины, вѣчной жизни—Евангеліе. Весь прогрессъ человѣчества, всѣ успѣхи въ истинной наукѣ заключаются въ таинственномъ проникновеніи въ глубину этой божественной книги, въ сознаніи ея живыхъ, непреходящихъ глаголовъ“ *). Ученіемъ этой-то великой книги и примиряются крайности названныхъ воззрѣній. Евангельская ионика отчасти проникнута скорбнымъ взглядомъ на земную жизнь, которая для христіанина—юдоль плача и страданій, міръ суеты и обольщеній, во злѣ лежащій,—чуждая страна, гдѣ мы странники и пришельцы. За грѣхъ прародителей проклятіе Божіе обрушило на человѣчество иго работы, бремя болѣзней и бѣдствій, и средство къ примиренію съ Богомъ, сдѣлавшееся доступнымъ грѣшнику со времени искупленія, это узкій, тернистый путь крестоношенія,—единственный путь, ведущій ко спасенію. Въ то же время евангельская ионика преисполнена свѣтомъ и радостью, счастьемъ и торжествомъ; она, *по сущности своей*, благая вѣсть о нашемъ спасеніи и вѣчномъ блаженствѣ. Она видитъ въ человѣкѣ сына любви Божіей, предназначеннаго участвовать въ блаженствѣ Отца. Ея коренное начало, послѣдняя цѣль, средство для достиженія этой цѣли—все сіяетъ радостью и счастьемъ. Коренное начало ея любовь къ намъ Бога-Отца, послѣдняя цѣль ея—наше безконечное совершенствованіе въ уподобленіи безконечно-совершенному Богу, блаженное единеніе съ Отцемъ любви, наслажденіе радостями вѣчной и блаженной жизни, которая будетъ состоять въ безконечно-полномъ удовлетвореніи всѣхъ высшихъ потребо-

*) Слова Вѣлинскаго.

стей и влеченій духа. Средство, которымъ достигается эта цѣль — любовь Христа пострадавшаго, любовь, усвояемая нашею дѣятельною любовью, — любовь, которая сама по себѣ есть уже счастье, ибо все, что дѣлается по побужденію любви, свѣтло и радостно, сопровождается чувствомъ высокаго духовнаго наслажденія.

Такимъ образомъ, евангельская иѣика стоитъ безконечно выше одностороннихъ крайностей оптимизма и пессимизма, связывая въ гармоническое единство проповѣдь о крестѣ съ проповѣдью о блаженствѣ, давая намъ истинное счастье въ самомъ страданіи.

Свѣтлый, радостный характеръ христіанской иѣики, общедоступность, полнота и законченность евангельскаго ученія, (свидѣтельствующія объ его сверхъ-естественномъ происхожденіи), — все это прекрасно изображено однимъ изъ нашихъ поэтовъ въ стихотвореніи, котораго мы не можемъ здѣсь не привести. Проникнутый религіознымъ чувствомъ, онъ такъ рисуетъ впечатлѣніе, которое онъ испытывалъ при чтеніи Евангелія:

Измученный въ жизни суровой,
 Не разъ и себѣ находилъ
 Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
 Источникъ покоя и силъ...
 Какъ дышать святыя ихъ звуки
 Божественнымъ чувствомъ любви!
 И сердца тревожныя муки
 Какъ быстро смиряютъ они!
 Здѣсь все въ чудно-сжатой картинѣ
 Представлено Духомъ Святымъ:
 И міръ, существующій нынѣ,
 И Богъ, управляющій имъ,
 И сущаго въ мірѣ значенье,
 Причина и цѣль, и конецъ,
 И Вѣчнаго Сына рожденье,
 И крестъ, и терновый вѣнецъ... *)

Мы видѣли, что истинное счастье, какъ цѣль человѣческой жизни, должно состоять въ духовномъ единеніи съ Богомъ, достигаемомъ путемъ религіозно-нравственнаго совершенства. Поэтому все, что прямо или косвенно, положительнымъ или отрицательнымъ путемъ вліяетъ на наше религіозно-нравствен

*) Стихотвореніе И. Никитина „Новый Завѣтъ“.

ное усовершенствованіе—все это можетъ быть названо счастіемъ. Богатство, прогрессъ научный, политическій и социальный не могутъ вліять на наше истинное счастье, если служатъ только нашимъ временнымъ, житейскимъ цѣлямъ. Но подобно тому, какъ естественныя религіи имѣли то значеніе, что отрицательнымъ путемъ вели человѣка къ познанію истиннаго Бога *), и призрачное счастье, обусловливаемое удовлетвореніемъ житейскихъ стремленій, можетъ имѣть значеніе для истиннаго счастья, если обращается въ средство для нашего религіозно-нравственнаго совершенства.

Если богатство освобождаетъ для духовной (религіозной) дѣятельности силы, которыя прежде были связаны въ борьбѣ съ нуждою, то оно служитъ уже истинному счастію человѣка. Если наука, идя въ союзъ съ религіею, теоретическимъ путемъ, путемъ разума, убѣждаетъ человѣка въ томъ, что воспринято одною вѣрою (разумѣемъ религіозныя истины), то и она служитъ истинному счастію.—Исторія разныхъ человѣческихъ обществъ показала намъ, что съ успѣхами прогресса и цивилизаціи общества эти становились гуманнѣе: деспотическія отношенія богатыхъ и сильныхъ къ бѣднымъ и слабымъ пзмѣнялись въ отношенія человѣческія; смягчались отношенія главы семейства къ второстепеннымъ членамъ его, господина — къ рабамъ. У римлянъ, напримѣръ, стойки—Сенека, Эпиктетъ и Маркъ Аврелій—выработали такое нравственное ученіе, которое въ своихъ частностяхъ напоминаетъ ученіе христіанства. И ученіе это, безъ сомнѣнія, имѣло свое вліяніе на современниковъ названныхъ философовъ **). Отсюда слѣдуетъ, что развитіе цивилизаціи, вліяя на развитіе положительной нравственности (самоусовершенствованіе и любовь къ ближнему), можетъ содѣйствовать истинному счастію.

Значитъ, если смотрѣть на то, что представляется счастіемъ обыкновенному сознанію не съ пессимистической, а съ христіанской точки зрѣнія, то и въ этомъ призрачномъ счастіи можно видѣть дѣйствительное счастье, по скольку оно способствуетъ нашему духовно-нравственному и религіозному совершенствованію.

*) „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“, В. Соловьева (чтеніе второе).

**) Бу а с ъ е, „Римская религія отъ Августа до Антониновъ“ .Кн. II, стр. 340—417.

Итакъ, ни оптимизмъ, ни пессимизмъ не рѣшаютъ должнымъ образомъ нашего вопроса уже потому, что ограничиваютъ цѣль жизни предѣлами одного конечнаго.

Возможно полное и ясное рѣшеніе его мы находимъ въ христіанствѣ, которое въ чудной гармоніи примиряетъ крайности оптимистическаго и пессимистическаго міровоззрѣній. Изъ христіанскаго ученія мы узнаемъ, что истинное счастье мы находимъ въ ближайшемъ единеніи съ Богомъ. А такъ какъ, по христіанскому ученію, настоящая жизнь для согрѣшившаго человѣка есть время подвиговъ, полное вознагражденіе за которое христіанинъ получить въ жизни будущей, то полное счастье, какъ цѣль человѣческой жизни, не осуществимо на землѣ, - въ томъ мірѣ, гдѣ положенный Богомъ порядокъ глубоко потрясенъ. Истинное счастье можетъ быть только болѣе или менѣе предвкупаемо человѣкомъ, смотря по степени его религіозно-нравственнаго усовершенствованія. Вложенное-же въ самую природу человѣка стремленіе къ счастью, безъ сомнѣнія, должно осуществиться, какъ стремленіе реальное, но не въ настоящей жизни, гдѣ нѣтъ блаженства, а въ будущей, гдѣ вѣрующій „лицомъ къ лицу“ увидитъ то, что теперь видитъ, *яко зеркаломъ въ гаданіи.*

И. Аскогенскій

ПИСЬМА

ФИЛОСОФА СЕНЕКИ.

ПИСЬМО XXI *).

ОБЪ ИСКОРЕНЕНИИ СТРАСТЕЙ.

Неоднократно предметомъ изслѣдованія былъ вопросъ о томъ, „что лучше—имѣть ли скромныя, *непредосудительныя* страсти, или совершенно не имѣть никакихъ“. Стоики рѣшительно не хотятъ дать имъ мѣста *въ души людей*. Перипатетики допускаютъ ихъ, лишь бы только они не превышали надлежащей мѣры. Что касается меня, я не вижу, какъ болѣзнь, хотя бы и небольшая, можетъ содѣйствовать здоровью или пользѣ. Не страшись: я не отниму у тебя ничего изъ того, въ чемъ ты не хочешь получить отказа; я сговорчивъ и дамъ тебѣ льготу относительно вещей, которыхъ ты ищешь и которыя ты считаешь за необходимыя для жизни, полезныя или пріятныя: я только извлеку изъ нихъ то, что въ нихъ есть порочнаго. Ибо, запрещая тебѣ страстно желать, я не запрещаю тебѣ желать ихъ, и это потому, чтобы ты относился къ нимъ спокойно, съ яснымъ пониманіемъ, и такимъ образомъ и самыя удовольствія чувствовалъ больше. Развѣ у тебя меньше ихъ будетъ, если ты будешь ихъ господиномъ, а не рабомъ?

Но вѣдь естественно, скажешь ты, печалиться при потерѣ друга,—дай волю слезамъ, которыя здѣсь проливаются столь законно! Еще естественнѣе заботиться о добромъ мнѣніи людей относительно насъ и печалиться, когда оно для насъ не-

*) Ер. 116.

выгодно; почему ты не допускаешь во мнѣ этой столь почетной боязни худаго миѣнія?

Нѣтъ недостатка, для котораго *у насъ* не находилось бы оправданія: всякій недостатокъ, въ своемъ началѣ, скромнѣе и можетъ быть легко подавленъ; но затѣмъ онъ разливается все болѣе и болѣе въ ширь. Если позволишь ему взять силу, не овладѣешь имъ послѣ настолько, чтобы искоренить его. Всякая страсть слаба при своемъ зарожденіи; она сама себя гонитъ впередъ и набирается силъ вмѣстѣ со своимъ движеніемъ: легче отрѣзать ей путь при ея появленіи, чѣмъ согнать ее съ пути, когда она находится въ полномъ ходу. Кто сомнѣвается, что всѣ страсти возникаютъ изъ нѣкотораго, такъ сказать, естественнаго начала? Природа возложила на насъ заботу о нашемъ тѣлѣ; но когда мы оказываемъ потворство его слабостямъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ,—это уже есть порокъ. Природа примѣшала удовольствіе къ вещамъ необходимымъ для жизни не для того, чтобы мы искали этого удовольствія, но дабы этотъ придатокъ дѣлалъ для насъ болѣе пріятными тѣ вещи, безъ которыхъ мы не можемъ жить: когда пользуемся вещами съ единственною мыслью объ удовольствіи,—это есть *признакъ пониженія жизни*, есть распущенность. Итакъ, станемъ на пути страстей, когда онѣ готовы войти въ насъ, потому что легче, какъ я сказала, не принять ихъ, чѣмъ, разъ принявши, освободиться отъ нихъ. Ты скажешь: невозможно не допустить, чтобы мы испытывали скорбь или боязливость хотя въ нѣкоторой мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что мѣра эта, не опредѣленная строго, можетъ получить очень широкій объемъ; намъ трудно будетъ назначить ей границы, когда пожелаемъ. Безмятежная жизнь мудреца зависитъ отъ того, что онъ бодрствуетъ надъ собой, не волнуясь; онъ остаивается и свои слезы, и свои пожеланія, когда считаетъ нужнымъ; для насъ же лучше совсѣмъ не заходить далеко *въ волненія сердца душевныхъ*, такъ какъ мы не можемъ легко возвратиться назадъ, *когда нужно*. На мой взглядъ Панетій *) прекрасно отвѣтилъ како-

*) Панетій, изъ Родоса, род. около 180 г. до Р. Хр., философское образованіе получилъ въ Афинахъ отъ Діогена Вавилонскаго. Прибывши въ Римъ, онъ вступилъ въ дружескія связи съ Леліемъ и Циціономъ Африканскимъ Младшимъ.

му-то юношѣ, который спрашивалъ его: „есть ли такое время у мудреца, когда онъ можетъ испытывать чувство любви?“ „Мы о мудрецѣ поговоримъ въ другой разъ, отвѣчалъ онъ. А вотъ намъ, тебѣ и мнѣ, которые еще очень далеки отъ такого состоянія, слѣдуетъ опасаться впасть во власть страсти, которая столь насъ волнуетъ, обезсиливаетъ, передаетъ власть человѣка надъ собой въ чужія руки, а себя нимало не усчитываетъ“. Въ самомъ дѣлѣ, смотритъ ли въ нашу сторону предметъ нашего расположенія, мы увлекаемся его кротостію; отъвернулся ли онъ отъ насъ, въ насъ воспламеняется гордость. Именно такъ: въ страсти и доступность и недоступность одинаково вредить; ласковость привлекаетъ насъ *по пути страсти*, съ неприступностію мы вступаемъ въ борьбу. Поэтому-то, сознавая, съ какимъ трудомъ мы выносимъ нашу слабость, будемъ искать тихой и мирной жизни; своего, не вышедшаго изъ состоянія болѣзненной слабости, духа не будемъ довѣрчиво отдавать во владѣніе ни красотѣ, ни лести, ни вину и вообще никакимъ вещамъ, прельщающимъ насъ своимъ ласковымъ видомъ.

Что Панетій сказалъ относительно чувства любви, то я примѣняю ко всѣмъ душевнымъ волненіямъ. Сколько можемъ, будемъ держать себя вдали отъ скользкаго пути; вѣдь мы и на твердой землѣ стоимъ еще не совсѣмъ твердо. Ты остановишь меня, безъ сомнѣнія, въ этомъ мѣстѣ обыкновеннымъ упрекомъ, который дѣлаютъ стойкамъ: „вы обѣщаете много великаго, но и предписанія дѣлаете слишкомъ суровыя. Вѣдь мы существа слабыя, ничтожныя; намъ трудно во всемъ отказывать себѣ. Мы и поплачемъ *иногда*, но немного; у насъ и желанія являются, но временно; мы и разгнѣваемся *иногда*, но вскорѣ-же и утихнемъ“. Знаешь ли ты, почему мы не можемъ дѣлать того, чего отъ насъ требуютъ стойки? Оттого, что мы не довѣряемъ себѣ, не вѣримъ въ свою способность дѣлать то, чего отъ насъ требуютъ. Даже, сказать точнѣе, въ этомъ дѣлѣ обнаруживаетъ перевѣсъ нѣчто другое. Пороки свои мы за-

много содѣйствовалъ распространенію стоической философіи въ этомъ городѣ. Цицеронъ повсюду указываетъ на него, какъ на одного изъ знаменитѣйшихъ стоиковъ.

щищаемъ, потому что дорожимъ ими, и охотнѣе желаемъ извинить ихъ, чѣмъ стряхнуть съ себя. Природа дала человѣку достаточно крѣпости, пользуйся только ею и собирай свои силы; поднимай эти силы на благо себѣ, а не противъ себя. Мы не желаемъ употребить наши силы на благо—это правда; а что мы не можемъ—это пустая, неосновательная отговорка.

ПИСЬМО XXII *).

ВЫСОКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ СЧАСТІЯ НЕ ДАЕТЪ: ОНО ОТВЛЕКАЕТЪ ЧЕЛОВѢКА ОТЪ САМОУГЛУБЛЕНІЯ И САМОИЗУЧЕНІЯ И ЛИШАЕТЪ РАДОСТЕЙ ДРУЖБЫ, ПРИВЛЕКАЯ КЪ НЕМУ ЛИЦЪ, ИЩУЩИХЪ ОДНОЙ ВЫГОДЫ.

Я въ восхищеніи, что получаю отъ тебя столько писемъ: они наполняютъ меня доброй надеждой и даютъ уже не простыя обѣщанія за тебя, а прямое слово честнаго человѣка. Прошу и умоляю—поступай такъ и впредь: ибо съ какой просьбой, наиболѣе чистой, я могу обратиться къ другу, какъ не съ той, въ которой я намѣреваюсь просить за него самого? Отвлекай себя, если можешь, отъ хлопотъ твоего положенія; не можешь—такъ сразу оставь ихъ. И безъ того мы довольно много времени порастратили даромъ; начнемъ собирать свой нравственный капиталъ къ отходу въ путь, хотя въ старости. Кто за это можетъ порицать насъ? Пусть мы провели свою жизнь въ открытомъ морѣ, зато умремъ въ тихой пристани. Не подумай, что я совѣтую тебѣ созидать свою славу на основаніи этого самаго спокойствія, которымъ ты не долженъ ни тщеславиться, ни скрывать его не долженъ. Ибо осуждая неразуміе людей, я не поведу тебя столь далеко, чтобы желать тебѣ полнаго уединенія и неизвѣстности; заботься о томъ, чтобы твое спокойствіе было очевидно, но не бросалось въ глаза. А затѣмъ уже люди, рѣшенія которыхъ не связаны ничѣмъ, пусть сами размыслятъ о томъ, желаютъ-ли они проводить жизнь въ неизвѣстности. Для тебя-же въ этомъ отношеніи вѣтъ свободнаго выбора: тебя выдвигаютъ изъ среды толпы и живость твоего природнаго ума, и изящество твоихъ писаній, и друже-

*) Ер. 19.

скія связи съ людьми знаменитыми и знатными. Тебя уже захватила въ свои руки слава: скройся ты въ самое укромное мѣстечко и заключись самъ съ собою—мракъ неизвѣстности не покроетъ тебя: за тобой послѣдуетъ свѣтъ твоего прошлаго. *Не смотря на это*, ты можешь искать для себя спокойствія, не возбуждая ни въ комъ ненависти, не испытывая сожалѣній или угрызенія совѣсти. Ибо что ты оставишь за собою, о чемъ ты послѣ, въ своихъ мысляхъ, сталъ бы вспоминать не безъ чувства сожалѣнія? Клиентовъ? *),—но ихъ привлекаетъ къ тебѣ не твоя личность, а то, что можно получить отъ тебя. Друзей? Въ былое время люди искали настоящей дружбы, нынѣ же въ дружбѣ ищутъ одной выгоды. Можетъ случиться, что оставленные тобою въ забвеніи старики исключать тебя изъ своего завѣщанія, а люди, приходившіе въ тебѣ *ежедневно* съ поклономъ, станутъ обивать пороги другихъ домовъ и тамъ *разсытатъ* свою *угодливость*. *Что же изъ этого слѣдуетъ?* Цѣнное дѣло не можетъ стоить дешево **). Разсчитай, что лучше: оставить ли самого себя въ пренебреженіи, или что-либо изъ того, что тебѣ принадлежитъ? О, если бы тебѣ выпало на долю состарѣться въ предѣлахъ твоего состоянія по рожденію, и судьба не послала тебя на высоту! Далекъ отъ вида жизни здравой ***) унесло тебя это увлекающее счастье, это управленіе областью, это прокураторство ****); многое обѣщаетъ такое положеніе; но здѣсь ты встрѣтишься и съ болѣе трудными обязанностями, и однѣ изъ нихъ будутъ вызывать другія. Какой будетъ конецъ всего этого? Чего ты ждешь, что бы доставить себѣ спокойствіе? Думаешь имѣть то, чего желаешь? Никогда не наступитъ такого времени.

Мы говоримъ, что причины, изъ которыхъ слагается рокъ, образуютъ собою неразрывную цѣпь; должно признать, что такая-же тѣсная связь существуетъ и между страстями: каж-

*) Низшіе и бѣднѣйшіе граждане Рима избирали себѣ кого-либо изъ знатныхъ и уважаемыхъ гражданъ въ покровители (patronus), и назывались поэтому покровительствуемыми (clientes).

**) Т. е. для такого важнаго дѣла, какъ спокойствіе и досугъ для самоуглубленія, должно быть готовымъ приносить и большія жертвы.

***) Т. е. спокойной, гармонической и счастливой.

****) Прокураторъ—завѣдующій императорскими доходами.

дая новая страсть рождается тамъ, гдѣ кончилась первая. Ты сосланъ въ такую жизнь, которая никогда не положитъ предѣла твоимъ несчастіямъ и рабству. Выдери изъ-подъ ярма свою парализованную шею; лучше поранить ее, чѣмъ нести на себѣ всегдашній гнетъ ярма. Если ты возвратишься къ положенію частнаго человѣка, все окружающее покажется тебѣ менѣе значительнымъ, но оно тебя вполне удовлетворитъ нравственно; теперь-же, хотя тебѣ нанесено много всего и отовсюду, ты не чувствуешь сытости. Чего же ты больше хочешь, сытости ли при нуждѣ, или алканія среди изобилія? Счастіе и само завистливо, и открыто для чужой зависти; и въ то время, какъ тебя никто не удовлетворитъ вполне, ты и самъ едва-ли удовлетворишь другихъ. „Какъ-же я выйду изъ такого положенія?“—спросишь ты. Какъ только можно. Подумай, сколько безразсудныхъ попытокъ ты дѣлалъ для пріобрѣтенія богатства, какъ много мучительнаго труда перепробовалъ ты изъ-за почестей; надлежитъ что-либо сдѣлать и въ пользу душевнаго спокойствія, иначе тебѣ придется встрѣтить старость среди дѣловыхъ безпокойствъ и тяготы общественныхъ обязанностей, увеличиваемыхъ постоянно все новыми волнами. Этого прилива не можетъ избѣжать ни духъ, *гармонично развитый* и во всемъ обнаруживающій мѣрность, ни скромный складъ жизни. Ни мало не поможетъ дѣлу то, что ты желаешь безмятежности, когда этого не допускаетъ твоя судьба. Что будетъ, если ты позволишь ей возрастить еще большую силу? Когда она подниметъ свою силу до вершины, она умножитъ и предметы твоего безпокойства. Я желаю напомнить тебѣ при этомъ случаѣ изреченіе Мецената *), истинность котораго онъ оправдалъ опытомъ своего мучительно высокаго положенія. „Высота положенія сама удручаетъ себя“, говоритъ онъ въ своей книгѣ „Прометей“. Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что высота положенія удручаетъ всѣхъ, находящихся на высотѣ, *подобно тому какъ поражаются громомъ предметы, находящіеся выше другихъ*. Есть-ли такое величіе въ мірѣ, которое могло-бы вызвать и у тебя это признаніе пресыщеннаго жизнью человѣка? Это былъ человѣкъ обширнаго ума, который могъ-бы представить въ

*) Меценатъ, извѣстный другъ и совѣтникъ императора Августа.

своемъ лицѣ прекрасный образецъ римскаго краснорѣчія, если бы не вытянуло у него жизненныхъ соковъ, или, лучше сказать, не похитило мужественной силы счастіе. Тебѣ грозитъ тотъ-же конецъ, если ты не подберешь паруса и не поплывешь на твердую землю, какъ и онъ хотѣлъ сдѣлать, но слишкомъ поздно.

Я могъ-бы разсчитаться съ тобою этимъ изреченіемъ Мецената; но, сколько я тебя знаю, ты предъявишь мнѣ возраженіе и захочешь получить долгъ отъ меня не иначе, какъ монетой новой, не вытертой и хорошей пробы. Обстоятельства побуждаютъ меня сдѣлать поворотъ въ сторону Эпикура *). „Прежде чѣмъ ѣсть и пить, оглянись, говоритъ онъ, съ кѣмъ тебѣ слѣдуетъ ѣсть и пить; ибо наполненіе своего чрева *въ одиночку*, безъ товарищества друга, напоминаетъ жизненный обычай льва или волка“. Съ тобою этого не будетъ, если ты удалишься отъ свѣтской жизни въ уединеніе; въ противномъ случаѣ ты будешь имѣть за своимъ столомъ гостей, которыхъ твой дворецкій **) отберетъ изъ числа лицъ, пришедшихъ къ тебѣ на поклонъ. Заблуждается тотъ, кто ищетъ друзей въ приемной залѣ и думаетъ пайти ихъ въ гостинной. Нѣтъ большаго несчастія для человѣка, несущаго многосложныя обязанности и осыпаннаго земными благами, какъ считать своими друзьями тѣхъ, для которыхъ онъ не другъ, — воображать себѣ, что его милости настолько будутъ дѣйственны, что пріобрѣтутъ ему друзей, забывая, что есть люди, которые тѣмъ менѣе способны любить другаго, чѣмъ болѣе ему обязаны. Маленькая сумма удаляетъ отъ насъ должника, крупная дѣлаетъ его нашимъ врагомъ. „Такъ какъ-же — неужели милости и услуги не служатъ пріобрѣтенію друзей?“ Служать, если можно избрать людей, способныхъ и достойныхъ пользоваться нашими милостями, — если наши благодѣянія помѣщены въ вѣрныя руки, а не разсѣяны гдѣ ни попало. Итакъ, поелику ты

*) Эпикуръ, основатель философской школы, названной по его имени, род. въ 342 г. до Р. Хр.

**) *Nomenclator*. Знатные римляне имѣли особенныхъ слугъ, одаренныхъ богатою памятью и особенною способностью запоминать лица, которыя своимъ господамъ называли имена всѣхъ гражданъ, о которыхъ тѣ спрашивали, и потому назывались *nomenclatores*.

начинаешь принадлежать своей душѣ, пользуйся, между прочимъ, и этимъ совѣтомъ мудрыхъ: помни, что для дѣла дружбы больше значить то, кто получаетъ благодаренія, а не то, сколько кто ихъ получаетъ.

ПИСЬМО XXIII *).

ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ТОТЪ, СЛОВА КОТОРАГО ВСЕГДА СОГЛАСНЫ СЪ ДѢЙСТВИЯМИ.

Ободряюсь и ликую, и, стяхнувши старыя года, волнуюсь какъ юноша, всякій разъ какъ по письмамъ твоимъ и поведенію узнаю, насколько ты возвысился надъ самимъ собой (изъ круга слѣпотствующихъ людей ты давно уже вышелъ). Если садовнику доставляетъ удовольствіе видѣть плодъ дерева, за здоровымъ ростомъ и развитіемъ котораго онъ ухаживалъ; если пастуха окрыляетъ радость, когда у него стадо увеличивается; если всякій взираетъ на свое дитя съ отрадой, считая его юность продолженіемъ своей молодости: то какъ ты думаешь, что произойдетъ съ тѣми, которые воспитывали души и видятъ теперь счастливо достигшими зрѣлости тѣхъ, которыхъ они руководили въ нѣжномъ возрастѣ?

Я склоненъ считать тебя за существо, принадлежащее мнѣ: тѣмъ, что ты теперь, ты сдѣлался благодаря моему труду. Видя твои природныя дары, я приложилъ къ нимъ свою руку; я ободрялъ тебя и воодушевлялъ, не позволяя тебѣ идти впередъ равнодушно и лѣнливо, но постоянно подталкивая. То-же дѣлаю я и теперь; но теперь я уже подстрекаю человѣка, который не только самъ бѣжитъ впередъ, но и можетъ въ свою очередь служить примѣромъ для другаго. Чего-же болѣе желаешь ты для меня?—спросишь ты. *Не отрицаю, что и въ сдѣланномъ тобою заключается многое. Ибо какъ говорятъ, что дѣло на половину сдѣлано, когда оно начато; такъ точно должно мыслить и по отношенію къ дѣятельности духа: не малая часть принадлежитъ тебѣ въ области нравственной жизни уже по тому одному, что ты захотѣлъ быть нравственно-добрымъ.*

*) Ер. 34.

Знаешь-ли, кого я называю нравственно добрымъ? Кто довелъ до совершенства *данныя Богомъ человеку способности* и освободился отъ недостатковъ; кого ни насиліе, ни гнетъ необходимости не сдѣлаютъ дурнымъ. Я усматриваю въ отдаленіи, что ты будешь такимъ человекомъ, если останешься неизмѣненъ и рачителенъ къ себѣ, — будешь дѣйствовать, *имѣя въ мысляхъ то*, чтобы всѣ слова и дѣла твои стройно совпадали другъ съ другомъ и не противорѣчили одни другимъ, будучи какъ-бы вылиты въ одной формѣ. Не находится на правомъ пути душа, дѣйствія которой непослѣдовательны и противорѣчивы.

ПИСЬМО XXIV *).

ДРУЖБА СУЩЕСТВУЕТЪ ТОЛЬКО МЕЖДУ ДОБРЫМИ.

Когда я усиленно прошу тебя посвятить себя работѣ надъ самимъ собой, я дѣйствую въ интересѣ своего дѣла. Я желаю имѣть друга; его не будетъ у меня, если ты не будешь и впредь трудиться надъ своимъ улучшеніемъ и возрастаніемъ, какъ уже началъ; ибо ты теперь любишь меня, а не другъ мнѣ. Какъ—развѣ это вещи различныя?—Именно, различныя. Кто другъ, тотъ любитъ; но кто любитъ, не есть непременно другъ. Вотъ почему дружба всегда полезна для насъ; а любовь, напротивъ, бываетъ иногда и вредна. Если тебя не занимаетъ что-либо другое, дѣлай успѣхи въ мудрости, чтобы научиться любить. Поспѣшай, если ты дѣлаешь успѣхи для меня; пусть эти успѣхи не достанутся на долю другаго. Я уже заранѣе ощущаю плодъ *твоихъ трудовъ надъ собой*, когда представляю себѣ, что мы будемъ имѣть какъ-бы одну душу. И я буду почерпнуть въ твоемъ возрастѣ ту бодрость и крѣпость, которой поубавилось у меня, хотя твои лѣта и не разнятся многими отъ моихъ; впрочемъ, я желаю этимъ плодомъ наслаждаться въ дѣйствительности, *а не въ воображеніи*. Отъ тѣхъ, кого мы любимъ, къ намъ притекаетъ радость, когда они и отсутствуютъ, но это—радость легкая и кратковременная. Ихъ

*) Ер. 35.

видъ, присутствіе, бесѣда доставляютъ намъ болѣе живое удовольствіе, если, конечно, мы видимъ не только того, кого желаемъ, но и какимъ желаемъ.

Итакъ, позаботься, чтобы я получилъ въ лицѣ тебя богатый подарокъ, когда ты придешь ко мнѣ. И дабы идти впередъ, не теряя времени, помни, что ты не безсмертенъ, а я старикъ. Спѣши ради меня, а болѣе ради себя! Дѣлай успѣхи *въ мудрости* и старайся прежде всего быть вѣрнымъ самому себѣ. Всякій разъ какъ захочешь испытать, сдѣлалъ-ли ты шагъ впередъ, наблюдай, того-ли ты желаешь сегодня, чего желалъ вчера. Измѣнчивость воли есть признакъ духа мятущагося, который служить то здѣсь, то тамъ, смотря по тому, куда дуетъ вѣтеръ. Что имѣетъ корни и стоитъ твердо, то не колеблется туда и сюда. Это качество обрѣтается волюнѣ и совершенно въ мудреца; въ меньшей степени у того, кто нѣсколько подвинулся, но находится еще на пути къ мудрости. Въ чемъ различіе между этими людьми? Одинъ движется впередъ, но не совершилъ еще пути, *встрѣтивъ препятствія въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится въ данную минуту*, и потому испытывая волненія и колебанія; другой-же спокойно неподвиженъ и невозмутимъ.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Апрѣля № 8. 1884 года.

Содержаніе: Высочайшій манифестъ. — Опредѣленіе Святейшаго Синода. — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества. — Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 188²/₃ учебный годъ. — Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища. — Извѣстія и замѣтки.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖЬЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Константиновичъ, съ согласія Нашего и Августѣйшихъ Родителей Своихъ, вступилъ въ бракъ съ Дочерью Его Герцогскаго Высочества, Принца Морица Саксенъ-Альтенбургскаго, Герцога Саксонскаго, Принцессою Елисаветою Саксенъ-Альтенбургскою, Герцогиню Саксонскою, и въ 15 день сего апрѣля торжественно совершено въ Нашемъ присутствіи бракосочетаніе Ихъ въ Соборной церкви Зимняго Дворца по уставамъ Нашей православной Церкви.

Возвѣщая о семъ радостномъ для сердца Нашего событіи и повелѣвая Супругу Великаго Князя Константина Константиновича именоваться Великою Княгинею Елисаветою Маврикіевною, съ титуломъ Императорскаго Высочества, Мы вполне убѣждены, что вѣрные подданные наши соединять теплыя мольбы ихъ съ Нашими къ Всемогущему и Всемилосердному Богу о дарованіи постоянного, неизблемаго благоденствія Любезнымъ сердцу Нашему Новообрачнымъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 15 день апрѣля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ четвертое, Царствованія-же Нашего въ четвертое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписапо:
„АЛЕКСАНДРЪ“.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Согласно представленію Его Преосвященства Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено выдѣлить изъ Прелестенскаго прихода, Изюмскаго уѣзда, Архангело-Михайловскую церковь села Провалья, того-же уѣзда, и открыть при ней самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ настоятеля и псаломщика, и

— Изъ Гусаровскаго прихода того-же уѣзда выдѣлить Архангело-Михайловскую церковь слободы Ольховаго Рога и открыть самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ настоятеля и псаломщика.

Епархіальныя извѣщенія.

Всемилоствѣйше награжденъ золотою медалью для ношенія на груди на Станиславской лентѣ крестьянинъ хутора Филенкова, Богодуховскаго уѣзда, Яковъ *Пануца*, состоящій нынѣ въ должности церковнаго старосты, за пожертвованіе имъ на постройку новой церкви и причтовыхъ помѣщеній 5100 руб. сер.

1) Награждены набедренниками: настоятель Покровской церкви сл. Котельвы, Ахтырскаго у., священникъ Георгій *Давидовъ*. 2) Настоятель Покровской церкви слоб. Хухры, Ахтыр. у., священникъ Дмитрій *Поповъ*. 3) Настоятель Петро-Павловской церкви слоб. Пушкарной, Ахтырск. у., священникъ Герасимъ *Новолірскій*. 4) Помощ. настоят. Пятницкой церкви села Брайцовки, Ахтыр. у., священникъ Андрей *Романовъ*. 5) Помощ. настоят. Варваровской церкви слоб. Вышей Верхосулки, Лебединск. у., священникъ Николай *Македонскій*. 6) Помощ. настоят. Преображенской церкви слободы Воромбы, того-же у., священникъ Павелъ *Любарскій*. 7) Настоятель Преображенской церкви слоб. Мемирга, Лебедин. у., священникъ Іоаннъ *Кохановскій*. 8) Помощ. настоят. Николаевской церкви села Груни, Лебедин. у., священникъ Антоній *Червонецкій*, и 9) настоятель Николаевской церкви села Мартыновки, Лебединскаго уѣзда, священникъ Іаковъ *Подольскій*.

— Помощникъ настоятеля Чугуевской Покровской церкви, священникъ Илья *Созонтьевъ*.

— Награжденъ похвальнымъ листомъ церковный староста слоб. Безлюдовки Покровской церкви, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ Іосифъ Кондратовъ *Коцъ*.

— Его Преосвященство призываетъ Божіе благословеніе на прихожанъ Параскевіевской церкви слободы Песчаной, Волчанскаго уѣзда, за пожертвованіе ими навсегда въ пользу своей церкви дома съ усадьбою для жительства приходскаго ихъ псаломщика, и

— На прихожанъ церковей Волчанскаго уѣзда: Предтечевской слободы Базалѣвки, Успенской слободы Артемьевской и Покровской слободы Василенковой за значительныя пожертвованія въ пользу своихъ церковей.

— Утверждены въ должности законоучителя священники: слоб. Ново-Серпухова, Зміевского уѣзда, Владиміръ *Раевскій* въ Ново-Серпуховское народное училище и Николай *Федоровъ* въ Каменское, Старобѣльскаго уѣзда.

— Помощникъ настоятеля, священникъ Предтечевской церкви с. Снѣжкова, Валковскаго уѣзда, Михаилъ *Лукашевъ* утвержденъ въ должности помощника благочиннаго по первому благочинническому округу, Валковскаго уѣзда.

— *Опредѣлены*: помощникъ настоятеля Успенской церкви слободы Дементѣвки, Харьковскаго уѣзда, Іаковъ *Филевскій* настоятелемъ къ Успенской церкви слободы Рублевки, Богодуховскаго уѣзда; новорукоположенный діаконъ Дмитріевской церкви г. Харькова, Петръ *Бородаевскій* во священника къ Успенской церкви села Малой Рогозянки, Харьковскаго уѣзда; студентъ Харьковской духовной семинаріи Матвѣй *Богуславскій* штатнымъ священникомъ къ Николаевской церкви слободы Каменка, Купянскаго уѣзда; безмѣстный священникъ Павелъ *Реутскій* на праздно священническое мѣсто къ Покровской церкви слободы Алисовки, Изюмскаго уѣзда; запрещенный священникъ Владиміръ *Волочковъ* на праздно псаломщицкое мѣсто къ Зміевской соборной Троицкой церкви и уволенный изъ низшаго отдѣленія Ярославской духовной семинаріи Александръ *Потовъ* на псаломщицкое мѣсто къ Харьковской Рождество-Богородичной церкви.

— *Перемѣщены*: Изъ слободы Алисовки Покровской церкви, Изюмскаго уѣзда, священникъ Михаилъ *Сыкирскій* настоятелемъ въ слоб. Кузюмовку къ Митрофаніевской церкви; настоятель Покровской церкви слоб. Верхней Писаревки, Волчанскаго уѣзда, Александръ *Набоковъ* помощникомъ настоятеля къ Успенской церкви слободы Дементѣвки, Харьковскаго уѣзда; настоятель Митрофаніевской церкви слоб. Кузюмокъ, Купянскаго уѣзда, священникъ Іоаниъ *Федоровскій* настоятелемъ къ Валковской Рождество-Богородичной церкви; священникъ Митрофаніевской церкви села Валвенки-

на Изюмскаго уѣзда, Николай *Филевскій*—помощникомъ настоятеля къ Петропавловской церкви слоб. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда; и. д. псаломщика Тихоновской церкви села Сидоренкова, Валковскаго уѣзда, Петръ *Лобковскій*—и. д. псаломщика къ Троицкой церкви села Михайловка, того-же уѣзда; псаломщикъ Харьковской Рождество-Богородичной церкви діаконъ Алексѣй *Брайловскій* на псаломщицкое мѣсто къ Харьковской Дмитріевской церкви; и. д. псаломщика Іоанно-Златоустовской церкви Харьковской учебной фермы Іоаннъ *Квитковскій* къ Николаевской церкви слоб. Мереры; штатный и. д. псаломщика Рождество-Богородичной церкви слоб. Ново-Бѣлинькой, Старобѣльскаго уѣзда, Петръ *Лаврентьевъ* штатнымъ и. д. псаломщика къ Іоанно-Богословской церкви слоб. Крыгской, того-же уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ штатнымъ той-же церкви сверхштатный и. д. псаломщика Михаилъ *Капустинъ*.

— *Утверждены*: дворянинъ Иванъ *Кирилловъ*, сынъ Грищенко, въ должности предсѣдателя церковно-приходскаго попечительства Харьковской Архангело-Михайловской церкви на мѣсто отставнаго капитана Ивана *Петрова*, сына *Щурикова*,—на одинъ годъ; сверхштатный и. д. псаломщика Тихоновской церкви с. Сидоренкова, Валковскаго уѣзда, Сimeонъ *Торанскій* штатнымъ и. д. псаломщика къ той-же церкви; въ должности церковныхъ старостъ: къ Богодуховской соборной Успенской церкви купецъ Ѳеодоръ на мѣсто уволеннаго отъ сей должности купца Павла *Панченка*; къ Никитской церкви села Новой Рябины, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй *Строшненко*; Волчанскаго уѣзда къ Покровской церкви слободы Хотомли отставной унтеръ-офицеръ Матвѣй *Божко*; Змиевскаго уѣзда—къ церкви Нерукотвореннаго Образа Господня села Богодарова крестьянинъ Григорій *Воробьевъ*, къ Троицкой—села Гракова крестьянинъ Ѳеодоръ *Костинъ*, къ Вознесенской с. Скрыпаева крестьянинъ Аванасій *Гончаровъ*; Изюмскаго уѣзда—къ Георгіевской церкви слободы Голяой Долины крестьянинъ Платонъ *Тимофеевъ*, сынъ *Пурвалкингъ*, къ Покровской с. Рѣдкодуба крестьянинъ Антоній *Погребнякъ*, къ Архангело-Михайловской села Райгородки крестьянинъ Титъ *Калмыковъ*, къ церквамъ г. Славянска—Троицкой церкви купецъ Поликарпъ *Михайловскій*, Воскресенской, потомственный почетный гражданинъ Авксентій *Шнурковъ* и Всесвятской купецъ Лукьянъ *Зубашевъ*; Купянскаго уѣзда къ Вознесенской церкви слоб. Торской крестьянинъ Козьма *Дуравкинъ*; Старобѣльскаго уѣзда къ Архангело-Михайловской церкви слободы Колядовка крестьянинъ Аванасій *Бондарь*; Харьковскаго уѣзда къ церквамъ—Покровской слободы Островерховки крестьянинъ Іосифъ Петровъ *Коваленко*, Рождество-Богородичной слободы Мереры крестьянинъ Дмитрій Андреевъ *Щербаненко*, Николаевской села Гѣвки землевладѣлецъ Евгеній Ивановичъ *Чекаловъ*.

— Умерли: Настоятель Николаевской церкви слободы Каменки, Купянского уѣзда, священникъ Петръ *Краснопомскій*; священникъ Александровской церкви села Александровка, Валковскаго уѣзда, Илья *Вилоградскій*; настоятель Успенской церкви слободы Рублевки, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Аѳанасій *Иларіоновъ*; и. д. псаломщика Зміевской соборной Троицкой церкви Ксенофонтъ *Любарскій*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

1) Въ слоб. *Александровкѣ*, Валковскаго уѣзда *помощ. настоятеля*. 2) Въ слоб. Валвенкиномѣ, Изюмскаго уѣзда, *такое-же*. Псаломщикія: 1) въ слоб. *Коломакѣ*, Валковскаго уѣзда при Николаевской церкви. 2) Заштат. городѣ *Краснокутскѣ* при Архангело-Михайловской церкви.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета въ мартѣ мѣсяцѣ 1884 года поступило: процентовъ по 14 билетамъ на вѣчные вклады 48 р. 75 к.; отъ Его Преосвященства, преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа харьковскаго 10 р.;—ректора Харьковской духовной семинаріи, протоіеря Іоанна Кратирова 5 руб.;—протоіеря Симеона Иларіонова 3 р.;—протоіеря Димитрія Ѳедоровскаго 3 р.;—протоіеря Андрея Дюкова 3 р.;—протоіеря Василя Добротворскаго 3 р.;—протоіеря Павла Дахнѣвскаго 3 р.;—протоіеря Іоны Томашевскаго 3 р.; чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 11 р. 63 к.;—протоіеря Павла Солнцева 3 р.;—священника Михаила Румянцева 1 р.; чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 2 р.—священника Петра Подлудскаго 3 р.;—священника Симеона Людиковина 3 р.;—священника Стефана Любичскаго 3 р.;—священника Андрея Григоренкова 3 р.;—діакона Бѣликова 1 р.;—и. д. псаломщика Ивана Антоновича Подлудскаго 3 р.;—эконома Харьковскаго архіерейскаго дома, іеромонаха Іосифа 9 р.;—схимонахини Макаріи 3 р.;—титулярнаго совѣтника Ѳедора Ѳедоровича Галкина 100 р.;—Александры Флегонтовны Ковалевой 3 р.;—Никанора Евсевіевича Иванова 3 р.;—Петра Вонифатіевича Кривопускова 3 р.;—Косьмы Никитича Сергіенко 3 р.;—Николая Львовича Львова 3 р.;—Ивана Димитріевича Рогова 3 р.;—Ѳедора Донцова 3 р. Собрано дѣйствительнымъ членомъ Миссіонерскаго Общества Евфиміемъ Школяренко отъ слѣдующихъ лицъ: а) Наталіи Бадилевской 1 р.; б) Елены Школяренко 1 р.; в) отъ разныхъ лицъ 2 р. 50 к.;—Александра Александровича Іозефовича 5 р.;—архитектора Ѳедо-

ра Ивановича Данилова 5 р.;—Леонида Ѳедоровича Тилена 9 р.;—Леонтія Яковлевича Попова 3 р.;—товарища прокурора Денисьева 3 р.;—мѣщанина Саввы Нечипоренка 3 р.;—Петра Никифоровича Кигимова 3 руб.;—купца Михаила Крименко 3 руб.;—Анны Гусевой 3 р.;—Поликсеніи Ивановны Воронежъ 3 р.;—Николая Ивановича Ильина 3 р.;—Натальи Михайловны Садовниковой 10 р.;—жены статскаго совѣтника Юліи Ивановны Денисовой 3 руб.;—коллежскаго регистратора Василя Самойловича Надеждина 10 руб.;—Павла Ивановича Рыжова 3 руб.;—Иллариона Игнатьевича Муравьева 3.;—Зосимы Гавриловича Сергѣева 3 р. Собрано священникомъ Николаемъ Соколовскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 5 к.; собрано священникомъ Павломъ Григоровичемъ отъ разныхъ лицъ 6 р. 82 к.; собрано священникомъ Василиемъ Лихницкимъ отъ разныхъ лицъ 2 р.; собрано протоіереемъ Василиемъ Левандовскимъ отъ разныхъ лицъ, а именно: отъ Софіи Павловны Сачевой 1 р., отъ разныхъ лицъ 2 р. 15 к.; собрано протоіереемъ Александромъ Ѳедоровскимъ отъ разныхъ лицъ 8 р. 86 к.; собрано священникомъ Панкратіемъ Ивановымъ отъ разныхъ лицъ 43 к.; собрано протоіереемъ Димитріемъ Ѳедоровскимъ отъ разныхъ лицъ 35 р.; собрано протоіереемъ Николаемъ Лащенковымъ отъ разныхъ лицъ 2 р.; собрано протоіереемъ Аполлономъ Ковалевскимъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 25 к.; собрано священникомъ Василиемъ Поповымъ отъ разныхъ лицъ 5 р.; собрано священникомъ Аполлономъ Ильяшевымъ отъ разныхъ лицъ 11 р. 38 к. Собрано священникомъ Георгіемъ Чеботаревымъ отъ разныхъ лицъ 22 р. 40 к. и кружечнаго сбора: отъ церквей 2 округа Ахтырскаго уѣзда 8 р. 85 к.; отъ Харьковскаго Каѳедральнаго Успенскаго собора 22 р.; дополнительнаго сбора отъ церквей 1 округа Лебединскаго уѣзда 37 к. и 2 округа Купянскаго уѣзда 24 р. 67 к.. Итого въ мартѣ мѣсяцѣ 1884 года поступило 485 р. 11 к.. А всего съ поступившими въ семь 1884 году 2237 р. 77 к.

Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ святому дѣлу распространенія онаго между язычниками, Комитетъ покорѣйше проситъ доставлять свои членскіе взносы непосредственно въ Комитетъ при Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены Общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* руб. или-же единовременно не менѣе *шестидесяти* рублей.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіального женскаго училища по учебно и нравственно-воспитательной частямъ за 1882—83 учебный годъ.

(Окончаніе *).

II. УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

а) Недѣльное распредѣленіе уроковъ съ объясненіемъ причинъ уклоненій отъ предписаній программы.

Въ I классъ: въ понедѣльникъ—Чистописаніе, Французскій языкъ, Русскій языкъ, Ариметика; во вторникъ—Законъ Божій, Диктовка, Церковное пѣніе, Русскій языкъ; въ среду—Черченіе, Законъ Божій, Ариметика, Рукодѣлье, Рисованіе; въ четвергъ—Французскій языкъ, Церковное пѣніе, Законъ Божій, Русскій языкъ; въ пятницу—Русскій языкъ, Чистописаніе, Ариметика, Законъ Божій; въ субботу—Ариметика, Диктовка, Чистописаніе, Рукодѣлье; во II классъ: понедѣльникъ—Французскій языкъ, Ариметика, Географія, Русскій языкъ; вторникъ—Русскій языкъ, Церковное пѣніе, Диктовка, Законъ Божій; среда—Рукодѣлье, Ариметика, Чистописаніе, Диктовка, Рисованіе; четвергъ—Церковное пѣніе, Французскій языкъ, Русскій языкъ, Законъ Божій; пятница—Рукодѣлье, Русскій языкъ, Законъ Божій, Ариметика; суббота—Законъ Божій, Чистописаніе, Географія, Ариметика; въ III нормальномъ классъ: понедѣльникъ—Русскій языкъ, Диктовка, Ариметика, Рукодѣлье; вторникъ—Французскій языкъ, Законъ Божій, Русскій языкъ, Церковное пѣніе; среда—Географія, Диктовка, Законъ Божій, Ариметика, Рисованіе; четвергъ—Русскій языкъ, Законъ Божій, Церковное пѣніе, Чистописаніе; пятница—Законъ Божій, Ариметика, Чистописаніе, Русскій языкъ; суббота—Французскій языкъ, Ариметика, Географія, Рукодѣлье. Въ III параллельномъ классъ: понедѣльникъ—Ариметика, Русскій языкъ, Рукодѣлье, Географія; Вторникъ—Французскій языкъ, Русскій языкъ, Законъ Божій, Церковное пѣніе; среда—Ариметика, Чистописаніе, Диктовка, Законъ Божій, Рисованіе; четвергъ—Рукодѣлье, Русскій языкъ, Церковное пѣніе, Географія; пятница—Ариметика, Законъ Божій, Русскій языкъ, Диктовка; суббота—Французскій языкъ, Законъ Божій, Ариметика, Чистописаніе. Въ IV классъ: понедѣльникъ—Законъ Божій, Географія, Ариметика, Диктовка; вторникъ—Рукодѣлье, Французскій языкъ, Исторія, Русскій языкъ; среда—Диктовка, Ариметика, Законъ Божій, Чистописаніе, Рисованіе; четвергъ—Рукодѣлье, Русскій языкъ, Географія, Церковное пѣніе; пятница—Законъ Божій, Ариметика, Французскій языкъ, Дик-

товка; суббота—Числописаніе, Русскій языкъ, Исторія, Географія. Въ I классъ: понедѣльникъ—Географія, Ариѳметика, Законъ Божій, Диктовка; вторникъ—Руководѣлье, Русскій языкъ, Педагогика, Исторія; среда—Законъ Божій, Руководѣлье, Французскій языкъ, Физика, Рисованіе; четвергъ—Географія, Законъ Божій, Исторія, Русскій языкъ; пятница—Ариѳметика, Французскій языкъ, Физика, Исторія; суббота—Ариѳметика, Географія, Русскій языкъ, Исторія. Въ VI классъ: понедѣльникъ—Геометрія, Законъ Божій, Диктовка, Физика; вторникъ—Руководѣлье, Исторія, Русскій языкъ, Педагогика; среда—Физика, Законъ Божій, Геометрія, Французскій языкъ, Рисованіе; четвергъ—Русская грамматика, Геометрія, Русская литература, Исторія; пятница—Французскій языкъ, Законъ Божій, Исторія, Физика; суббота—Географія, Космографія, Педагогика, Русскій языкъ. 1-й урокъ продолжается отъ 9 до 10 часовъ, 2-й урокъ отъ 10¹/₄ до 11¹/₄ часовъ, 3-й урокъ отъ 11³/₄ до 12³/₄ час., 4-й урокъ отъ 1 до 2 часовъ и 5-й урокъ отъ 3 до 5 часовъ.

Сравнительно съ четырьмя предыдущими учебными годами распредѣленіе ни въ количествѣ учебныхъ предметовъ, ни въ распредѣленіи ихъ по классамъ, ни въ количествѣ назначенныхъ на каждый изъ нихъ недѣльныхъ уроковъ, не представляетъ никакихъ измѣненій. Существующія-же въ этомъ распредѣленіи уклоненія отъ предписаній программы, приложенной къ уставу епархіальныхъ женскихъ училищъ, подробно объяснены въ учебно-воспитательныхъ отчетахъ за прежніе годы.

б) Указаніе учебныхъ руководствъ, употребляемыхъ въ училищъ, но не указанныхъ въ установленной программѣ.

Новые учебники, не указанные въ уставѣ, въ отчетномъ году употреблялись по слѣдующимъ предметамъ: аа) по русскому языку въ III классъ для повторенія этимологіи употреблялась грамматика Кирпичникова; въ IV и VI классахъ для изученія въ первомъ и повторенія въ послѣднемъ синтаксиса,—грамматика Говорова; для изученія общей теоріи словесности въ IV классѣ воспитанницы пользовались выданными преподавателемъ замѣтками; въ V классѣ для систематическаго прохожденія теоріи словесности учебникъ Бѣлоруссова; въ VI классѣ для исторіи литературы руководство М. Орлова; бб) по ариѳметикѣ въ IV, V и VI-мъ классахъ учебникъ Малинина; вв) по геометріи въ V и VI классахъ руководство Кравченко; гг) по всеобщей и русской исторіи въ VI классѣ учебникъ Рождественскаго; дд) по педагогикѣ въ V и VI классахъ учебникъ и записки преподавателя Рощина; по французскому языку руководства Марго, Игнатовича и краткая грамматика Ноэля и Шапсаля.

Кромѣ того, нѣкоторые предметы преподавались безъ учебниковъ, прак-

тическимъ путемъ, именно: русскій языкъ въ I и II-мъ классахъ, ариѳметика и элементарная геометрія въ I, II и III-мъ классахъ и общая теорія словесности въ IV классѣ.

По остальнымъ предметамъ употреблялись учебники, указанные въ уставѣ.

в) *Уклоненія отъ установленной для каждаго класса программы.*

Въ отчетномъ, какъ и въ прежніе годы, допущены были только по русскому языку, ариѳметикѣ и геометріи: аа) *По русскому языку* въ III классѣ изъ синтаксиса пройдено до соединенія предложеній по способу сочиненія; остальная-же часть синтаксиса и общая теорія словесности проходились въ IV классѣ; въ V классѣ пройденъ систематическій курсъ теоріи словесности; въ VI классѣ, кромѣ изученія исторіи русской литературы, повторень еще и весь курсъ русской грамматикѣ. бб) *По ариѳметикѣ* въ III классѣ пройдено до десятичныхъ дробей, въ IV до правила процентовъ, въ V ариѳметика окончена, а въ VI повторень весь курсъ этого предмета. вв) *По геометріи* въ V классѣ пройдено до подобія треугольниковъ, а въ VI классѣ курсъ геометріи окончень. Вышеуказанныя измѣненія въ программѣ русскаго языка, ариѳметики и геометріи сдѣланы главнымъ образомъ для того, чтобы въ VI классѣ ввести повторительные курсы по русской грамматикѣ и ариѳметикѣ.

По другимъ предметамъ въ точности выполнены программы, указанные въ уставѣ.

г) *Распределеніе письменныхъ упражненій и степень достигаемыхъ ими успѣховъ.*

Письменные упражненія во всѣхъ классахъ училища распределялись въ отчетномъ году также, какъ и въ предыдущіе годы. Въ трехъ низшихъ классахъ эти упражненія были трехъ родовъ: а) *диктовка*, которою по дактанту Тихомирова занимались по два часа въ недѣлю воспитанницы этихъ классовъ, б) *грамматическія упражненія* для болѣе прочнаго усвоенія грамматическихъ правилъ и в) *стилистическія упражненія*. Эти послѣднія упражненія состояли изъ пересказа прочитанныхъ и разобранныхъ въ классѣ статей съ измѣненіемъ ихъ формы, изъ описаній и сравненій близкихъ къ дѣтямъ предметовъ. Планъ для этихъ письменныхъ работъ разрабатывался предварительно воспитанницами въ классѣ при пособіи учительницы. Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами первыхъ трехъ классовъ составлены слѣдующія стилистическія письменныя работы:

Въ I классѣ:

1. „Крестьянская пирушка“ по стихотворенію Кольцова (разсказъ).
2. „Описаніе картины Семенова: „Лѣто“.
3. „Описаніе классоваго стола“.

4. „Персики“ (сокращенный рассказ).
5. „Вечеръ на сѣнокосѣ“ (по стихотворенію).
6. „Природа до и послѣ дождя“ (по данной статьѣ).
7. „Волкъ и котъ“ (измѣненіе разговорной рѣчи въ повѣствовательную).
8. „Путешествіе воды“ (по данной статьѣ).

Во II классѣ:

1. „Исторія Гибьдка“ (по данной статьѣ).
2. „Ложный стыдъ“ (измѣненіе разговорной рѣчи въ повѣствовательную).
3. „Сравненіе рыбы и птицы“.
4. „Исторія лѣниваго мужика“ (по стихотворенію Кольцова).
5. „Природа и люди весной“ (на основаніи прочитаннаго и видѣннаго).
6. „Лѣтнее утро“ (по стихотворенію Никитина).
7. „Нашъ классъ“ (описаніе).

Въ III классѣ:

1. „Описаніе деревни, въ которой я живу“.
2. „Бородинская битва“ (по стихотворенію Лермонтова).
3. „Кубокъ“ (передача содержанія стихотворенія прозаическою рѣчью).
4. „Козьма Мининъ“ (измѣненіе разговорной рѣчи въ повѣствовательную).
5. „Довольство крестьянъ и его условія“ (на основаніи прочитаннаго).
6. „Свѣгурочка“ (сокращенный рассказ).
7. „Петербургъ“ (по стихотворенію Пушкина „Мѣдный всадникъ“).

Руководство письменными упражненіями въ низшихъ классахъ училища лежало исключительно на учительницѣ русскаго языка, которая и выбирала темы для этихъ упражненій и исправляла ихъ. Баллы письменныхъ упражненій не представлялись въ Совѣтъ, но самою учительницею присоединялись къ отмѣткамъ за устные отвѣты по русскому языку и вмѣстѣ съ ними составили общій баллъ по этому предмету.

Письменные работы воспитанницъ старшихъ классовъ отличались сравнительно большею самостоятельностью, такъ какъ для нихъ не давалось преподавателями готоваго содержанія и планъ для сочиненій учащіяся вырабатывали совершенно самостоятельно. Состояли эти работы изъ рассказовъ, описаній и разсужденій (въ послѣднихъ двухъ классахъ). Число этихъ работъ, выборъ темъ для нихъ, сроки ихъ подачи и проч. опредѣлялись въ общемъ собраніи всѣхъ преподавателей училища и утверждались Преосвященнымъ. Въ исправленіи этихъ работъ, кромѣ учителя русскаго языка, принимали еще участіе законоучитель и преподаватели всеобщей исторіи, географіи и педагогикѣ. Срокъ для написанія каждаго сочиненія назначался 25-ти-дневный. Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами каждаго изъ

трехъ старшихъ классовъ написано по 7 домашнихъ сочиненій и по 1 экзаменному экспромпту на слѣдующія темы:

Въ IV классъ.

1. *По русскому языку*: „Чѣмъ памятенъ для меня прошлый учебный годъ?“
 2. — *русскому языку*: „Крестьянская малороссійская усадьба“.
 3. — *закону Божию*: „Избраніе на царство Саула“.
 4. — *русскому языку*: „Неожиданный врачъ“ (пересказъ періодической рѣчию).
 5. — *русскому языку*: „Зимній день“.
 6. — *географіи*: „Амазонская низменность или Сельвасы“.
 7. — *исторіи*: „Героическій подвигъ Муція Сцеволы“.
- Экзаменное сочиненіе. „Весенняя прогулка“.

Въ V классъ.

1. *По исторіи*: „Положеніе женщины у германцевъ“.
 2. — *русскому языку*: „Какія воспоминанія изъ моей жизни связапы съ мѣстомъ моего рожденія и первоначальнаго воспитанія?“
 3. — *русскому языку*: „Идеалы старосвѣтскихъ помѣщиковъ, по Гоголю“
 4. — *географіи*: „Устройство поверхности Азіи и Америки“.
 5. — *русскому языку*: „Почему честный трудъ облагораживаетъ человѣка?“
 6. — *закону Божию*: „Въ чемъ должна выражаться христіанская любовь къ ближнимъ?“
 7. — *русскому языку*: „Какую пользу въ умственномъ и нравственномъ отношеніи приносятъ чтеніе хорошихъ литературныхъ произведеній, и какой вредъ можетъ быть отъ чтенія сочиненій неблагонамѣренныхъ?“
- Экзаменное сочиненіе: „Преимущества юности предъ другими возрастами человѣческой жизни“.

Въ VI классъ.

1. *По русскому языку*: „Какое вліяніе на настроеніе духа человѣческаго имѣетъ то или другое состояніе погоды?“
2. — *географіи*. „Образованіе прѣсныхъ водъ и рѣчныхъ системъ и значеніе послѣднихъ“.
3. — *исторіи*: „Причины возвышенія Московскаго государства въ XIV вѣкѣ“.
4. — *закону Божию*: „Оригенъ и его заслуги на пользу Церкви“.
5. — *педагогикѣ*: „Какія взаимныя отношенія были бы желательны между воспитательницею и воспитанницами?“

6. — русскому языку: „Свойства человѣка благовоспитаннаго“.

7. — русскому языку: (экспромтъ): „Письмо къ N по поводу предстоящаго (поего) окончанія курса“.

Экзаменное сочиненіе: „Для чего мы учились въ здѣшнемъ заведеніи?“

Примѣчаніе: Кромѣ сочиненій на перечисленныя темы, воспитанницы трехъ старшихъ классовъ представляли еще ежемѣсячно письменные отвѣты по ариметикѣ. Балламъ письменныхъ упражненій въ старшихъ классахъ Совѣтъ придавалъ весьма важное значеніе. Отмѣтки, выставленныя на сочиненіяхъ преподавателями (за исключеніемъ отмѣтокъ на письменныхъ работахъ по ариметикѣ), вносились въ особую вѣдомость; изъ нихъ выводился общій баллъ, который складывался съ общимъ балломъ устныхъ отвѣтовъ по русскому языку и оба эти балла давали окончательный баллъ по этому предмету. Выводъ какъ этихъ общихъ, такъ и окончательнаго балла по русскому языку дѣлался коммисіею изъ всѣхъ преподавателей, назначавшихъ сочиненія. Воспитанницы, получившія по сочиненіямъ въ среднемъ выводѣ неудовлетворительный баллъ, не считались достойными перевода въ слѣдующій классъ безъ перерыва испытанія по письменнымъ работамъ послѣ каникулъ, хотя бы ихъ устные отвѣты по русскому языку и отмѣчены были хорошимъ балломъ.

Успѣхи воспитанницъ IV, V и VI классовъ въ письменныхъ упражненіяхъ видны изъ нижеслѣдующей таблицы, представляющей средній выводъ изъ годовыхъ и экзаменныхъ балловъ по всѣмъ сочиненіямъ:

4 класса (51 воспитанница).

Баллъ	5	получили	2	воспитанницы	или	$3^{47/51}$	0/0
—	4	—	6	—	—	$11^{39/51}$	0/0
—	3	—	39	—	—	$76^{24/51}$	0/0
—	2	—	4	—	—	$7^{43/51}$	0/0

5 класса (42 воспитанницы).

Баллъ	5	получили	2	воспитанницы	или	$4^{32/42}$	0/0
—	4	—	7	—	—	$16^{28/42}$	0/0
—	3	—	27	—	—	$64^{12/42}$	0/0
—	2	—	6	—	—	$14^{12/42}$	0/0

6 класса (29 воспитанницъ).

Баллъ	5	получили	2	воспитанницы	или	$6^{26/29}$	0/0
—	4	—	6	—	—	$20^{20/29}$	0/0
—	3	—	15	—	—	$51^{21/29}$	0/0
—	2	—	6	—	—	$20^{20/29}$	0/0

Примѣчаніе: Во всѣхъ классахъ въ эту таблицу внесены баллы только тѣхъ воспитанницъ, которыя представили всѣ или большую часть годичныхъ сочиненій и сочиненіе экзаменное.

д) Продолжительность учебного года и время экзаменовъ.

Уроки въ училищѣ въ отчетномъ году начались 17 августа и окончились 30 апрѣля. Такимъ образомъ, всѣхъ учебныхъ дней въ году, если исключить 20 дней на Рождественскія Святки съ обязательнымъ говѣніемъ передъ ними, 4 дня на масляницу, 17 дней на праздники Пасхи со Страстною седмицею и всѣ воскресные и праздничные дни, — было 174.

Устные испытанія по обязательнымъ предметамъ начались 5 мая. Но предварительно въ послѣднихъ числахъ апрѣля произведены экзамены по церковному пѣнію и музыкѣ и 30 апрѣля въ часъ, назначенный въ VI классѣ для урока по педагогикѣ, произведенъ экзаменъ учащимся въ училищной педагогической школѣ. Экзаменъ въ педагогической школѣ производили воспитанницы VI класса въ присутствіи и. д. начальницы, инспектора классовъ, преподавателя педагогика и надзирательницы педагогической школы. 3 мая воспитанницы всѣхъ классовъ писали экзаменныя сочиненія (экспромты) подѣ надзоромъ и. д. начальницы училища, инспектора классовъ и воспитательницъ. Сочиненія эти затѣмъ прочитаны были въ первыхъ трехъ классахъ учительницею русскаго языка, въ IV и V преподавателемъ словесности, а въ VI инспекторомъ классовъ. Окончился всѣ экзамены 8-го іюня. 10 іюня происходилъ торжественный актъ, которымъ и закончился учебный годъ.

е) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ курсъ съ аттестатами, число оставленныхъ на повторительный курсъ и число выбывшихъ изъ училища по разнымъ причинамъ.

Ко времени годовыхъ испытаній въ училищѣ числилось 308 воспитанницъ, изъ этого числа годовныя испытанія по всѣмъ предметамъ и дополнительныя въ августѣ держало 296 воспитанницъ. Не держали экзамена по всѣмъ яля по нѣкоторымъ предметамъ 12 воспитанницъ (7 по болѣзни, 4 по неявкѣ и 1 по просьбѣ родителей).

Переведено изъ младшихъ въ старшіе классы 220 воспитан., а именно: изъ I во II классъ 43 воспитанницы, изъ II въ III классъ 33; изъ III нормальн. въ IV нормальн. кл. — 36; изъ III парал. въ IV параллел. классъ — 36; изъ IV въ V классъ — 38; изъ V въ VI классъ 34 воспитанницы.

Оставлено въ тѣхъ-же классахъ на повторительный курсъ 41 воспитанница въ I классѣ — 1 (по малоуспѣшности), во II — 6 (5 по малоуспѣшности и 1 по просьбѣ родителей), въ III нормальномъ классѣ — 6 по малоуспѣшности, въ III параллельн. кл. — 9 (7 по малоуспѣшности и 2 по малоразвитости), въ IV классѣ — 8 (6 по малоуспѣшности и 2 по болѣзни), въ V классѣ — 9 (7 по малоуспѣшности, 1 по болѣзни и 1 по просьбѣ родителей) и въ VI классѣ 2 по болѣзни.

Окончили полный курсъ — 29 воспитанницъ (23 съ аттестатами и 6 со свидѣтельствами).

Уволено изъ училища послѣ годовыхъ экзаменовъ и перекэаменовокъ 18 воспитанницъ. Изъ I класса—1 (за долговременную неявку), II класса—6 (4 по просьбѣ родителей и 2 за долговременную неявку), III нормального—1 (по просьбѣ родителей), IV класса—8 (4 по неспособности къ продолженію ученія и 4 за долговременную неявку) и изъ V класса—2 (1 по неспособности и 1 за долговременную неявку).

Такимъ образомъ, къ началу 1883—84 учебнаго года въ училищѣ числилось 261 воспитанница.

Въ августѣ 1883 года принято въ училище вновь 45 дѣвицъ,—44 въ первый классъ и 1 въ четвертый.

Вслѣдствіе этого къ 1 октября 1883 года въ училищѣ числится 306 воспитанницъ, именно: въ I классѣ 45, во II—49, въ III—48, въ обихъ отдѣленіяхъ IV класса—81 (40 въ нормальномъ и 41 въ параллельномъ отдѣленіи), въ V классѣ—47 и въ VI—36 воспитанницъ.

Примѣчаніе: Излишекъ противъ нормальнаго числа (45) во II, III и V классахъ произошелъ оттого, что многія изъ воспитанницъ этихъ классовъ, какъ малоуспѣвшія, должны были остаться на повторительный курсъ, а изъ предыдущихъ классовъ переведены всѣ заслуживавшія перевода.

ж) Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ:

1. Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году, по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ, изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ.

1 класса (45 воспитанницъ).

Балль	5	получили	14	воспитанницъ	или	$31\frac{5}{45}$	0/0
—	4	—	17	—	—	$37\frac{85}{45}$	0/0
—	3	—	13	—	—	$28\frac{40}{45}$	0/0
—	2	—	1	—	—	$2\frac{10}{45}$	0/0

2 класса (41 воспитанница).

Балль	5	получили	12	воспитанницъ	или	$29\frac{11}{41}$	0/0
—	4	—	6	—	—	$14\frac{26}{41}$	0/0
—	3	—	18	—	—	$43\frac{37}{41}$	0/0
—	2	—	5	—	—	$12\frac{8}{41}$	0/0

3 нормальн. класса (43 воспитанницы).

Балль	5	получили	11	воспитанницъ	или	$25\frac{25}{43}$	0/0
—	4	—	23	—	—	$53\frac{21}{43}$	0/0
—	3	—	8	—	—	$18\frac{26}{43}$	0/0
—	2	—	1	—	—	$2\frac{14}{43}$	0/0

3 параллел. класса (45 воспитанницъ).

Балль	5	получили	14	воспитанницъ	или	$31^{5/45}$	0/0
—	4	—	18	—	—	40	0/0
—	3	—	13	—	—	$28^{40/45}$	0/0
—	2	—	—	—	—	—	—

4 класса (51 воспитанница).

Балль	5	получили	8	воспитанницъ	или	$15^{35/51}$	0/0
—	4	—	15	—	—	$29^{21/51}$	0/0
—	3	—	22	—	—	$43^{7/51}$	0/0
—	2	—	6	—	—	$11^{39/51}$	0/0

5 класса (42 воспитанницы).

Балль	5	получили	12	воспитанницъ	или	$28^{24/42}$	0/0
—	4	—	13	—	—	$30^{40/42}$	0/0
—	3	—	16	—	—	$38^{4/42}$	0/0
—	2	—	1	—	—	$2^{10/42}$	0/0

6 класса (29 воспитанницъ).

Балль	5	получили	9	воспитанницъ	или	$31^{1/29}$	0/0
—	4	—	12	—	—	$41^{11/29}$	0/0
—	3	—	8	—	—	$27^{17/29}$	0/0
—	2	—	„	—	—	—	—

2. Въ поведеніи воспитанницъ въ отчетномъ году не замѣчено было никакихъ сколько-нибудь важныхъ проступковъ въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніяхъ; почему изъ 308 воспитанницъ только 9 по поведенію получили общій годовой балль 4 (очень хорошо), остальные-же 299 получили балль 5 (отлично).

3. Для здоровья воспитанницъ отчетный годъ былъ вообще благопріятнѣе предыдущаго. Случаевъ заболѣванія было только 251, что при 308 воспитанницахъ составляетъ $81^{52/308}$ 0/0, тогда какъ въ прошломъ $18^{81/82}$ учебномъ году случаевъ заболѣванія было 268 при 308 воспитанницахъ, или 87 0/0. Большею частію воспитанницы страдали легкими формами болѣзней, именно: лихорадкой (39 0/0), лишаемъ (16 0/0), жабой (около 12 0/0). Случаевъ заболѣвацій тяжелыми болѣзнями было только 26, или $10^{00/251}$ 0/0, именно: скарлатиной 7 случаевъ, коклюшемъ 3, оспою 3, пляскою св. Витта 2, ревматизмомъ 3 и воспаленіемъ легкихъ 4 случая. Смертный случай въ теченіи учебнаго года былъ одинъ (отъ чахотки).

III. Число пропущенныхъ преподавателями и воспитанницами училища уроковъ въ отчетномъ году.

Законоучитель въ IV, V и VI классахъ, священникъ Н. Овнкевичъ (9 недѣльн. урок.)—пропущено 27 уроковъ, по болѣзни въ отпуску; помощникъ законоучителя въ I, II и двухъ отдѣленійхъ III класса, священникъ Г. Волобуевъ (16 недѣльн. урок.)—пропущено 17 уроковъ, 14 по обязанностямъ священника и 3 по семейнымъ обстоятельствамъ; преподаватель русской словесности въ IV, V и VI классахъ, А. А. Снегиревъ (10 недѣльн. урок.)—пропущено 10 уроковъ, по болѣзни; учительница русскаго языка въ I, II и обоихъ отдѣленійхъ III класса Е. А. Горбачевская (16 недѣльн. урок.)—пропущено 16 уроковъ, по болѣзни; преподаватель ариѳметики, геометріи, физики и космографіи въ IV, V и VI классахъ А. П. Эльтековъ (14 недѣльн. урок.)—пропущено 78 уроковъ: 64 по болѣзни и 14 по случаю назначенія присяжнымъ засѣдателемъ; учительница ариѳметики въ I и II и обоихъ отдѣленійхъ III класса О. К. Рудивская (16 недѣльн. ур.)—пропущено 8 уроковъ, по болѣзни; преподаватель гражданской исторіи въ IV, V и VI классахъ, А. Ѳ. Вертеловскій (9 нед. ур.)—пропущено 23 урока: 3 по болѣзни и 20 по случаю назначенія присяжнымъ засѣдателемъ; преподаватель географіи во II, III параллельномъ, въ IV, V и VI классахъ, В. Л. Спасскій (12 недѣльн. ур.)—пропущено 25 уроковъ—по болѣзни; учительница географіи въ III нормальномъ классѣ Л. Е. Дьякова (2 нед. урока) и преподаватель педагогики въ V и VI классахъ Н. Н. Сграховъ (3 недѣльн. уроки)—пропущенныхъ уроковъ не было; учитель церковнаго пѣнія во всѣхъ классахъ, священникъ С. Петровскій (8 недѣльн. урок.)—пропущено 58 уроковъ: 12 по болѣзни и 46 по обязанностямъ священника; учитель чистописанія въ первыхъ четырехъ классахъ Д. О. Ланевскій (14 нед. ур.)—пропущено 14 уроковъ, по случаю вызова въ судъ экспертомъ; учительница французскаго языка во всѣхъ классахъ А. В. Кушепъ (12 недѣльн. урок.)—пропущено 29 уроковъ: 18 по случаю бытности въ отпуску, 6 по обязанностямъ начальницы и 5 по случаю говѣнья.

Въ теченіи отчетнаго года воспитанницами училища пропущено слѣдующее количество уроковъ:

Въ I классѣ (45 воспитанницъ).—850 уроковъ по болѣзни и 117 по неявкѣ; во II классѣ (48 воспит.)—740 уроковъ по болѣзни и 362 по неявкѣ; въ III нормальномъ классѣ (45 воспит.)—572 урока по болѣзни и 172 по неявкѣ; въ III параллельномъ классѣ (46 воспит.)—484 урока по болѣзни и 397 по неявкѣ; въ IV классѣ (55 воспит.)—517 уроковъ по болѣзни и 214 по неявкѣ; въ V классѣ (44 воспит.)—429 уроковъ по болѣзни и 417 по неявкѣ; въ VI классѣ (29 воспитан.)—423 урока по болѣзни, 191 по неявкѣ и 945 уроковъ по случаю дежурства въ педагогической школѣ.

Такимъ образомъ, всѣми воспитанницами училища въ теченіе года пропущено 6830 уроковъ, что, по раздѣленіи на общее число воспитанницъ, которыя вошли въ эту вѣдомость (312), дастъ на каждую воспитанницу около 22 пропущенныхъ уроковъ.

Примѣчаніе: Въ показанное въ этой вѣдомости общее число воспитанницъ училища не вошли: 1 воспитанница IV класса, не бывшая въ училищѣ по болѣзни почти весь годъ, 2 воспитанницы V класса, не являвшіяся въ училище, по неизвѣстной причинѣ, весь годъ и 2 воспитанницы VI класса, почти весь годъ по болѣзни, находившіяся въ училищной больницѣ.

IV. Мѣры, принятыя и проектируемыя, къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ.

Для возвышенія учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ въ отчетномъ году были приняты слѣдующія мѣры:

1. Въслѣдствіе заявленія инспектора классовъ, училищный Совѣтъ, журнальнымъ постановленіемъ своимъ отъ 20 и 30 декабря 1882 года, для возможно болѣе справедливой оцѣнки успѣховъ учащихъся, предоставилъ воспитательницамъ, какъ болѣе знающимъ способности и прилежаніе каждой воспитанницы въ своихъ классахъ, право просить преподавателей спрашивать воспитанницъ неаккуратныхъ въ приготовленіи уроковъ.

Тѣмъ-же постановленіемъ своимъ Совѣтъ, для устраненія иногда заявлявшагося воспитанницами недовольства выставленнымъ имъ преподавателями четвертными отмѣтками и просьбъ о переспрашиваніи для повышенія этихъ отмѣтокъ, предоставилъ однимъ только воспитательницамъ право дѣлать заявленія преподавателямъ о необходимости переспросить ту или другую воспитанницу, по случайнымъ причинамъ, извѣстнымъ воспитательницѣ, получившую въ теченіи учебной четверти года отмѣтку, низшія тѣхъ, которыхъ данная воспитанница заслуживаетъ по своимъ способностямъ и прилежанію.

2. Въслѣдствіе заявленія инспектора классовъ о томъ, что нѣкоторыя воспитанницы, страдающія горловыми болѣзнями, лишаящими ихъ на время способности громко говорить, отказываются отвѣчать преподавателямъ уроки, почему имъ и не выставляются четвертные отмѣтки, хотя училищный врачъ и находитъ возможнымъ для такихъ воспитанницъ посѣщать классы и заниматься текущими уроками, Совѣтъ училища, постановленіемъ своимъ отъ 17—28 марта 1883 года, предложилъ преподавателямъ непременно провѣрять знанія такихъ воспитанницъ путемъ краткихъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, употребляя при спрашиваніи такіе приемы, которые, содѣйствуя надлежащей оцѣнкѣ знаній, не требовали-бы отъ этихъ воспитанницъ особаго напряженія голоса и не соединялись-бы съ вредомъ для ихъ здоровья. Это постановленіе Совѣта должно имѣть значеніе и для дальнѣйшаго времени, такъ какъ случаи временной потери нѣкоторыми вос-

питанницами голоса, вслѣдствіе горловыхъ болѣзней, бывають почти каждый годъ.

3. Вслѣдствіе заявленія инспектора классовъ о томъ, что нѣкоторыя воспитанницы, по болѣзни, подали не всѣ срочныя домашнія письменныя упражненія (нѣкоторыя не подали по 3 сочиненія), почему въ концѣ года должны представиться большія затрудненія для вывода среднихъ балловъ по сочиненіямъ и, слѣдовательно, для вполне справедливой и точной оцѣнки знаній этихъ воспитанницъ по русскому языку, Совѣтъ училища, постановленіемъ своимъ отъ 17—28 марта 1883 года, опредѣлялъ назначить воспитанницамъ, не подавшимъ домашнихъ сочиненій до этого постановленія, въ виду окончанія сроковъ для подачи такихъ сочиненій, классныя экспромты. На дальнѣйшее-же время, въ виду важнаго значенія сочиненій для опредѣленія уровня умственнаго развитія воспитанницъ и знаній ихъ по русскому языку, для устраненія подобныхъ настоящему затрудненій и недоумѣній, Совѣтъ установилъ слѣдующія правила: въ день, назначенный для подачи каждаго сочиненія, воспитательницы должны доводить до свѣдѣнія начальницы училища о тѣхъ воспитанницахъ, которыя, по болѣзни или другимъ причинамъ, не подали даннаго сочиненія; начальница, если болѣзнь воспитанницы въ теченіе срока, назначеннаго для написанія извѣстнаго сочиненія, продолжалась не болѣе 5 дней, требуетъ отъ воспитанницы подачи сочиненія не далѣе такого-же количества дней по истеченіи срока подачи; если-же болѣзнь продолжалась болѣе 5 дней, то объ этомъ сообщаетъ инспектору классовъ, который назначаетъ воспитанницѣ, вмѣсто домашняго сочиненія, экспромтъ на тему, избранную для этого преподавателемъ, по предмету котораго не водано сочиненіе, и одобренную инспекторомъ классовъ.

4. Вслѣдствіе заявленія инспектора классовъ о томъ, что нѣкоторыя изъ воспитанницъ III класса, при удовлетворительныхъ устныхъ отвѣтахъ по русскому языку, представили письменныя упражненія въ теченіе года и на экзаменѣ крайне неудовлетворительныя по безсвязности и безграмотности, что даетъ право заключать, что эти воспитанницы недостаточно подготовлены къ переходу въ IV классъ, Совѣтъ училища, постановленіемъ своимъ отъ 27 мая 1883 года, опредѣлялъ въ виду первостепеннаго значенія письменныхъ упражненій для оцѣнки какъ умственнаго развитія воспитанницъ, такъ и основательности знанія или русской грамматики, воспитанницъ IV класса, представившихъ годовыя и экзаменное сочиненія, не удовлетворительныя по безсвязности и безграмотности, подвергать послѣ каникулъ переэкзаменовкѣ по сочиненію, хотя-бы онѣ имѣли удовлетворительныя годовыя и экзаменныя отвѣтки устныхъ отвѣтовъ по русскому языку; если-же такія воспитанницы и на переэкзаменовкѣ представятъ неудовлетворительныя письменныя работы, то оставлять ихъ въ III классѣ

на повторительный курсъ. Въстѣ съ тѣмъ Совѣтъ рѣшилъ впредь обращать строгое вниманіе и на письменныя упражненія воспитаницъ первыхъ двухъ классовъ, а для этого выставлятъ баллы этихъ упражненій въ классныхъ журналахъ отдѣльно и, при переводѣ воспитаницъ въ старшіе классы, придавать этимъ упражненіямъ значеніе на равнѣ съ отиѣтками устныхъ отвѣтовъ по русскому языку.

5. Вслѣдствіе заявленія начальницы училища о томъ, что многіе родители, не смотря на то, что ея заранѣе объявляется воспитаницамъ о времени отпуска на праздники Рождества Христова и Пасхи, являются за своими дѣтьми дня за два и болѣе до назначеннаго срока и настоятельно просятъ и почти требуютъ отпустить ихъ дѣтей немедленно, ссылаясь на то, что они не знали о времени окончанія ученія въ училищѣ, пріѣхали за сотни верстъ и не имѣютъ средствъ долго жить въ Харьковѣ, а иногда указывая даже на неправильное извѣщеніе ихъ дѣтьми о времени окончанія ученія, — Совѣтъ училища, постановленіемъ своимъ отъ 12 января 1883 года, назначивъ временемъ отпуска учащихся на праздники Пасхи 2 часа пополудни въ пятницу на 6-й недѣлѣ Великаго поста, просилъ разрѣшенія Преосвященнаго (которое и было дано) напечатать объ этомъ, для свѣдѣнія духовенства, въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, равно какъ и на будущее время предъ каждымъ праздникомъ извѣщать родителей этимъ же способомъ по крайней мѣрѣ за два мѣсяца впередъ о времени окончанія ученія предъ праздниками и обратной явки воспитаницъ въ училище послѣ праздниковъ.

6. Библіотеки: капиталная ученическая и при педагогической школѣ въ отчетномъ году значительно пополнены новыми книгами по спискамъ, представленнымъ преподавателями училища, рассмотрѣннымъ Совѣтомъ и утвержденнымъ Преосвященнымъ.

7. X Епархіальный Съѣздъ, бывшій въ 1881 году, утвердилъ представленіе Совѣта объ устройствѣ отдѣльнаго зданія для училищной больницы и ассигновать на устройство этого зданія всего 10,367 руб. Между тѣмъ по принятой послѣ Съѣзда Совѣтомъ, съ разрѣшенія Преосвященнаго, архитекторской смѣтѣ, составленной на основаніи требованій училищнаго врача, на эту постройку понадобилось денегъ гораздо болѣе, именно 19,825 руб. 31½ коп. Такъ какъ отдѣльное зданіе для больницы необходимо было устроить по возможности скорѣе въ виду тѣсноты нынѣшней больницы, находящейся въ училищномъ корпусѣ и не представляющей возможности размѣщать больныхъ заразительными болѣзнями въ отдѣльныхъ комнатахъ, а особенно въ виду весьма тѣснаго размѣщенія здоровыхъ воспитаницъ въ училищномъ корпусѣ, которое отчасти можно было устранить, выведши

больницу въ отдѣльное зданіе и воспользовавшись нынѣшнимъ ея помѣщеніемъ для дортуара: то Совѣтъ училища еще весною 1882 г. рѣшилъ отстроить нѣе больницы по крайней мѣрѣ вчерпѣ, а затѣмъ въ 1883 году заняться внутреннею его отдѣлкою. Планъ этотъ и былъ исполненъ, причемъ черновая постройка сдѣлана на деньги, ассигнованныя съѣздомъ, а внутреннюю отдѣлку нижняго этажа рѣшено произвести весною и лѣтомъ настоящаго года отчасти на остатокъ изъ ассигнованной Съѣздомъ суммы и поступившихъ на этотъ предметъ пожертвованій отъ разныхъ лицъ, отчасти на деньги, позайствованныя съ разрѣшенія Преосвященнаго изъ текущихъ училищныхъ суммъ. На это позайствованіе Совѣтъ рѣшился просить разрѣшенія Преосвященнаго вслѣдствіе доклада начальницы училища, заявившей, что ожидать окончанія зданія еще по крайней мѣрѣ два года,—такъ какъ очередной епархіальный съѣздъ будетъ только въ сентябрѣ 1884 года, а, слѣдовательно, еще въ теченіи двухъ лѣтъ допускать страшную скученность воспитанницъ въ училищномъ корпусѣ и большія неудобства при леченіи больныхъ,—было-бы крайне вредно и опасно для здоровья дѣтей. Отдѣлка нижняго этажа больничнаго зданія уже окончена и больныя въ него будутъ переведены въ нынѣшнемъ-же октябрѣ мѣсяцѣ и тогда-же въ теперешнемъ помѣщеніи больницы будетъ устроенъ дортуаръ.

V. Библиотека и физическій кабинетъ.

Въ училищѣ въ отчетномъ году было три библіотеки: а) фундаментальная, б) ученическая и в) библіотека при педагогической школѣ. Первою библіотекою завѣдывала старшая воспитательница Е. П. Попова, второю она же, какъ воспитательница VI класса, а третьею надзирательница педагогической школы.

а) Въ фундаментальной библіотекѣ къ 1 октября 1883 года числится 738 названій въ 1866 томахъ. Изъ этого числа въ отчетномъ году поступило въ библіотеку 17 названій въ 38 томахъ, изъ которыхъ на училищный счетъ приобрѣтено 14 названій въ 31 томѣ, 2 названія въ 6 томахъ пожертвованы Преосвященнымъ Іустиномъ, бывшимъ епископомъ Харьковскимъ и 1 названіе въ 1 томѣ передано изъ ученической библіотеки.

б) Въ ученической библіотекѣ къ 1 октября сего 1883 года числится 435 названій въ 1087 томахъ. Изъ этого общаго числа въ отчетномъ году поступило въ библіотеку 94 названія въ 169 томахъ, именно, 87 названій въ 155 томахъ приобрѣтены на училищный счетъ, 6 названій въ 13 томахъ пожертвованы бывшею начальницею училища А. В. Кушенъ и 1 названіе въ 1 книгѣ передано изъ фундаментальной библіотеки.

в) Въ библіотекѣ при педагогической школѣ къ 1 октября 1883 года состоитъ 163 названія книгъ въ 185 томахъ, изъ коихъ въ отчетномъ

году поступило 64 названія въ 72 томахъ. Всѣ приобрѣтены на училищный счетъ.

Кромѣ приобрѣтенія книгъ для пополненія фундаментальной, ученической и педагогической библиотекъ, Совѣтъ училища на 1883 годъ выпускаетъ слѣдующія періодическія изданія:

А. Для чтенія воспитанницамъ:

- аа) „Воскресное чтеніе“.
- бб) „Семейные вечера“.
- вв) „Семья и школа“ (Отдѣль для семейнаго чтенія).
- гг) „Дѣтское чтеніе“.
- дд) „Игрушечка“.
- ее) „Дѣтскій отдыхъ“.

Б. Для чтенія служащимъ въ училищѣ лицамъ:

- аа) „Церковный Вѣстникъ“ съ „Христіанскимъ чтеніемъ“.
- бб) „Православное Обзорніе“.
- вв) „Московскія Вѣдомости“.

В. Для канцеляріи:

- аа) „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“.
- бб) „Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости“ (присылаются редакціей безвозмездно).

Учебники и учебныя пособія давались воспитанницамъ всѣ отъ училища, а ими учащіяся были снабжены въ достаточномъ количествѣ, именно: учебники давались каждой воспитанницѣ, а учебныя пособія, смотря по надобности, по одному экземпляру на двухъ и, самое большее, на пять воспитанницъ.

Книги для чтенія воспитанницы четырехъ старшихъ классовъ получали изъ ученической библиотекы подъ свои росписки и отвѣтственность, а для воспитанницъ I и II классовъ брали книги, подъ свою росписку, воспитательницы этихъ классовъ. Въ теченіе отчетнаго учебнаго года взято было воспитанницами для чтенія 4558 книгъ, именно: воспитанницами I класса 128 книгъ, воспитанницами II класса 94 книги, воспитанницами III нормального класса 1014 книгъ, воспитанницами III параллельнаго класса 934 книги, воспитанницами IV класса 971 книга, воспитанницами V класса 853 книги, и воспитанницами VI класса 549 книгъ; кромѣ того, во время канікулъ оставшимися въ училищѣ взято для чтенія 15 книгъ. Въ 18^{81/82} учебномъ году книгъ для чтенія изъ библиотекы взято было

воспитанницами только 2597. Преимущество въ этомъ отношеніи отчетнаго учебнаго года зависѣло главнымъ образомъ оттого, что воспитанницы двухъ отдѣленій III класса брали книги изъ библіотеки лично, тогда какъ въ 18^{81,82} году, когда оба эти отдѣленія были во II классѣ, для нихъ брала книги воспитательница, свѣдома которой уже воспитанницы мѣнялись между собою книгами.

Физическій кабинетъ въ отчетномъ году не получилъ никакого прращенія, такъ какъ онъ и безъ того обладаетъ необходимыми приборами для произведенія опытовъ по физикѣ.

На библіотеку и учебныя пособія по смѣтѣ, утвержденной X Епархіальнымъ съѣздомъ въ сентябрѣ 1881 года, ассигновано 1429 руб. 68 коп. въ годъ, именно: а) на выписку періодическихъ изданій и книгъ для чтенія 466 руб., б) на учебники и учебныя принадлежности 913 р. 68 коп. и в) на библіотеку при педагогической школѣ 50 руб. въ годъ.

VI. Средства училища.

По смѣтѣ, утвержденной X Епархіальнымъ съѣздомъ на трехлѣтіе съ 1882--1884 годъ, училище на свое содержаніе должно получить 63,901 руб. 45³/₄ коп. Эта общая сумма слагается изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ училищнаго капитала	1332 р. 21 ¹ / ₂ к.
б) Доходъ отъ принадлежащей училищу части дома въ г. Харьковѣ	1053 „ 80 „
в) Изъ общепархіальныхъ средствъ	33,675 „ 52 „
г) Пожертвованія отъ монастырей и церквей	1200 „ — „
д) Пожертвованія отъ духовенства при полученіи наградъ.	696 „ 66 ¹ / ₂ „
е) 1 ⁰ / ₀ сбора съ жалованья духовенства	1538 „ 84 „
ж) Изъ кружекъ при чудотворныхъ иконахъ	97 „ 26 ¹ / ₄ „
з) Пансіонерскій взносъ	17,700 „ — „
и) За бланки для свидѣтельствъ на награды духовенству	96 „ 73 „
і) Отъ редакціи „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“	671 „ — „
к) За могильныя мѣста на нѣкоторыхъ кладбищахъ	251 „ 14 ¹ / ₂ „
л) Отъ училищной экономіи	88 „ 28 „
м) Отъ епархіальнаго свѣчнаго завода	5500 „ — „

Расходъ по содержанію училища тою же смѣтою опредѣленъ ежегодно въ 63,405 „ 76 „

Въ дѣйствительности, по 13 смѣтнымъ статьямъ въ 1882 экономическомъ году поступило 64,589 р. 87 коп. Расхода въ томъ-же году произведено на сумму 64,138 р. 88 коп.

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ *), равно какъ и расходъ по этой статьѣ, такъ какъ, на основаніи примѣчанія къ 80 § устава епархіальныхъ женскихъ училищъ, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю епархіальныхъ съѣздовъ.

VII. Дополнительныя свѣдѣнія.

а) Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ, отпразднованное торжественно во всей вѣрноподданной Россіи, отозвалось радостію и торжествомъ и въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. 16 мая совершены соборно-законоучителемъ, его помощникомъ и священникомъ сосѣдней кладбищенской церкви, литургія и молебенъ. Послѣ этого, чтобы ознаменовать этотъ день особеннымъ образомъ, воспитанницы училища, въ сопровожденіи п. д. начальницы училища, инспектора классовъ, дежурныхъ воспитательницъ и ихъ помощницъ отправились на прогулку въ ближайшую рощу. Вечеромъ на аллеѣ, ведущей отъ училищныхъ воротъ къ корпусу, устроена была иллюминація, при свѣтѣ которой воспитанницы долго гуляли, пѣли и рѣзвились. Кромѣ того, какъ въ этотъ день, такъ и въ слѣдующіе два дня, воспитанницамъ готовился улучшенный праздничный столъ и давались разныя лакомства.

б) Въ отчетномъ году училище удостоилось посѣщенія слѣдующихъ высокихъ лицъ. Преосвященный Іустинъ, бывшій епископъ Харьковскій и Ахтырскій, вскорѣ послѣ открытія ученія посѣтилъ училище, причемъ слушалъ уроки преподавателей. Затѣмъ 8 октября, незадолго до выѣзда своего изъ Харькова въ Каменецъ-Подольскъ, еще разъ былъ въ училищѣ, чтобы проститься съ нимъ. Благословивши служащихъ и воспитанницъ Озерянскою иконою Божіей Матери и раздавши на память о немъ всѣмъ воспитанницамъ VI класса по экземпляру Новаго Завѣта съ собственноручными надписями, Преосвященный кромѣ того, при этомъ-же случаѣ, пожертвовалъ въ пользу училища государственными 5%-ми банковыми билетами 500 руб., съ тѣмъ чтобы проценты съ этого капитала были употребляемы на разныя непредвидѣнныя училищныя нужды, по усмотрѣнію училищнаго Совѣта и съ утвержденія епархіальнаго Преосвященнаго.

Нынѣ правящій Харьковскою епархіею, Преосвященнѣйшій Амвросій посѣтилъ училище вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Харьковъ. 6 ноября, причемъ, въ сопровожденіи училищнаго начальства, обошелъ и осмотрѣлъ всѣ

*) Французскому языку въ отчетномъ году обучались 102 воспитанницы, въ томъ числѣ 45 сиротъ бесплатно; музыкѣ обучались 151 воспитанница, въ томъ числѣ 30 сиротъ бесплатно; рисованію обучалось 28 воспитанницъ, въ томъ числѣ 8 сиротъ бесплатно. За обученіе французскому языку взносится по 10 руб. въ годъ, за обученіе музыкѣ по 25 р. и за обученіе рисованію по 5 руб. въ годъ съ каждой воспитанницы.

училищныя помѣщенія. 4 декабря, въ день храмоваго училищнаго праздника, Его Преосвященство совершилъ въ училищной церкви литургію и молебенъ и произнесъ назидательное поученіе дѣтямъ. 12-го мая Его Преосвященство посѣтилъ экзаменъ по Закону Божию въ VI-мъ классѣ училища. Наконецъ, 10 іюня владыка, по случаю выпуска окончивавшихъ курсъ ученія, опять совершилъ литургію и молебенъ, въ концѣ которой напутствовалъ окончивавшихъ курсъ архипастырскимъ словомъ, и удостоилъ своимъ присутствіемъ училищный актъ, причемъ раздалъ всеѣмъ окончившимъ курсъ аттестаты и Евангелія.

Училищный актъ удостоили своимъ присутствіемъ и другія почетныя лица, именно: Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Геннадій, епископъ Сумскій, Его Превосходительство, начальникъ Харьковской губерніи, начальница и инспекторъ классовъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ.

в) Ревизіи со стороны членовъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ въ отчетномъ году училище не подвергалось.

и г) Пожертвованія на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили отъ слѣдующихъ лицъ:

аа) Нѣкоторые изъ монастырей и церквей по прежнему давали средства на содержаніе въ училищѣ сиротъ. Такъ, на средства Святогорскаго мужскаго монастыря въ отчетномъ году въ училищѣ содержалось 5 сиротъ, на средства Ахтырскаго мужскаго монастыря 2 сироты, на средства Николаевскаго (Стрѣлеченскаго) женскаго монастыря 2 сироты и на средства Харьковской Усѣкновенской кладбищенской церкви 3 сироты.

бб) Преосвященный Іустинъ, бывшій епископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ отчетномъ году пожертвовалъ 300 р. на содержаніе въ училищѣ четырехъ сиротъ, 50 руб. на постройку училищной больницы, 500 руб. билетовъ для употребленія процентовъ съ нихъ на непредвидѣнныя училищныя нужды, Озерянскую икону Божіей Матери въ серебрянной позлащенной ризѣ, 31 экземпляръ Новаго Завѣта для раздачи воспитанницамъ VI класса, 25 р. на стипендію имени умершей въ 1882 году учительницы училища, Е. А. Лей, и 2 названія въ 6 томахъ книгъ для бібліотеки училища.

вв) Попечительница училища, А. В. Гордѣенко, пожертвовала атласъ и весь прикладъ для постройки стихаря въ училищную церковь, наградныя книги для выпускныхъ воспитанницъ на 18 р. 60 к. и неоднократно присылала дѣтямъ разныя лакомства.

гг) Членами училищнаго Совѣта, преподавателями и другими служащими въ училищѣ лицами пожертвовано: 161 р., на стипендію имени бывшей учительницы въ училищѣ, Е. А. Лей, и 9 р. 71 к. на устройство елки для воспитанницъ.

дд) Бывшею начальницею училища, А. В. Кушень, пожертвовано 6 названій въ 13 томахъ книгъ для ученической бібліотеки.

ее) Законоучителемъ, священникомъ Н. Онисевичемъ, пожертвовано 10 руб. на ученическую бібліотеку и 40 руб. одновременно на устройство елки и на лакомства дѣтямъ въ великіе праздники.

жж) Помощникомъ законоучителя, священникомъ Г. Волобуевымъ, пожертвовано 47 руб. на елку.

зз) Воспитанницами училища внесено 9 руб. 15 к. на стипендію имени Е. А. Лей.

Всего, такимъ образомъ, за исключеніемъ разныхъ предметовъ натурою, денежныхъ пожертвованій въ отчетномъ году училище получило 2370 р. 46 коп.

Отъ Правленія Купянскаго Духовнаго Училища.

Сѣзду духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющему собраться 6 іюня настоящаго 1884 г., имѣютъ быть предложены правленіемъ Купянскаго духовнаго училища на разсмотрѣніе и обсужденіе слѣдующіе предметы:

1) Разсмотрѣніе журналовъ предыдущаго сѣзда и заслушаніе резолюцій Его Преосвященства, послѣдовавшихъ на его журналахъ.

2) Разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ на 1885 годъ.

3) Разсмотрѣніе дополнительной смѣты расхода на настоящій 1884 годъ.

4) Разсмотрѣніе вѣдочныхъ вѣдомостей за прошлый 1883 годъ.

5) Разсмотрѣніе отчета о приходѣ и расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, по содержанію училища за 1882 годъ, а также журналовъ ревизіоннаго комитета по повѣркѣ означеннаго отчета, на основаніи распоряженія Св. Синода, припечатаннаго въ 24 № „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1882 г.

и 6) Избраніе членовъ ревизіоннаго комитета на будущій 1885 годъ на томъ же основаніи.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Бракосочетаніе Великаго Князя Константина Константиновича съ Принцессою Саксенъ-Альтенбургскою Елизаветою Маврикіевною.— Учрежденіе въ Полтавской епархіи викарной епископской кафедрѣ.— Годичное общее собраніе членовъ общества распространенія Св. Писанія въ Россіи.— Открытіе памятника Императору Александру II въ московскомъ окружномъ судѣ.— Библиографическая замѣтка.— Народныя читальни.— Значеніе крестьянскаго земельного банка.— Переуступка крестьянскихъ земель.— Опытъ разведенія сорго для винокуренія.— Пользованіе оспы.— Ловушка для истребленія овражковъ.

Бракосочетаніе Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Константиновича, съ Ея Герцогскимъ Высочествомъ Принцессою Елизаветою Альтенбургскою, Герцогиней Саксонскою, совершилось согласно установленному церемоніалу, благопріятствующее яснымъ, солнечнымъ весеннимъ днемъ, 15 апрѣля.

Съѣздъ во дворцѣ былъ громаднѣйшій. Залы Александровская, Концертная, Николаевская, Малый аванзалъ, Гербовый и Фельдмаршальскій залы, залитые огнемъ весенняго солнца, блистали, въ полномъ смыслѣ слова, цѣлымъ потокомъ брилліантовъ на дамахъ и золотомъ и серебромъ мундировъ и орденовъ. Блескъ солнца много усиливался игрою въ хрустальныхъ люстръ и вазъ, украшающихъ хоромы Русскаго Императора.

Согласно церемоніалу, шествіе въ придворный соборъ, въ которомъ должно было совершиться бракосочетаніе по обряду православной Церкви, протянулось длиною яркою лентою вдоль безконечныхъ шпалеръ военнаго и гражданскаго персонала, почтительно кланявшихся проходившимъ мимо Высочайшимъ Особамъ.

Обрядъ бракосочетанія совершенъ былъ соборно духовникомъ Ихъ Величествъ, протопресвитеромъ Янышевымъ. На Высоконареченной Невѣстѣ была корона и бархатная, темномалиноваго цвѣта, подложенная горностаемъ, мантия. Вѣнцы надъ вѣнчаемыми держали Ихъ Императорскіе Высочества Великіе Князья Сергій Александровичъ, Димитрій Константиновичъ, Петръ Николаевичъ и Георгій Михайловичъ и Ихъ Герцогскіе Высочества, принцы Саксенъ-Мейнингенскіе, герцоги Саксонскіе.

По окончаніи обряда вѣнчанія въ соборѣ, молебна, отслуженнаго высокопреосвященнымъ митрополитомъ, и принесенія поздравленія, Ихъ Величества, съ Императорскою Фамиліею и Августѣйшими гостями перешли въ Александровскую залу, гдѣ устроенъ былъ алтарь для совершенія бракосочетанія по обряду евангелическо-лютеранской церкви. Передъ алтаремъ, устроеннымъ на возвыше-

ни и обставленномъ цвѣтами, помѣщались два кресла для Высокобракосочетавшихся. Для Августѣйшихъ членовъ Императорской Семьи поставлены были стулья; на таковыхъ-же размѣстились: дипломатическій корпусъ справа, члены Государственнаго Совѣта налѣво. Обрядъ бракосочетанія совершали пасторъ церкви св. Петра Финдейзенъ съ двумя ассистентами, послѣ чего Высочайшія Особы, принявъ поздравленіе, возвратились во внутренніе покои.

Въ 5 часовъ пополудни въ Николаевскомъ залѣ состоялся обѣденный столъ для обоюго пола особъ первыхъ трехъ классовъ. Столъ былъ поставленъ покоемъ и еще столъ по срединѣ и роскошно убранъ золотыми поставцами; рядки живыхъ цвѣтовъ были подняты между ними. Особеннымъ блескомъ убранства отличалась та часть стола, за которой размѣстились Особы Императорской Фамиліи. Съ этой-же стороны, образуя сплошную золотую стѣнку, видѣлись золотые мундиры придворныхъ чиновъ, назначенныхъ служить Высочайшимъ Особамъ, и блистали своими золотыми оглавіями гофмаршальскій и церемоніймейстерскій жезлы.

Въ залитой солнечнымъ блескомъ залѣ раздавались звуки оркестра и хоровъ русской оперы и лучшіе голоса солистовъ. При заздравницахъ съ крѣпости раздавались пушечные выстрѣлы.

На меню обѣда красовалось изображеніе набережной Невы, отъ Мраморнаго дворца вдоль по направленію къ Васильевскому острову, рисунокъ работы Лагоріо.

Программа музыкальнаго исполненія началась съ увертюры „Риенци“ Вагнера и заздравнаго хора изъ „Русалки“ Даргомыжскаго, закончилась секстетомъ изъ финала „Аиды“ Верди и польскимъ „Жизни за Царя“ Глинки.

По окончаніи роскошнаго обѣда Высочайшія Особы послѣдовали во внутренніе покои.

Вечеромъ въ Георгіевской залѣ Зимняго дворца состоялся балъ. Въ назначенное время Государь и Государыня, за которыми слѣдовали прочіе члены Императорской Семьи и Августѣйшіе гости, подъ звуки народнаго гимна вошли въ залъ, освѣщенный всѣми огнями и обставленный зеленью. Полонезъ былъ открытъ оберъ-церемоніймейстеромъ, княземъ Долгоруковымъ съ оберъ-гофмейстериной Ея Величества, статсъ-дамой княгинею Кочубей. Полонезовъ было шесть.

По окончаніи бала слѣдовало отбытіе въ Мраморный дворецъ. Предшествуемые эскадрономъ Собственнаго Его Величества конвой, двинулись, уже во мракѣ ночи, золоченые придворные фаэтоны и

кареты. Въ четвертомъ экипажѣ ѣхалъ оберъ - церемоніймейстеръ князь Долгоруковъ, въ пятомъ — старѣйшіе чины Двора, въ шестомъ — гофмаршалъ князь Оболенскій, въ седьмомъ — первые чины Двора: оберъ-шенкъ Гротъ и оберъ-егермейстеръ князь Голицынъ, въ восьмомъ — оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, въ девятой каретѣ, запряженной восемью бѣлыми лошадьми, слѣдовали Ихъ Величества и Высоконовообрачные. Затѣмъ шли одна за другою кареты съ другими Особами Царской Семьи, шестіе замыкалъ эскадронъ коннаго полка съ обнаженными палашами. Набережная сіяла иллюминаціонными сгнями подъ глубокою теменью звѣзднаго неба.

Во дворѣ Мраморнаго дворца отъ подъѣзда протянута была временная галлерей, роскошно драпированная краснымъ сукномъ и растеніями и залитая электрическимъ свѣтомъ. Придворные чины ожидали прибытія Царскаго Семейства у подъѣзда и стояли вдоль галлерей. Во дворецъ на лѣстницу направились по-парно. Наверху лѣстницы Высоконовообрачныхъ встрѣтили съ образами и хлѣбомъ-солью Августѣйшіе хозяева дворца, Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Іосифовна. Послѣ благословенія молодыхъ, Царская Семья послѣдовала во вн утренніе апартаменты. („Нов. Вр.“).

— Государь Императоръ, 31-го марта сего года, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода объ учрежденіи въ Полтавской епархіи викарной епископской каѳедры на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) викарію Полтавской епархіи именоваться епископомъ Прилукскимъ, а мѣстопробываніе имѣть въ находящемся въ городѣ Полтавѣ второклассномъ Крестовоздвиженскомъ мужскомъ монастырѣ, въ который назначить его настоятелемъ; 2) на содержаніе викарія Полтавской епархіи, въ дополненіе къ тому, какое онъ будетъ получать отъ Крестовоздвиженскаго монастыря по званію настоятеля, назначить ему изъ неокладной суммы полтавскаго архіерейскаго дома 1,000 рублей; 3) снабдить изъ ризницы Полтавскаго каѳедральнаго собора необходимыми облаченіями и принадлежностями для служенія викарія въ Крестовоздвиженскомъ полтавскомъ монастырѣ; 4) предоставить викарію при служеніяхъ его въ Каѳедральномъ полтавскомъ соборѣ пользоваться находящимися тамъ архіерейскими иподіаконами и пѣвческимъ хоромъ.

— 19-го апрѣля въ залѣ Морскаго музея состоялось общее годовое собраніе членовъ общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи. Собраніе, по принятому въ этомъ обществѣ обычаю, было

открыто молитвою и чтеніемъ главы изъ Евангелія, послѣ чего предсѣдатель представилъ собранію краткій отчетъ о дѣятельности общества за минувшій 1883 г. Прошлый годъ былъ особенно благопріятенъ для общества; въ теченіе его было распространено болѣе 90,000 экземпляровъ книгъ Св. Писанія, считая въ томъ числѣ 8,786 экземпляровъ, стоящихъ около 1,000 р. и розданныхъ безвозмездно. За все время существованія общества имъ распространено 901,000 экземпляровъ книгъ Св. Писанія. Отчетный годъ былъ также настолько благопріятенъ и въ финансовомъ отношеніи, что закончился не только безъ дефицита, но даже съ остаткомъ въ 733 р. Приходъ общества, благодаря субсидіи Американскаго библейскаго общества въ 9,000 руб., составилъ въ прошломъ году 16,774 руб., и расходъ 16,041 р. Къ 1 января 1884 г. общество располагало капиталомъ, деньгами и книгами въ 15,105 р. и состояло должнымъ 10,929 р.

— 23-го апрѣля, въ круглой Екатерининской залѣ зданія московскихъ судебныхъ установленій происходило торжество открытія памятника въ Бозѣ почившему Императору Александру Николаевичу. Средства для созданія этого памятника собраны были по подпискѣ между московскими чинами судебного вѣдомства и присяжными повѣренными Московскаго округа, открытой тотчасъ-же послѣ кончины Царя-Мученика въ мартѣ 1881 года.

Памятникъ сдѣланъ изъ мрамора; работалъ его въ теченіи двухъ лѣтъ въ Венеціи профессоръ Россійской Императорской академіи художествъ М. Поповъ, подъ наблюденіемъ коего онъ доставленъ былъ изъ Венеціи въ Москву прошлою зимою и поставленъ въ специально для этого приготовленной, на срединѣ лѣвой стороны залы, куполообразной нишѣ, стѣны коей отдѣланы подъ мраморъ желтаго цвѣта. Памятникъ состоитъ изъ пьедестала въ видѣ площадокъ съ четырьмя ступенями и цилиндрической колонны, сдѣланныхъ изъ сѣраго мрамора, и имѣющихъ 5 аршинъ вышины и изваянія покойнаго Государя во весь ростъ изъ бѣлаго мрамора; изваяніе это имѣетъ 4½ аршина вышины, такъ что весь памятникъ съ пьедесталомъ имѣетъ вышины 9½ аршинъ. Покойный Государь, съ замѣчательнымъ сохраненіемъ портретнаго сходства, изваянъ во весь ростъ въ обще-генеральскомъ скруткѣ, съ Андреевскою звѣздой на лѣвой сторонѣ груди, орденомъ pour le merite на шеѣ и орденомъ Св. Георгія Побѣдоносца въ петлицѣ; смотря впередъ, Государь лѣвою рукою опирается на колонку изъ бѣлаго-же мрамора, покрытую салфеткой, на которой лежатъ четыре книги законовъ,

изъ-подъ коихъ впередъ спускается край хартіи со словами: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. На колоннѣ сѣраго мрамора, на коей стоитъ это изваяніе, надписъ золотыми буквами: „Царю-законодателю Московскія судебныя установленія. 23 апрѣля 1884 года“. Общая стоимость памятника съ работой 17 тысячъ рублей.

Изъ Петербурга прибыли къ этому торжеству и присутствовали министръ юстиціи статсъ-секретарь Д. Н. Набоковъ и членъ Государственнаго Совѣта сенаторъ Н. И. Стояновскій.

Въ часъ прибылъ преосвященный Алексій, епископъ Дмитровскій, викарій Московскій, коимъ въ сослуженіи четырехъ протоіереевъ и совершенно было благодарственное молебствіе съ водосвятиемъ, по окончаніи коего было провозглашено многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и Государю Наслѣднику Цесаревичу, и затѣмъ *вѣчная память* въ Божѣ почившему благовѣрному Государю Императору Александру Николаевичу. При мелодичномъ исполненіи хоромъ синодальныхъ пѣвчихъ троекратно *Вѣчная память*, которую слухали всѣ въ колѣнопреклоненіи, стала опускаться медленно бархатная малиновая завѣса, закрывавшая доколѣ памятникъ, украшенный массой растеній.

Затѣмъ старшимъ предсѣдателемъ палаты, сенаторомъ А. Н. Шаховымъ, сказана была рѣчь.

По исполненіи хоромъ пѣвчихъ народнаго гимна и осмотрѣ памятника, министръ, въ сопровожденіи пріѣхавшаго съ нимъ члена Государственнаго Совѣта Стояновскаго и всѣхъ присутствовавшихъ при торжествѣ высокопоставленныхъ лицъ, осматривалъ различныя помѣщенія и залы зданія судебныхъ установленій. („М. В.“).

— Между неблагопріятными условіями, какими до сихъ поръ обставлено у насъ народное обученіе, одно изъ самыхъ существенныхъ—недостатокъ книгъ для чтенія, доступныхъ уровню школьнаго образованія. Недостатокъ этотъ тѣмъ ощутительнѣе, что немногія дѣйствительно полезныя книги для народнаго чтенія теряются въ массѣ бездарныхъ, нелѣпыхъ, еще въ большей массѣ посредственныхъ изданій, предпринятыхъ изъ чисто спекулятивныхъ видовъ. Народные учителя и составители школьныхъ и народныхъ бібліотекъ должны затратить много труда и средствъ, обыкновенно очень скудныхъ, прежде чѣмъ удастся имъ составить сколько-нибудь удовлетворительную коллекцію книгъ, предназначенныхъ для дополненія и продолженія школьнаго обученія. Для нихъ до сихъ поръ не существовало систематическаго указателя, которымъ можно руковод-

ствоваться при выборѣ печатнаго матеріала для народнаго чтенія. Составленіе подобнаго указателя представляетъ почтенный трудъ, отвѣчающій одной изъ важнѣйшихъ потребностей современной народной школы. Опытъ такого труда, и притомъ опытъ добросовѣстный и удачный, предпринять въ Харьковѣ учительницами женской воскресной школы и результатомъ явился, только что вышедшій изъ печати, обширный томъ подъ заглавіемъ: „Что читать народу?“ Не имѣя намѣренія дѣлать полную оцѣнку этой обширной книги послѣ бѣлаго обзора ея, мы желали-бы обратить на нее вниманіе лицъ, близко стоящихъ къ народному образованію, и педагогической критики, которая найдетъ въ ней матеріалъ для драгоцѣнныхъ, быть можетъ, сужденій.

Покойный баронъ Корфъ, посвятившій много лѣтъ своей жизни народному образованію, бывая въ Харьковѣ, никогда не миновалъ женской ремесленной школы, о которой въ различныхъ періодическихъ издачіяхъ онъ помѣстилъ нѣсколько самыхъ сочувственныхъ отзывовъ. Онъ ставилъ Харьковскую воскресную школу въ примѣръ того, какъ много можетъ сдѣлать для народнаго образованія частная инициатива, проникнутая любовью и преданностію къ дѣлу. И теперь выпускомъ указателя „Что читать народу“ Харьковская воскресная школа оказала важную услугу, добровольную, сопряженную съ затратою не только труда, но и матеріальныхъ средствъ *).

Въ „указателѣ“ приведены краткое изложеніе содержанія и критическая оцѣнка 1007 книгъ по отдѣламъ: духовно-нравственному, литературному, естествознанію, исторіи, біографіи, географіи и путешествій, земскаго дѣла и народнаго хозяйства. Кромѣ изложенія содержанія, дающаго довольно полное понятіе о разбираемой книгѣ, и критической оцѣнки ея, часто приводятся отзывы и отвѣты учениковъ, прочитавшихъ книгу. За этими отзывами учащихъ можно признать большое педагогическое значеніе, такъ какъ они наглядно показываютъ, какаа изъ книгъ и для какого возраста наиболѣе пригодна. Отзывы учащихъ приведены изъ школьныхъ дневниковъ, которые велись учительницами, записавшими въ нихъ наиболѣе выдающіеся отвѣты учащихъ при устномъ пересказѣ ими содержанія книгъ. Есть и письменные отзывы учениковъ, доставленные изъ одно-класснаго училища въ сел. Наумовкѣ Бѣлгородскаго уѣзда, изъ вечерней школы для взрослыхъ поселянъ того-же села и изъ Алексѣевской школы Славяносербскаго уѣзда. Относительно устныхъ отзы-

*) Сравнительно съ объемомъ, книгъ назначена небольшая цѣна, и издана она очень опрѣтно.

вовъ ученицъ воскресной школы можно замѣтить, что въ „указатель“ приведено ихъ слишкомъ много и что можно было-бы ограничиться наиболѣе характерными изъ нихъ, отчего нѣсколько сократился-бы объемъ книги безъ большаго ущерба для содержанія. При каждомъ обзорѣ книгъ приводятся вопросы, по которымъ лицо, дающее книгу для прочтенія, можетъ провѣрить, насколько она понята прочитавшимъ ее; постановка такихъ вопросовъ имѣетъ цѣлью облегчить трудъ учителя, который, при большомъ числѣ учениковъ и дѣтскихъ книгъ, не всегда можетъ чувствовать себя настолько неутомимымъ, чтобы сразу привести на память содержаніе книги и извлечь изъ него рядъ вопросовъ.

Ограничиваясь пока этой замѣткой, высказываемъ увѣренность, что изданіе учительницъ Харьковской воскресной школы сдѣлается полезной настольной книгой для учителей народныхъ школъ и завѣдующихъ школьными библіотеками. Но оно можетъ принести существенную пользу и въ семьѣ, облегчая труды родителей въ выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія. („Хар. Губ. Вѣд.“)

— Если наши народныя земскія школы до сихъ поръ не дали тѣхъ результатовъ, которые отъ нихъ требуются, т. е. широкаго распространенія въ народѣ грамотности, то виновата въ этомъ, главнымъ образомъ, не самая постановка школьнаго дѣла, а то обстоятельство, что крестьянинъ, выучившись грамотѣ въ школѣ, впоследствии, безъ упражненія, утрачиваетъ эти познанія. Въ этихъ видахъ, проектировалось, какъ извѣстно, учрежденіе повторительныхъ школъ, но до сихъ поръ вопросъ объ этомъ остается открытымъ. Но есть еще другое средство доставить крестьянамъ возможность не только не утратить приобрѣтенныхъ ими познаній въ школѣ, но, напротивъ, самостоятельнымъ чтеніемъ дополнить тотъ небольшой запасъ знаній, который имъ даетъ школа. Мы говоримъ о народныхъ читальняхъ, устроенныхъ многими земствами. Въ „Руск. Кур.“ находимъ интересныя свѣдѣнія по этому предмету.

„Большинство уѣздныхъ земствъ въ Россіи или сами устроили, или даютъ субсидію публичнымъ библіотекамъ въ городахъ. Нолинское уѣздное земство, Вятской губерніи, въ 1876 году рѣшило открыть при публичной библіотекѣ читальный залъ. Ветлужское—Костромской губерніи, въ томъ же году учредило при школахъ библіотеки для крестьянъ и поручило управѣ выработать правила для нихъ. Порховское уѣздное земство въ 1876 году отпустило 100 руб. на открытіе при нѣкоторыхъ училищахъ библіотекъ. Псковское уѣздное земское собраніе 1876 года рѣшило учредить при земскихъ школахъ библіотеки и на 22 биб-

ліотеки отпустило единовременно 330 руб. и ежегодно 660 рублей. Бердянское земство, Таврической губерніи, тѣ томъ-же году рѣшило вносить на каждую школу въ теченіи 5 лѣтъ по 14 рублей для образованія библиотекъ. Изъ доклада уѣздной земской управы Яранскому, Вятской губерніи, собранію 1877 года мы узнаемъ, что въ уѣздѣ существовали уже центральныя библиотеки, имѣвшія цѣлью доставить чтеніе мѣстнымъ крестьянамъ. Осинское, Пермской губерніи, уѣздное земство въ 1877 г. проектировало открытіе читаленъ при 14 народныхъ училищахъ. Читальнями этими должны были пользоваться мѣстные жители въ праздничные дни и въ будни по вечерамъ. Разрѣшены были эти читальни съ двумя ограничительными условіями: 1) чтобы въ нихъ не было книгъ, неодобренныхъ министерствомъ (вѣроятно, народнаго просвѣщенія), и 2) чтобы инспекторъ народныхъ училищъ строго наблюдалъ за выпиской книгъ. Въ 1878 году учредили народныя читальни и библиотеки земства: Мензелинское, Уфимской губерніи, Слободское—Вятской, Суджанское—Курской, Нижегородское и Московское уѣздныя земства. Больше другихъ устройствомъ народныхъ читаленъ занималось Херсонское уѣздное земство. Въ 1877 году въ Херсонскомъ уѣздѣ были открыты 20 народныхъ читаленъ. Каждая читальня была снабжена 300 книгами преимущественно религіозно-нравственнаго и историческаго содержанія. Въ 1878 году открыты еще 4 читальни. Дѣло пошло столь успѣшно, что управа въ своемъ докладѣ собранію 1878 г. говоритъ: „послѣ полуторагодоваго существованія читаленъ не остается никакого сомнѣнія въ ихъ полезности и въ сочувственномъ отношеніи къ нимъ грамотнаго населенія уѣзда; что видно по тому числу книгъ, которое взято изъ читаленъ за этотъ незначительный періодъ времени. Такъ въ Архангельской школѣ въ теченіи 10 мѣсяцевъ прочитано 580 книгъ, въ Александровской въ теченіи 15 мѣсяцевъ 1,860 книгъ, въ Засельской за то-же время—512 книгъ, въ Никольской—1,095 и т. д. Въ 1879 году въ 24 читальняхъ было прочтено книгъ 8,498. Собраніе 1878 года рѣшило распространить эту полезную мѣру и на остальные пять школъ, при которыхъ не было народныхъ читаленъ.

Что у нашего народа образовалась привычка къ чтенію—это видно изъ того, какъ прибыльно ведется торговля различными, такъ называемыми, лубочными изданіями, которыя, за неимѣніемъ лучшаго матеріала для чтенія, охотно покупаются крестьянами; но эти изданія отрицательнаго достоинства и, само собою, ни одна народ-

ная читальня, правильно организованная и подъ извѣстнымъ контролемъ, не будутъ предлагать своимъ читателямъ такого непригоднаго матеріала, какъ разные „Францили“, „Георги“ и прочія издѣлія Манухиныхъ, Леухиныхъ и т. п.

— „Сельскій Вѣстникъ“, разъясняя крестьянамъ значеніе крестьянскаго земельного банка, между прочимъ, говоритъ:

„Правительство желаетъ, чтобы возросло благосостояніе крестьянъ и увеличивалось ихъ землевладѣніе, но не въ ущербъ частному хозяйству; этому оно желаетъ содѣйствовать, открывъ крестьянскій банкъ для помощи въ сдѣлкахъ по пріобрѣтенію крестьянами земель. Но оно вовсе не желаетъ, чтобы гдѣ-нибудь совсѣмъ исчезло частное землевладѣніе и хозяйство. Поэтому хотя правительство нисколько не препятствуетъ всякому землевладѣльцу продавать крестьянамъ всю свою землю или только часть ея, но зато ужъ никакъ оно не можетъ устанавливать правила, чтобы такая продажа была обязательна для владѣльцевъ“.

— Столичные газеты сообщали на-дняхъ, что въ правительственныхъ сферахъ проектируется воспретить крестьянамъ продажу своихъ надѣльных земельных участковъ лицамъ, не принадлежащимъ къ составу крестьянскихъ обществъ. Въ дополненіе къ этому сообщаютъ теперь, что переуступка крестьянскихъ земель лицамъ, не принадлежащимъ къ сельскимъ обществамъ, будетъ допущена лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) Если лица, пріобрѣтающія крестьянскіе участки, обяжутся вступить въ составъ сельскаго Общества и если со стороны послѣдняго послѣдуетъ согласіе на принятіе въ свою среду. 2) Продажа крестьянской земли лицамъ, не входящимъ въ составъ сельскаго общества будетъ допускаться въ томъ случаѣ, если пріобрѣтатель на покупаемой землѣ намѣревается построить заводъ, фабрику или другое промышленное заведеніе, отъ которыхъ ожидается выгода для мѣстнаго населенія. 3) Въ вышеуказанныхъ двухъ случаяхъ продажа будетъ допускаться не иначе, какъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: а) право отчужденія земли представляется лишь дѣльмъ обществамъ по приговорамъ сельскихъ сходовъ, составленнымъ большинствомъ $\frac{2}{3}$ всѣхъ членовъ, имѣющихъ право голоса; б) приговоры сходовъ будутъ свидѣтельствоваться непремѣнными членами уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, причемъ послѣдніе обязаны будутъ провѣрить на мѣстѣ, дѣйствительно ли эти приговоры составлены съ согласія большинства членовъ сельскаго схода, а равно и убѣдиться въ томъ, что отчужденіе земли представляетъ несомнѣнную

матеріальныя выгоды для крестьянъ. 4) Приговоры сельскихъ обществъ объ отчужденіи участковъ земли будутъ представляться на разсмотрѣніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и съ заключеніемъ послѣдняго будутъ представляться на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ. 5) Въ купчей крѣпости, совершаемой на продаваемую крестьянскую землю, должны быть обозначены и переименованы тѣ заводы, фабрики и промышленныя заведенія, для сооруженія которыхъ земля приобрѣтается, и срокъ для ихъ постройки. 6) До исполненія этого условія, т. е. до сооруженія фабрики или завода губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе обязано наложить запрещеніе на проданную землю. 7) Деньги за отчуждаемая, такимъ образомъ, земли должны удерживаться при самомъ совершеніи купчей крѣпости мѣстомъ, ее совершающимъ, и отсылаться въ мѣстное губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, причемъ если долгъ сельскаго общества правительству по выкупной ссудѣ еще не уплаченъ, то вырученная отъ продажи сумма должна поступить въ погашеніе долга. Вышеприведенныя новыя правила объ отчужденіи крестьянской земли, какъ „Р. В.“ сообщаютъ, поступили уже на разсмотрѣніе и утвержденіе Государственнаго Совѣта въ законодательномъ порядкѣ.

— Въ сельско-хозяйственной практикѣ въ нынѣшнемъ году производится опытъ разведенія сорго на винокуреніе, при чемъ добывать вино предполагается главнымъ образомъ исключительно изъ сѣмянъ сорго. Посѣвъ съ этою цѣлью произведенъ въ имѣніи г. Флота, Харьковскаго уѣзда, г. Мазараки, Роменскаго уѣзда (25 дес.), и предполагается произвести въ имѣніи кн. Святополкъ-Мірскаго, близъ Люботина. По изслѣдованію проф. Зайкевича, пудъ сѣмянъ сорго можетъ дать 38 градусовъ спирта. Съ десятины можно получить среднимъ числомъ до 200 пудовъ сѣмянъ сорго, такъ что винокуреніе изъ этого продукта будетъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ изъ картофеля, въ особенности въ виду того, что обѣмненіе десятины сорго обходится не болѣе 4-хъ руб., и стебли могутъ дать патоку или идти на кормъ скота. Во всякомъ случаѣ производящійся опытъ съ сорго представляетъ интересъ для мѣстной сельской промышленности.

— Одинъ изъ старѣйшихъ врачей, практикующихъ въ Тифлисѣ, доставилъ „Кавк.“ замѣтку о его способѣ пользованія больныхъ оспою. Онъ проситъ обратить на него вниманіе врачей и читателей и утверждаетъ, что, не смотря на его простоту, методъ этотъ

всегда достигаетъ благопріятныхъ результатовъ. Вотъ эта замѣтка:

„Желая принести посильную пользу больнымъ оспою, мы рѣшаемся предложить слѣдующій способъ леченія. Слѣдуетъ взять одинъ лотъ очищенной карболовой кислоты и полфунта возможно чистаго свѣжаго льнянаго масла и этимъ составомъ смазывать лицо больного, пораженнаго оспою. Дѣлать это слѣдуетъ три раза въ день, другія-же части тѣла, гдѣ только находятся оспенные папулы, можно мазать два раза въ день. Въ тоже время давать по 2 грана хинина въ растворѣ три раза въ день и для питья вообще кислотаватые напитки, всего лучше воду, подкисленную соляною кислотою.

Такое леченіе настойчиво продолжать въ теченіи 9 дней и болѣе, пока подсохнутъ оспенные прыщи и упадетъ температура. Весь успѣхъ зависитъ отъ того, чтобы оспенные прыщи какъ можно скорѣе пришли къ періоду подсыхания; иначе прыщи, наполнившись матеріею, проѣдаютъ верхній слой кожи и тогда рябины и обезображеніе лица неизбежны.

Ухаживающіе за оспенными не должны опасаться заразы. Излишнія опасенія вредятъ больному и успѣху леченія, потому что оспенные больные требуютъ тщательнаго ухода.

— Для истребленія овражковъ, выплотившихся въ нынѣшнемъ году во многихъ мѣстностяхъ южной Россіи въ огромномъ числѣ, придумана въ Харьковѣ ловушка, замѣчательная своею простотою и дешевизной. Она состоитъ изъ трубки изъ листоваго желѣза, которая вкладывается въ нору овражка; внутрь трубки загнуты острия нарѣзки желѣза, расположенныя такимъ образомъ, что овражекъ и при входѣ и при выходѣ изъ норы задерживается въ трубкѣ. Изъ пуда листоваго желѣза можно приготовить около 200 такихъ ловушекъ, стоимостью въ 3, 4 коп. каждая, причемъ одна и таже ловушка можетъ служить долгое время. Первые опыты показали пригодность этого нехитраго инструмента; для дальнѣйшихъ же опытовъ ловушки рассылаются управляющимъ харьковскимъ сельско-хозяйственнымъ бюро г. Ященкомъ шести южно-русскимъ губернскимъ земскимъ управамъ. Никакой привилегіи на ловушки изобрѣтатель не беретъ.

ОПЕЧАТКИ. Въ 1-й апрѣльской книжкѣ въ статьѣ „Живое Слово“, на 556 страницѣ, снизу 8-я строка, напечатано: *до изображенія письменъ*, вмѣсто *до изобрѣтенія письменъ*. Въ статьѣ „Палство и Арвольдъ Брешіанскій“ на 580 стр. напечатано: *старья старухи-бабы*, вмѣсто *старухи*; на 584 стран. *существеннымъ союзникомъ*, вмѣсто *естественнымъ союзникомъ*; на 587 стран. *тамъ жили люди*, вмѣсто *тамъ жили люди*; на 592 стран. *обстоятельно дѣйствовалъ*, вмѣсто *обалтельно дѣйствовалъ*. Въ статьѣ „Отзывы печати о журналѣ „Вѣра и Разумъ“ на 598 стран. напечатано: *принимаетъ ея*, вмѣсто *принимаетъ ее*, *tabula vasa* вмѣсто *tabula gasa*; на стран. 609 напечатано: *людной трескотни*, вмѣсто *модной трескотни*, на стран. 613 *heva Theologiae*, вмѣсто: *hera Theologiae*; на страя. 617 *по вашему искреннему*, вмѣсто *по нашему искреннему*; на стран. 631 *признаетъ наше большинство*, вмѣсто *признаетъ наше общество*.

Въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ: Ферапонтова, Кольчугина и другихъ поступили въ продажу книги:

ПИСЬМА

Московского Митрополита Филарета

къ покойному Архіепископу Тверскому Алексѣю (1843 — 1867 г.), изд. Саввою Архіепископомъ Тверскимъ, въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія Тверской епархіи. Москва. 1883 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 рубля.

УКАЗАТЕЛЬ для обозрѣнія Московской Патриаршей ризницы, составленный Саввою, Архіепископомъ Тверскимъ, изд. V, пересмотрѣнное и дополненное, съ приложеніемъ XV таблицъ фотографическихъ снимковъ съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ ризницы, и съ „Объяснительнымъ словаремъ“. Москва. 1883 г., въ 4 д. листа. Цѣна 4 руб., съ пересылкою 4 руб. 50 коп.

ТАМЪ-ЖЕ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ: „Воспоминанія о высокопреосвященномъ ЛЕОНИДѢ, Архіепископѣ Ярославскомъ“. Саввы, Архіепископа Тверскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. „Воспоминанія очевидца о священномъ коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ Бозѣ почившихъ Государа Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы Маріи Александровны“. С. А. Т., Тверь. 1883 г. Ц 25 коп., съ пересылкою 30 коп.

отъ Совѣта общества Любителей церковнаго пѣнія.

вышла въ свѣтъ ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

КРУГА ЦЕРКОВНЫХЪ ПѢСНОПѢНІЙ

обычнаго напѣва Московской епархіи,

заключающая въ себѣ пѣснопѣнія Св. Четырдесятницы и Страстной седмицы. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб. Получать можно въ канцеляріи Общества, въ Богоявленскомъ монастырѣ, у книгопродавца Ферапонтова, на Никольской улицѣ, и у Мейкова, на Кузнецкомъ мосту. Тамъ-же продаются первая и вторая части означеннаго изданія, стоящія — 1-я часть „Всенощное бдѣніе“ 1 р., съ пересылкой 1 р. 30 к., 2-я часть „Ирмосы Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ съ тропарями“ 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоятъ изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою листокъ для Харьковской епархіи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по-полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.